

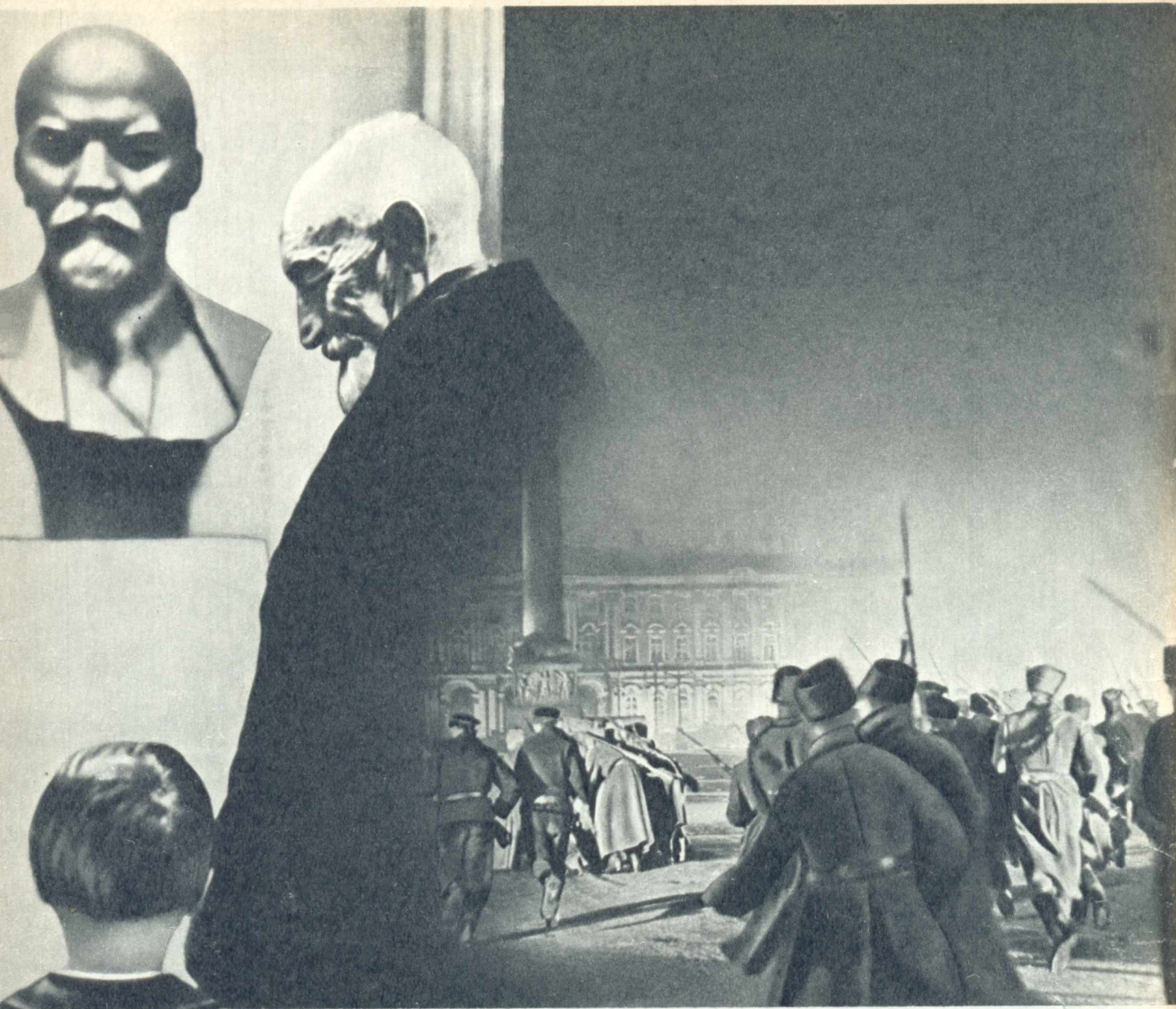
00

СЕМЬЯ ШКОЛА

• 1965

1917—1965

**„ВСПОМИНАЯ НАШИ ДЕ-
СКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ,
РАЗДУМЫВАЯ, К ЧЕМУ НАС ГО-
ТОВИЛИ В ЖИЗНИ РОДИТЕЛИ-
БОЛЬШЕВИКИ, Я УВЕРЕННО
МОГУ СКАЗАТЬ: К БОРЬБЕ“.
(Л. ПОДВОЙСКИЙ. „ПРИМЕРОМ
ВСЕЙ ЖИЗНИ“).**

„И пусть не сразу, с годами, но почувствовали ребята, что к их большому другу не подходит холодное слово „отчим“. У них есть настоящий отец“.

(В. Шумилин. „Дом над откосом“).

„Я всегда замечала: если мальчик увлеченно читает или рисует, строит кораблики или радиоприемники, серьезно занимается спортом, он никогда не станет „трудным““. (И. Кичина. „Увлеченность“).

«...ШКОЛЬНИКИ ВСЕГДА ОСТАЮТСЯ ДЕТЬМИ. И ТАТЬЯНА ТЕРЕНЬВНА, ОТНОСЯСЬ К УЧЕНИКАМ ВСЕРЬЕЗ, НИКОГДА НЕ ЗАБЫВАЕТ, ЧТО ОНИ ДЕТИ, И УМЕЕТ ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЭТИМ ДЛЯ РАЗНЫХ ВЫДУМОК». (Г. САВЧЕНКО. «ЖИВЫЕ КАРТИНЫ» ТАТЬЯНЫ ТЕРЕНЬВНЫ).

МЕШАЮТ ЛИ ИГРУШКИ УЧИТЬСЯ? КАК СДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ ОСТАВАЛОСЬ СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ ПОСЛЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ УРОКОВ? КАК ВОСПИТАТЬ В РЕБЕНКЕ ЛЮБОВЬ К ДОМАШНЕМУ ТРУДУ? обо всем этом — в „ПОЧТЕ СЕМЬИ И ШКОЛЫ“.

«Самое главное для художника — быть взволнованным, любить, надеяться, трепетать, жить. Быть прежде всего человеком и только потом — художником», — эти слова великого французского скульптора Огюста Родена приводятся в очередном выпуске нашей «Картинной галереи».

СНОВА О ЛИМОНАХ НА ОКНЕ; СОВЕТЫ КИНОЛЮБИТЕЛЯМ; КАК «ЛЕЧИТЬ» КНИГУ; МУЗЫКАЛЬНАЯ СТРАНИЧКА; О ЗИМНЕЙ ОДЕЖДЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ — В РАЗДЕЛЕ «В ЧАСЫ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА».

ВСТРЕЧАЯ ПРАЗДНИК...

Сорок восемь лет нашей славной социалистической Родине. А через два года советский народ, все прогрессивное человечество будут встречать 50-летие первого в мире государства трудящихся. На протяжении жизни одного нашего поколения сделано так много, что не идет ни в какое сравнение с минувшими веками.

Мне 92 года. В рядах ленинской партии боролась я в подполье, участвовала в Октябрьском перевороте и в укреплении Советского государства в первые годы его становления. Мне повстиллилось рабааать па непаосредственным руковлаством Владимира Ильича Ленина. По своему личному опыту хорошо знаю, как нелегко был наш путь. Трудный, суровый. Много невзгод и жертв. Но мы, ленинцы, неизменно шли вперед, не отклоняясь от своей великой цели. В этом всегда было и в этом есть самое большое мое счастье, счастье всех, кто завоевывал Советскую власть и укреплял ее могущество.

Вспомним, какое исключительное внимание уделял Владимир Ильич всестороннему подъему экономики и культуры Советской страны, причем это находило выражение не только в разработке научно обоснованного государственного плана электрификации, не только в гениальных наметках коренного пресбразования сельского хозяйства, но и в практическом разрешении бесчисленного множества насущных вопросов работы отдельных заводов, фабрик, шахт, электростанций, сельских районов, научных учреждений, школ, больниц, театров, музеев... Но самое большое внимание наш Ильич, наша Ленинская партия уделяли людям труда, борцам и строителям новой жизни, ибо только они, люди труда, — решающая историческая сила. Советские люди отстояли свою страну от всех врагов Великого Октября. Советские люди превратили свою страну из нищей, отсталой в передовую индустриальную. Советские люди построили социализм и продолжили дорогу в коммунистическое общество.

Велико значение в коммунистическом строительстве решений Пленумов ЦК КПСС — октябрьского и ноябрьского прошлого года, мартовского и сентябрьского, состоявшихся в этом году. Мне думается, что решения этих Пленумов с особой силой подчеркивают главную мысль, главную заботу нашей Ленинской партии: от трудовых усилий, от ясного сознания своего долга и ответственности перед обществом каждого из нас, советских людей, более чем когда-либо зависят новые успехи коммунистической стройки.

В будущем году созывается очередной XXIII съезд КПСС. Каждый съезд партии — новая веха в жизни партии и всего народа. Предыдущий XXII съезд КПСС, делегатом которого я была, принял новую программу партии, программу построения коммунистического общества. Мне, старому члену КПСС, радостно сознавать, что за последние годы выросли новые города, сотни новых заводов, построены новые железные дороги, что наш человек не один раз побывал в космосе и что именно мы, советские люди, продолжаем прокладывать новые пути на земле и первыми начали осваивать космос.

Хотелось бы пожелать, чтобы наша молодежь как можно больше и лучше знала историю нашей Родины, партии, революционные боевые и трудовые подвиги народа. Каждая семья и каждая школа располагают возможностями пробуждения в детях с их раннего возраста интереса и любви к нашему героическому прошлому. Как можно больше и лучше знать это прошлое, чтобы дорожить настоящим и смелее бороться за будущее.

Нам предстоит еще очень многое сделать, чтобы выполнить программу партии — построить новое общество. Не сомневаюсь, что мы ее выполним, так как наше будущее, наша гордость — молодое поколение советского народа — уверенно берет в свои руки из рук своих отцов и дедов ленинскую эстафету, которая несет людям счастье мирной творческой жизни для всех и каждого.

Елена СТАСОВА,
член КПСС с 1898 года,
Герой Социалистического Труда

11
НОВАЯ
1965

СЕМЬЯ
ШКОЛА

АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР

В разделе: ♦ Отец очень любил детей и поэтому не прощал им ни одного недостатка ♦ В семье всеююзного старосты ♦ Почувствовали ребята, что не подходит к их большому другу холодное слово «отчим» ♦ Красота — рядом

Семья коммунистов

ПРИМЕРОМ ВСЕЙ ЖИЗНИ

л. подвойский

Вспоминая наши детские и юношеские годы, раздумывая, к чему нас готовили в жизни родители-большевики, я уверенно могу сказать: к борьбе. В воспитании своих детей их девиз удивительно совпадал с пионерским: «К борьбе за дело рабочего класса будь готов!» И закалка, полученная нами в семье, не пропала зря.

После разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом наша гвардейская дивизия стремительно, как весеннее половодье, наступала на запад. Мы шли донскими степями на освобождение Донбасса. Позади уже Краснодар и Луганск. Полевая почта не поспевала за нами, и лишь весной, когда дивизия вышла к Северному Донцу, я получил несколько писем отца и одно, пересланное мне сестрой Лидой, из-под Старой Руссы.

«Милая наша дочь, — писал ей отец, — глубока наша гордость и радость по случаю боевых Левушкиных успехов и твоих. Крепко семейное счастье. Бойцы и командиры, верой и правдой служившие Родине в дни гражданской войны, разгромили в 1918—1920 годах в главных боях внутреннюю контрреволюцию, помещиков, капиталистов, кулаков. Они изгнали из Советской страны германских и остальных захватчиков. Именно эти первые советские воины воспитали своих детей в духе мужества, беспредельной любви к Родине. Какое удовольствие видеть своих детей советскими воинами, умело, искусно, смело, стойко, упорно защищающими все то, что завоевано народом в Октябрьской революции.

Наша семья сегодня поднялась на большую высоту. Вслед за тобой сделался гвардейцем Левушка. Он награжден орденом...

Мы очень гордимся, что Левушка второй раз помогает донским казакам и украинцам в их избавлении от гнета, рабства. В первый раз, когда он был еще мальчишкой, мы стояли летом 1918 года боевым лагерем в Балашове и в Киеве летом 1919 года. Левушка ездил со мной по Донскому и по Украинскому фронтам. Левушка был со мной на Дону, откуда теперь он начал с дивизией победное наступление.

Теперь он со своей дивизией доделывает в Донбассе ту задачу, которую летом 1919 года мы не выполнили. Тогда Ленин требовал от рабочих Украины, от Наркомвоена сохранить во что бы то ни стало Донбасс в руках Советской власти. Мы не выполнили тогда боевое требование Владимира Ильича. И это мучит, мучит меня и многие тысячи бойцов гражданской войны. И всегда будет мучить. Но Левушка с армиями, которые освобождают Донбасс, облегчает теперь наши мучения...

Пусть всегда сохраняет, оберегает осеняющее вас знамя великого Ленина!»

Это знамя по поручению Ильича отец нес на штурм Зимнего дворца в октябре 1917 года. Много он рассказывал о том, какие боевые задания поручал ему

Владимир Ильич, как мягко, по-отечески давал советы и как сурово требовал выполнения каждой задачи.

Наши родители гордились тем, что они принадлежат к старой ленинской гвардии, и постоянно звали нас быть бойцами Ильича. Сам отец до конца жизни не хотел выходить из строя. Когда казалось, что болезнь вот-вот одолеет старого большевика, он написал нам в 1935 году из больницы полное бодрости письмо:

«Ребята!

Давайте решим, что из меня сейчас целесообразно взять и сделать для третьего, четвертого и пятого года второй пятилетки. Решим! Значит, будем новать, будем учиться новать из богатств отца всегда нового, всегда юного, своеобразного бойца, всегда в максимуме целеустремленно использовать те стороны своих богатств и сил, которые в данный год наиболее нужны для социалистического строительства».

Отец хотел, чтобы каждый в семье, как мама, отдавал борьбе за народ все, что имел.

«Марксисты, мыслители всё делают, чтоб перестраивать мир. Мы чувствуем, как ты становишься все более глубоким марксистом, — писал мне отец в одном из писем. — Чувствуем, что ты произошел от нас не только физически, но и духовно. Видим, как развиваются в твоём сознании мысли и чувства, вложенные в твою детскую и юношескую головушку нами, прошедшими к тому времени не одну кровавую школу. Когда мама стреляла и сбивала с коня казацкого есаула, она это делала потому, что любила русский народ, русских рабочих больше, чем себя, стреляла потому, что отдавала, как и Данко, свое сердце людям, чтобы освещать путь чистотой и правдой своей девичьей жизни и красоты тебе и всем советским воинам, всем, кто должен последовать за ней».

Со школьных лет родители растили нас как бойцов. Особое внимание они уделяли нашему воспитанию в переходном возрасте, когда легче всего свернуть с правильной тропы и заблудиться в жизни, как в незнакомом лесу.

Л. Подвойский заканчивает публикацию писем замечательного большевика Николая Ильича Подвойского своим детям. (См. № 1 — «По Ильичу»; № 3 — «Красное солнышко семьи — мама»; № 7 — «Гений — твой труд».)

«Поздравляю тебя, мой родной, милый юноша, мой Левинька, с исполнением 15-ти лет, — писал мне отец. — Нормально, это четвертая часть жизни человека. И половина подготовки человека к его жизненной трудовой деятельности. Желаю тебе, чтобы ты по-ленински подытожил эти отрезки твоей жизни и занялся подготовкой курса своей жизни».

Отец очень любил своих детей, и именно поэтому не прощал нам ни одного недостатка. В 20-х годах школа, к сожалению, не всегда выпускала грамотных людей. Я писал с ошибками, отец не обошел это, поздравляя меня с окончанием семилетки.

«Поздравляю тебя. Ты окончил семилетку.

Эта победа обязывает тебя ко многому. Прежде всего обязывает оправдать доверие в твою способность и волю без школы, самостоятельно ликвидировать свою орфо-

ко отец это делал более «в лоб», а мама мягче, тактичнее и подчас более эффективно. Перечитывая теперь письма отца детям и внукам, я удивляюсь, как он, перегруженный важными государственными делами и ответственными партийными поручениями, умело следил за нашим поведением, четко указывая на то, что плохо и что хорошо.

«Милая Лидуша! — писал папа дочери. — Вчера для всех нас был один из радостнейших дней: маму отпустили из больницы и обещали в середине дня разрешить пойти на работу. Ниночка перед приходом мамы дралась с пылью и беспорядком в комнатах, как на фронте. Победила! Маме не пришлось братья за тряпки и щетку».

А через 22 года отец старается закрепить ту же черту заботливости о матери у своей внучки Лены, дочери Нины.

«Мама говорит, что ты очень подружилась с Морозом — Красным носом. Он тебя пощипывает за щечки, носик, а ты лишь смеешься и становишься позазорнее. Ты мне очень нравишься, что организуешь детей, чтобы они веселились и красиво, интересно играли и занимались. Мама рассказала, как ты за ней ухаживала, когда она повредила ногу. Мне это было очень приятно. Приятно, что ты убирала комнату. Вот какая ты молодец!»

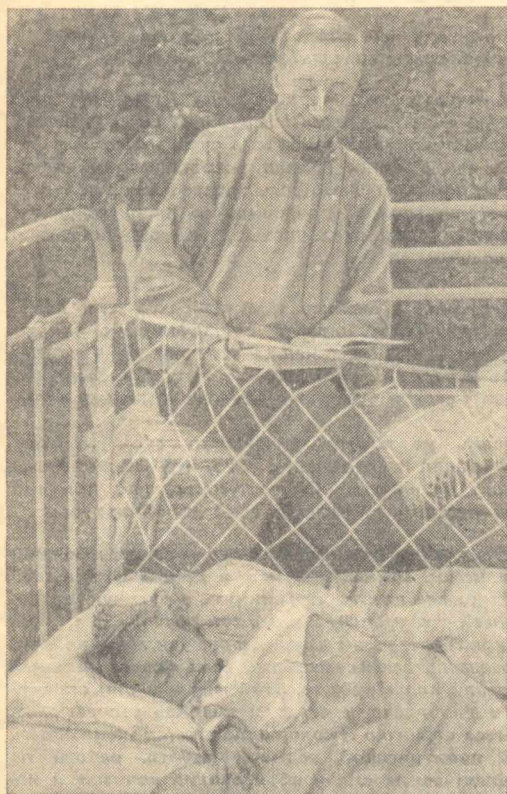
В семье хранится, впрочем, немало и «обидных» записок отца.

«Ниночка! — писал он десятилетней дочери. — Ты забыла, что я уезжаю, и даже не простилась со мной. Мне это очень неприятно.

Если ты мне будешь каждый день на этом листе записывать ответы на следующие вопросы: когда пришла из школы, часы и минуты, когда пообедала, когда выучила уроки, когда поиграла, когда легла спать, то ты, значит, хоть немножко будешь помнить, что у тебя есть папа, который очень хочет, чтобы из Ниночки вышла настоящая ученица Владимира Ильича».

Много подобных записок получал, к сожалению, и я. Отец требовал от нас, будущих бойцов, дисциплины, опрятности, аккуратности. Сам показывал прекрасный пример постоянной подтянутости, соблюдения режима. Даже в старости он ходил браво и отличался выправкой, как настоящий гвардеец.

Родители мало баловали нас и в детстве и в отрочестве. Как-то сестра, получив свой первый отпуск на заводе, поехала в Крым в переполненном общем вагоне без всяких удобств. На вокзале она ворчала, как старуха. И вскоре получила открытку,

Н. И. Подвойский с внучкой. 1936 год.

графическую болезнь и овладеть искусством выражать такими знаками свои мысли, которые каждый бы с наслаждением читал и которые вызывали бы чувства художественного удовлетворения. Долой отвратительное, неряшливое письмо. Нам, тем, которые идут вперед, нельзя быть смешными, нельзя вызывать чувство безразличности, чувство отращения. Выданное тебе свидетельство обязывает тебя всегда твердо стоять на земле, то есть на основе действительных, а не желаемых возможностей. Так учил жить Владимир Ильич и так он всегда делал».

Во всех вопросах нашего воспитания родители всегда были единодушны, твердо знали, что требовать. Толь-

Н. И. Подвойский с сыном. 1940 год.

«Любимый мой пролетарий! — писал ей отец. — Вероятно, уже прошли твои желания сделать выговор за то, что вы ехали без постели и бока натерли. И что в Симферополе вас высадили и везли по холодным горам на грузовике. Море, горы, красота, вероятно, заставляют тебя радоваться, хохотать, наслаждаться... Вчера мне сказал один виднейший невропатолог, что когда люди радуются, смеются, хохочут, тогда нервы освобождаются от спазматических явлений. Значит, самым лучшим лечением от неврастения, истерии, утомления нервов является создание радостного довольного состояния, смех».

И отец и мать едко высмеивали и у нас и у наших друзей замашки «барчуков», стремление к особому положению, к удобствам жизни, недоступным другим. В то же время родители были против подчеркнутого нигилизма, пренебрежения доступными удобствами в жизни.

В конце гражданской войны Ленин и Дзержинский поручили отцу возглавить Всеобуч и организовать в стране физическое воспитание трудящихся. С большевистским жаром исполнял он это поручение. Как всегда, в порученном ему новом деле он подавал личный пример, требовал, чтобы пример борьбы за здоровье показывала и вся семья. В первые годы Советской власти мы жили трудно. Испытывали лишения, были с родителями на фронте, сестры вместе с матерью находились в плену у белых. В результате всего этого в детстве на нас набросились болезни: цинга, туберкулез, ревматизм... Отец призывал нас не поддаваться болезням, побеждать хворь по-большевистски.

Вот одно из писем отца по этому поводу. Мне тогда было 15 лет. У меня развивался туберкулез, а я, увлеченный учебой и пионерскими делами, не очень-то слушался докторов.

«Знаешь, что я тебе скажу в ответ на твое последнее письмо? Мама и я мучаемся тобой и другими детьми, ты знаешь, что смерть Маечки нас с мамой страшно пришибла. А думаешь, маме было легко писать, что доктор Николай Иванович сказал: «Лева, по-моему, безнадежен: он кончит при малейшем неблагоприятном случае скоротечной чахоткой». И ты думаешь, что мне можно поправляться при таких известиях, а маме спокойно спать и есть. Неужели у тебя не хватает пионерского и комсомольского сознания, чтобы понимать, что мама от одного такого твоего вида и мысли о том, что это может каждую минуту кончиться, мучится, страдает и болеет. Болеет горько и глубоко убивается по тебе, а по ночам плачет. Неужели ты думаешь, что твоего отца и твою мать, коммунистов, может радовать вступление в комсомол, комсомольские нагрузки, комсомольская литература, когда приходится партии и государству платить за это лечение горным солнцем, мышьяковыми впрыскиваниями».

Отец требовал, чтоб я прервал учебу и поехал лечиться. Вообще он часто давал нам советы, как бороться за свое здоровье. Забота отца помогла мне выдерживать пылительные фронтовые тяготы во время войны. Как надо волей побеждать свои недуги и возвращаться в строй, отец показывал на личном примере. Врачи удивлялись, как он выкарабкался после тяжелого инфаркта в 1935 году и еще 13 лет после этого мог жить, напряженно работать и быть бодрым и жизнерадостным.

«Сердце свое я что есть мочи буду держать в руках, — писал отец маме из больницы. — Оно у меня приходит в порядок хоть медленно, но верно. Источником энергии

для организации и водительства масс твой верный боец был и будет. Давай будем сильными всегда!»

Отец учил нас не скрывать свои недостатки, уметь признавать их и стремиться к исправлению. Наши родители считали важным не упускать так называемых мелочей при формировании характера. Пренебрежение к ним может привести к тому, что в душе человека произрастает черствость, эгоизм. Много писем отца близким посвящены дружбе, товарищеской спайке, коллективности в семье. Он требовал от своих детей и внуков внимательного, доброжелательного отношения друг к другу.

«Дети! — писал он в 30-х годах. — Непременно надо культивировать джентльменский режим и из него прежде всего дисциплину в отношении друг к другу. Сказал «да» — значит безоговорочно, точно, своевременно, наилучшим образом должно быть исполнено».

Большим недостатком отец считал неумение слушать другого, стремление навязать свое мнение.

«Лидочка! — писал он дочери. — Надо научиться слушать до конца с полным и невозмутимым спокоичеством. В каждом повествовании улавливать суть опыта, и только расценив его с точки зрения революционной, классовой, пролетарской, высказывать твердое, решительное, уверенное, определенное суждение, со всей обдуманностью, ясностью, решительностью, настойчивостью и убедительностью».

Много времени, душевных и физических сил вкладывали родители-большевики в воспитание не только нас, но и многочисленных наших товарищей, в воспитание внуков и их маленьких друзей. Наш дом был всегда наполнен детским гомоном, как лес птичьими голосами.

...Мне очень не хочется оканчивать свои заметки. Ведь я не передал и сотой доли того, что упорно вкладывал в своих детей отец. Он воспитывал нас, помогал нам большевистским примером всей своей жизни.

«Послезавтра мне исполнится 65 лет, — писал мне отец на фронт в конце войны. — О чем я думаю в эти дни? О дружбе, стараюсь глубже проникнуть в русскую пословицу: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей». В основе дружбы непременно лежит труд. Лежат усилия и коллективному созданию всяческих благ, всех благодетельных дел. Так думали наши предки. Этой мыслью они сплачивали воинов для побед и создали великое государство. На этой основе строится и совершенствуется наша семья.

...Во всей политической, военной работе, работе по поднятию физических сил и образования девизом и направляющим моментом я брал идею: довести людей до дружеского сплочения и объединения. Пусть дружба, ратная дружба еще сильнее открывает твои способности и ставит их на службу победе».

Я читал эти строчки где-то за Одером, на пути к Берлину. И вспоминалось мне, как отец за девять лет до этого письма в 1936 году, тяжело больной, на больной койке читал мне с волнением телеграмму в газете о том, как парижские рабочие развертывают борьбу «за мир, хлеб, свободу», и призывал меня стать «сильнейшим» в общей борьбе трудящихся.

— Там, где стояли мама и я в 1905, 1917 годах, там в битвах грядущих годов должны стоять Олеся, ты, Лида, Нина, — говорил он тогда. — Мы, и мама и я, будем вместе с вами. Вы впереди — мы рядом! Но перед этим тебе надо сделаться прекрасным инженером, товарищем, помощником партии, коммунистом.

В семье всесоюзного старосты

Л. ГУСЬКОВА,

заместитель директора музея М. И. Калинина

Нам, работникам музея М. И. Калинина, часто приходится встречаться с людьми, близко знавшими Михаила Ивановича, много лет работавшими рядом с ним. И когда спрашиваешь их, что было самым характерным, самым главным в его отношении к людям, чаще всего отвечают: он был настоящим воспитателем.

Необычайно широк был круг воспитательной деятельности Калинина. Каждый, кто слышал хотя бы однажды выступление «всесоюзного старосты», помнит, как просто, доходчиво, без громких слов, без выпренности и ложного пафоса умел он учить коммунистическому отношению к труду, принципиальности, твердости в убеждениях. К его статьям и выступлениям по вопросам воспитания и сегодня обращаются педагоги и учатся, как надо говорить с ребятами, находят немало тонких наблюдений, глубоких мыслей, полезных советов.

Михаил Иванович любил встречаться с ребятами и умел говорить с ними. Те, кто учился в московских школах в предвоенные годы, навсегда запомнили его выступления и беседы — неизменно яркие, остроумные,

убедительные. А сегодня хотелось бы рассказать еще об одном круге воспитательных забот, которыми он был занят повседневно и для которых, несмотря на огромную работу, всегда находил время и силы, — о заботах отцовских.

Семья Калининных была большой. Пятеро детей — сыновья Валерьян и Александр, дочери Юлия, Лидия и Анна — требовали много внимания. И хотя и Михаилу Ивановичу и Екатерине Ивановне* приходилось и много ездить, и работать, не жалея ни времени, ни сил, они всегда внимательно следили за жизнью ребят, были очень требовательными и никогда не баловали их.

Мария Тимофеевна Иванова, дол-

* Е. И. Калинина (1882—1960), член КПСС с марта 1917 года, в молодости ткачиха в Ревеле (Таллине) и Петербурге. С 1905 года участвовала в революционном движении, была избрана членом Петербургского Совета рабочих депутатов. После Великой Октябрьской социалистической революции находилась на руководящей советской и хозяйственной работе, была членом Верховного Суда РСФСР. За заслуги перед Родиной в 1960 году Е. И. Калинина была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

гие годы знавшая семью Калининных (ее муж был товарищем Калинина по революционной работе в Петербурге), вспоминает: «Я заходила к Михаилу Ивановичу, когда он был уже главой правительства, и находила в его семье ту же простую обстановку. Однажды в ожидании Михаила Ивановича я поздно у него засиделась.

Екатерина Ивановна, его супруга, тогда работала в Сибири... Дети легли спать. Пришел Михаил Иванович. Поздоровавшись со мной, он зашел к детям, проведать их. Вернувшись, сказал:

— Как бы поздно я ни пришел, не могу лечь, пока не удостоверюсь, что ребята спят. Дети должны ложиться вовремя. Посмотрю и успокоюсь: Кати нет, я прихожу домой поздно. Боюсь, чтобы из них не вышли оболтусы. Поэтому всегда стараюсь проверить, что они читают, как учатся. Хотя ребята у меня и хорошие — слушаются, соблюдают дисциплину, но следить за ними все же надо...

Михаил Иванович внимательно следил за школьными делами детей, всегда проверял их.

Воспитанный в бедной крестьянской семье, прошедший большую рабочую школу, сам он больше всего ценил в людях умение трудиться, любовь к труду. И эти качества он стремился привить своим детям. Это достигалось не навязчивыми поучениями, не разговорами о пользе труда. Просто ребята видели, как ценят труд и неутомимо работают мать и отец, бабушка и другие родные, и старались помогать им.

Летом во время отпуска Михаил Иванович часто приезжал с семьей в родную деревню Верхняя Троица. Работал там в хозяйстве матери, выходил с крестьянами на покос, любил и другие сельскохозяйственные работы. И всегда с собой в поле брал сыновей, а девочки помогали бабушке по дому.

— Лучше отдыхал, чем в деревне, я не знаю, — не раз говорил Михаил Иванович.

Пока была жива его мать, Мария Васильевна, Михаил Иванович ежегодно, а то и по нескольку раз в год приезжал в деревню навестить ее.

— Он очень любил свою мать и жалел ее, в прошлом, до революции, забитую нуждой и непосильным трудом, — вспоминает Екатерина Ивановна*.

Любили бабушку и внуки, часто гостившие у нее в деревне.

Михаил Иванович и Екатерина Ивановна воспитывали в детях уважение к старшим, скромность, честность, чувство дружбы и взаимной

* Воспоминания Е. И. Калининой хранятся в музее М. И. Калинина.

заботы; они делали все, чтобы дети выросли достойными людьми.

В семье Калининных любили шутку, смех, веселье. Несколько лет выходила в семье домашняя стенгазета, в которой были и передовые статьи, и критика «невзирая на лица». Бессменным редактором стенгазеты была Лида Калинина, а передовые аккуратно, к каждому номеру, писал Михаил Иванович.

Когда дети подросли и старший сын Валерьян должен был уехать в Ленинград учиться в Политехническом институте, Михаил Иванович летом 1925 года попросил своих ленинградских друзей устроить его сына на квартиру к кому-нибудь из рабочих. Ему хотелось, чтобы сын пожил в настоящей рабочей семье, научился быть самостоятельным. Обратились на завод «Айваз», где в 1913—1916 годах работал токарем М. И. Калинин. Так Валерьян поселился в семье рабочего завода «Айваз» Владимира Петровича Колпашикова.

А на другой год в эту семью приехал жить и Александр Калинин, также поступивший учиться в Политехнический институт.

Александр Михайлович вспоминает, что в семье Колпашиковых они с Валерьяном прожили пять лет. «Получали мы от отца «стипендию» по 25 рублей. За квартиру и стол мы с братом платили по 15 рублей. Остальные деньги у нас уходили на всякую мелочь — учебники, тетради, носки, рубашки и т. п. Так что свободных денег у нас почти не оставалось. Верхнюю же одежду — пальто, костюм, ботинки — мы тогда получали из дома. Шили и покупали нам ее «на вырост», то есть с некоторым излишком. Какой-то из пиджаков, не то мой, не то брата, был перешит с плеча Михаила Ивановича».

Несколько лет спустя уехала учиться в Ленинград и Лида Калинина.

Уезжая, она решила изменить фамилию, чтобы, как она говорила дома, «не жить авторитетом отца, а самой в жизни завоевать авторитет». Лида взяла себе фамилию Лесная и под этой фамилией прожила несколько лет, окончила Военно-медицинскую академию им. С. М. Кирова.

И вот дети получили образование *, специальность, обзавелись своими семьями, но Михаил Иванович и тогда продолжал внимательно следить за их жизнью, помогал им своими советами.

В музее хранятся два письма М. И. Калинина к сыну Александру от 12 июня и 22 октября 1942 года **.

В это время Александр Михайлович Калинин только что защитил кандидатскую диссертацию и преподавал в одном из высших учебных заведений г. Самарканда. Письма особенно интересны тем, что в них (что очень свойственно письмам М. И. Калинина к детям) беседы о семейных, домашних делах незаметно, органично переходят в серьезный разговор о важных общественных проблемах.

Михаил Иванович пишет сыну 12 июня 1942 года:

«Дорогой Шура!

Я считаю, что ты сделал большое дело, защитив диссертацию. Этим ты как бы окончательно вошел в свой производственный коллектив. Теперь

нужна работа и работа. Старайся свой предмет знать в совершенстве. И то, что тебе пришлось взять еще предмет, не плохо, если оно по силам. Мне бы хотелось, чтобы в преподавании предмета ты не упускал и политическую сторону — толкать людей к честному выполнению долга, развивать чувство патриотизма, деловой ответственности перед самим собой.

Не надо с этим надоедать, но и месту всегда сказать полезно.

Что касается фронта*, отказ начальства хотя и формален, но правдив по существу. Разумеется, если говорить по существу, максимальная польза от тебя фронту сегодня,

* А. М. просил командование направить его на фронт, но ему было отказано, и он был оставлен на преподавательской работе.

М. И. КАЛИНИН С ДОЧЕРЬЮ ЮЛИЕЙ НА ПЕРВОМАЙСКОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ. 1922 год.

М. И. КАЛИНИН С ВНУКАМИ МАРИНОЙ, МИШЕЙ, МАШЕЙ И ЮЛИЕЙ. 1939 год.

* Валерьян, Юлид, Александр стали инженерами; Лида и Анна — врачами.

** Письма переданы в музей А. М. Калининным. Публикуются впервые.

конечно, в анадемии. Между прочим, вы можете гордиться, что ваш род войск на фронте занимает очень видное место и по значению, и по доблести. Если вы его сумеете сохранить и усовершенствовать, значит, свое дело выполните честно перед страной, а ведь в этом задача каждого человека.

Ну, для первого раза довольно. Все наши иланяются. Крепко целую обоих.

Отец».

Второе письмо от 22 октября 1942 года:

«Дорогой Шура!

Я очень доволен, что ты, как бы сказать, морально стабилизировался, это хорошо.

Производительная работа требует внутреннего убеждения в полезности твоего труда.

Ваша работа сейчас очень нужна, и чем она будет лучше, то есть чем квалифицированное будете выпускать людей, тем большую будете приносить пользу стране, народу. А квалификация нужна очень высокая, нужна и культура. Если бы меня спросили, в чем сейчас нуждается наша армия, я бы не колебался ответить — всего больше в военной культуре.

Привет обоим ото всех.

Целую тебя и Наташу.

Отец».

Эти письма раскрывают нам образ Михаила Ивановича Калинина — настоящего коммуниста, воспитателя, отца. И дети отвечали отцу той же заботой, вниманием, любовью. Вот несколько выдержек из писем Лидии Михайловны, написанных в 1946 году, незадолго до смерти Михаила Ивановича, когда он, тяжело больной, находился на отдыхе в Крыму.

«Папа, родной мой, желаю тебе хорошо отдохнуть, поправиться, не скучать и приезжать скорей домой».

«Дорогой папа, шлю тебе привет от всего своего многочисленного семейства. Желаю тебе хорошего отдыха и, главное, восстановления сил. Из писем и разговоров я поняла, что ты несколько окреп на отдыхе, будем надеяться, что дальнейшее пребывание принесет еще больше пользы. Конечно, с каждым годом силы не прибывают, и нужно по мере возможности их очень беречь. Мы надеемся встретить тебя бодрым и окрепшим».

«Дорогой папа! Приезжай на дачу поскорее... Место здесь ровное и гулять тебе будет легче. Ждем твоего приезда, в дороге делайте более длинные остановки, чтобы ты имел возможность отдохнуть...»

Крепко тебя целую.

Твоя Лидя».

Сейчас нет с нами Михаила Ивановича. Семья Калининых понесла и другие утраты: умерли Екатерина Ивановна, дочери Лидия и Анна, сын Валерьян. Но семья жива — выросли девять внуков, подрастает и четвертое поколение — правнуки Михаила Ивановича. И по-прежнему живы в семье славные рабочие традиции ее основателей — традиции скромности, трудолюбия, взаимного уважения, заботы и любви.

„Одни дела, одни мечты...“

Из воспоминаний

В начале двадцатых годов в Серпухове побывал Михаил Иванович Калинин. Я работал тогда редактором местной газеты «Коммунист», и мне довелось сопровождать Михаила Ивановича вместе с работниками уюма партии. ...Был теплый осенний день. По городу быстро разнеслась весть о приезде Калинина. Все спешили встретить его. Были в этом потоке людей и солдаты в серых шинелях, потемневших еще в окопах империалистической войны, и работницы текстильного Серпухова в белых ситцевых платочках, и школьники.

Во дворе «рабочих спален» (так назывались общежития с тесными нарами для текстильщиц) стоял гул. На наменных ступеньках широкого крыльца расположились люди. Рядом остановилась пролетка. На ней встал во весь рост Михаил Иванович Калинин.

Сразу разгорелась беседа. Она шла о многом: о гражданской войне, о продналоге, о борьбе с разрухой, о помощи раненым и беспризорным детям. Зашел разговор и о воспитании молодежи.

Теребя острую бороду, жестикулируя, маленький старичок говорит с обидой:

— Не пойдем мы нынешних! Конечно, все за революцию, но зачем же по ночам песни горланить? Над старыми все смеяться? Вы, мол, свое отжили, теперь наше время! А мы так думаем: это время и наше и ваше, мы его слезами залили, кровью своей напоили, а вы и ваши дети без маяты жить будете, без богатеев, справедливо, но вот своих рабочих корней не забывайте!

Михаил Иванович слушал внимательно, вертя в длинных желтых от табака пальцах складную самокрутку. Изредка снимал и протирал очки. Из-под пиджака виднелась синяя ситцевая косоворотка. Под очками в железной оправе поблескивали добрые, внимательные глаза — в них часто вспыхивали смешинки... Весь облик Михаила Ивановича был прост, светел, по-отечески приветлив.

Вдруг старики загалдели:

— Прасковья! Иди сюда! И ты скажи слово!

К ступенькам подходила вразвалку пожилая женщина. Если бы не седина, то ее можно было бы принять за молодую: щеки розовые, без морщинок, взгляд ясный, с озорной искринкой. Она встала поближе к Михаилу Ивановичу и начала:

— Слышала я, что старики жалуются на молодежь. А ты, Михаил свет Иванович, сам спроси их, ворчунот: разве они в молодости за прялками сидели, от девок убегали? Как бы не так! И бунтовать умели, и выпить были не дураки, и целовались жарко... (в толпе раздался смех). Не верите? Сама знаю, помню... А теперь, вишь, бесполойная, мол, молодежь пошла! А вы покойные были! Объясни им, товарищ Калинин, сделай милость, скажи, что к чему!

Калинин выпрямился и стал по-юношески стройным, оглядел всех и начал говорить — с хорошей дикцией, чеканя слова. Я должен был дать в газете отчет о его выступлении, и у меня сохранилась запись тех лет. Вот что сказал Михаил Иванович:

— Понимаю я вас так. Молодежь у нас способная, горячая, дело отцов своим делом считает. Это вы, конечно, одобряете. А вот когда уважения к старшим не имеют, грубят, нас задирают, это не по душе вам. Прежде всего должен сказать, что нельзя всех под одну гребенку стричь. Все ли молодые такие уж задиры, грубияны? (В толпе раздалось: «Конечно, не все!») А нам бы хотелось, чтобы вся молодежь была приветливой и старшим. А старшие были, так сказать, снисходительнее к молодежи, к ее юношескому задору. И выступавшая сейчас работница правильно напомнила старинам их молодые годы... А я хочу обратиться к самой молодежи. Вижу я здесь и юношей, и девушек, и подростков, и мне не терпится сказать им несколько слов...

В ответ раздалось дружное, громкое: «Просим! Просим!»

— Вы, молодые, — продолжал Михаил Иванович, — призваны воздвигнуть здание нового мира, в котором будет законом равенство, забота о человеке, уважение друг к другу. Да, уважение! Особенно к старшим, прошедшим большую жизнь. И вы когда-нибудь станете «старшими», и за вашими плечами останется большая жизнь, и для вас, сейчас юных, будет драгоценно уважение молодых... В мире будущего должно быть много не только жизненных благ, но и много любви, радости, товарищества. Сейчас в ожесточенной борьбе с коварным, сильным врагом стоят рядом и мужчины, и женщины, и старые и молодые, и у всех у них одна цель, одно стремление. Крепка их дружба! Вот спрашивают: а как все-таки воспитывать молодежь, подростков, детей? Отвечу просто: в духе коммунизма. А это значит, прежде всего, подавать им примеры дружбы, взаимопомощи, самоотверженного труда на всеобщее благо.

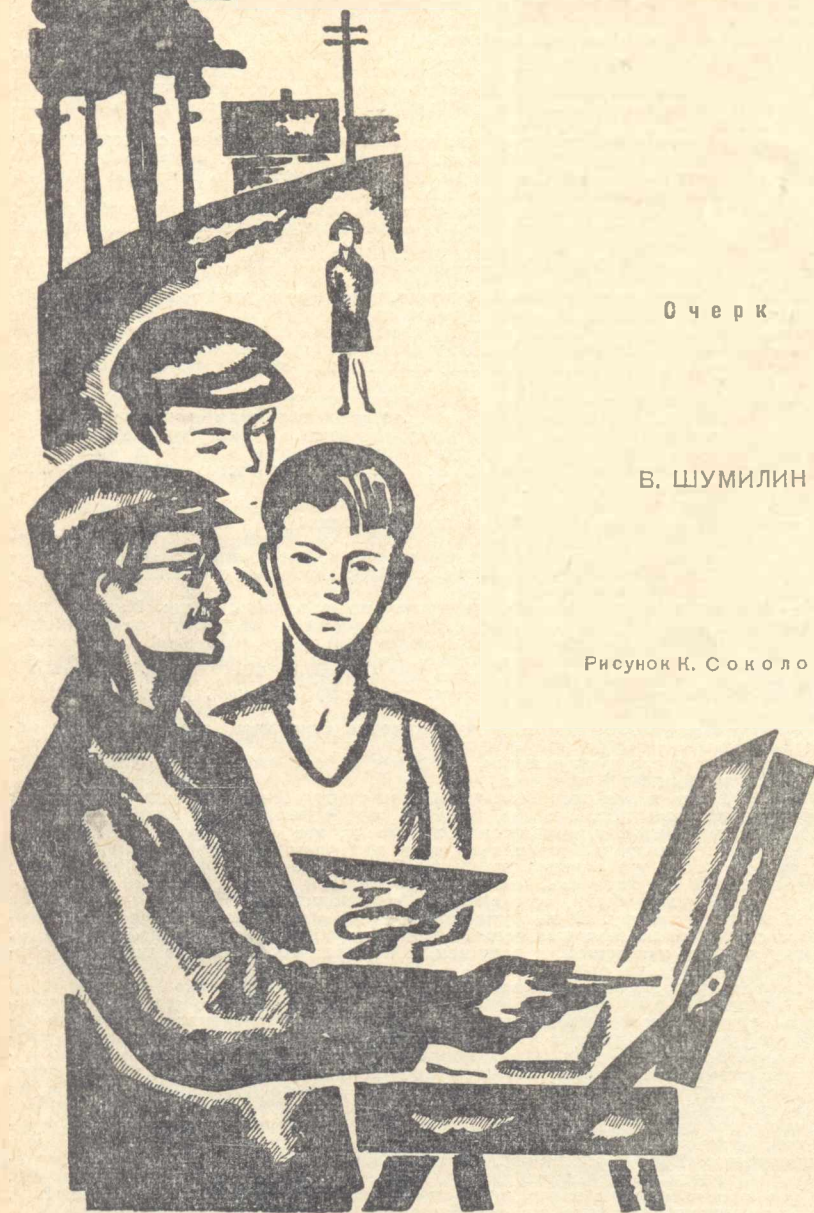
Был такой великий русский педагог Константин Дмитриевич Ушинский, — продолжал после паузы Калинин, — он говорил, что душа человека — это нива, и какие на ней посеешь семена, такие и взойдут плоды. Давайте же сеять в душах молодежи семена добра, воли к победе, справедливости, дружбы!

Мне приходится по долгу работы много ездить. Недавно я побывал на одном заводе. После собрания молодежь устроила спортивные состязания, да еще под музыку. Всем это понравилось, и старикам тоже. И они не оказались в долгу. Спели хором старинные русские песни и молодежь им подпевала, а один старик сыграл на балалайке, и все изумлялись, как можно на сем простом инструменте исполнять совсем не простую музыку... А девушки плясали — хорошо, красиво плясали! Да, товарищи, содержание поколений не только в труде, но и в быту, в семье, на отдыхе начинается...

— Думаю я, — закончил Михаил Иванович, — что у нас при Советской власти и у старых и у малых — одни думы, одни дела...

Г. ОКСКИЙ

Дом над откосом

О черк

В. ШУМИЛИН

Рисунок К. Соколова

шоферской профессии. Любил детей, любил брать их с собой в рейсы. Заберутся ребята в кузов и мчатся по крутым маршрутам так, что дух захватывает. Хорошо быть рядом с отцом.

И вдруг его не стало. Исчезли у ребят улыбки. Тщетно пытались растормошить их веселое апрельское солнце. Братья и сестры его не замечали. И дом осиротел. Осунулся, покосился набок. Время потянулось медленно, тоскливо.

А на третий год после смерти отца в дом пришел отчим.

— А мы ведь знакомы, не так ли? — приветливо улыбнулся он с порога.

Да, конечно, они были знакомы. Кто ж в деревне не знал учителя Доможировской школы? Владимир Владимирович учил их грамоте, потом заведовал библиотекой, выдавал интересные книги. Правда, долго учительствовать не пришлось. Война подорвала здоровье, сделала инвалидом.

Братья и сестры Колесниковы встретили его настороженно. Разве чужой человек может заменить отца?

Только маленькая Лиля обрадовалась. Нразилось ей, как дядя Володя носит ее на плечах в детский сад. Так когда-то делал отец. А остальные насупились, глядели на отчима холодно, отчужденно. Матери нелегко было создать в семье дружескую обстановку. Владимир Владимирович не раз задумывался: как растопить этот лед недоверия? Вспоминались суровые военные годы. Целый эшелон детей вывез он тогда под непрерывным вражеским обстрелом из осажденного Ленинграда в далекий сибирский городок. Нелегко было молодому учителю Владимиру Жукову. Он еще не успел окрепнуть после тяжелого ранения, а ему уже предстояло выступить в труднейшей роли воспитателя детского дома. Но он нашел путь к сердцам маленьких ленинградцев. До сих пор бывшие

Заунывно, протяжно гудят на морозе заиндевевшие провода. За зиму к их гулу привыкаешь, перестаешь замечать его. Но в эту весеннюю ночь в большой семье Колесниковых никто не спал. Тревогой отдавался в сердце гул проводов.

Дом стоит над самым откосом у реки. Вся деревня расположилась на

правом берегу Ояти, а их дом — на левом. Окна выходят на солнечную сторону, и почти круглый год в комнате светло. Плохо, когда солнце застилают тучи. Плохо, когда неожиданно жизнь омрачает беда...

Был у пятерых ребят отец. Удивительный человек. Редко засиживался дома. Всегда был в пути по своей

воспитанники пишут ему задушевные письма.

Трудно было тогда, а теперь еще труднее. Ведь он должен стать отцом этих ребят.

Отчим поднимался раньше петухов, допоздна что-то мастерил, строгал. И Геша и Игорь не выдержали. Как-то нехорошо получается: все по дому делал больной человек, а они — крепкие парни — стояли и наблюдали. И зазвенела в их руках пила, со свистом рассек воздух топор.

— Молодцы, — подбодрил мальчишек отчим. — Прирожденные мастера. А я и не подозревал...

Закипела работа. Вместе сени новые срубили и печь сложили. Выпрямился, обновился, повеселел дом над откосом. И ребята повеселели.

Как-то попросил Владимир Владимирович у соседа-охотника чучела тетеревов.

— Никак на охоту собрались, дядя Володя? — оживились мальчишки.

— Зачем на охоту, просто так.

Переглянулись ребята. Чудно! Как это просто так взять чучела птиц, просто так пойти на ночь в лес. А потом сами убедились, что нет ничего лучше, чем просто так сидеть в сумерках у трескучего костра и прислушиваться к голосам ночного леса.

Едва взойшло солнце, прилетел к чучелам, расставленным на березах, тетерев-косач и заточивал победно:

— Чувш, чувш!

— Ну и певун, — восторженно шепчет Геша брату, выглядывая из шалаша.

— Ой! — громко вскрикивают удивленные сестры.

А певун так увлекся пением, что и не замечает людей. Хоть руками хватай его.

Сколько исходили они потом лесных троп! И просто так, без ружья, встречались с обитателями леса. То из-под ног вспорхнет краснобородый глухарь, то огненно-рыжая лисица перебежит просеку, то промелькнет в густой чаще быстроногий лось. Хорошо гулять по лесу просто так.

Впрочем, Владимир Владимирович ходил в лес не просто так. Сядет на пригорок и рисует. Рисует лес, облака, травы, цветы. А еще пишет стихи. Выйдет на откос и долго-долго

любуется задумчивым закатом, огненными соснами, тихой Оятью. И сами собой рождаются строки:

Ветер, кружась
Над зеркальной реною,
Вольный в движениях
своих,

В эти минуты
Вздохнул над водою,
Крылья сложил и затих.
Все погрузилось
Внезапно в дремоту,
Листья и те не дрожат.
Только в излучинах,
на поворотах,
Волны колышут закат.

И побежали радостные годы. Десять лет прошло с тех пор, как Владимир Владимирович переступил порог дома над откосом. Как много изменилось с его приходом, как много он принес с собою в семью. Теперь стены комнаты украшают репродукции с картин русских художников. Едва заглянет солнце в дом, и оживут картины, зашумит шишкинская корабельная роща, загалдят саврасовские грачи... Книг в доме стало так много, что пришлось делать стеллажи.

И пусть не сразу, с годами, но почувствовали ребята, что к их большому другу не подходит холодное слово «отчим». У них есть настоящий отец. Если бы не он, наверное, не

пошла бы Рая в библиотечный институт. Привил ей отец любовь к книгам, и она обязательно будет хорошим библиотекарем. Когда-то Игорь с отцом сложил печь, а теперь папень строит большие дома. Игорь — один из лучших каменщиков в районе.

А Геша благодаря отцу пристрастился к поэзии. Правда, стихи он не пишет, но очень их любит. Послушали бы вы, как он читает на школьной сцене Маяковского! Восьмиклассница Люся тоже пошла по стопам отца. Все свободные вечера она рисует цветы, пейзажи. Даже у пятиклассницы Лили, самой младшей в семье, тоже есть заветная мечта. Она хочет стать учительницей и, как отец, обучать детей.

Тревожно гудят провода. Всю ночь в доме не спят. В тяжелом состоянии отца отправили в больницу. Как он там?

Утром почтальон начинает свой обход с семьи Колесниковых. И вот оно, долгожданное письмо от старшей сестры: «Отец чувствует себя хорошо, скоро его будут выписывать...»

К полудню солнце накалилось. Оно разбивает звенящие льдинки лужиц, радостным светом наполняет дом над откосом.

деревня Чёглы Волховского района
Ленинградской области

Говорят дети

— Дедушка, как ты думаешь, мамы всякие или не всякие нужны?

— Всеяние.

— Нет, не всякие: только хорошие, плохие не нужны.

— А какие мамы плохие?

— Которые бьют своих детей.

(4 года)

Взрослые сели за праздничный стол. Приготовились пить вино.

— Дедушка, подождите меня. Я сейчас помоюсь, — кричит Коля из умывальной.

— А зачем тебя ждать?

— И я хочу...

— Мы же вино будем пить, а маленьким пить нельзя!

— Я знаю, я только смотреть буду.

— Зачем же смотреть?

— Чтобы научиться. Когда вырасту большой — тоже пить буду.

(4 с половиной года)

Коля: «Лена, убери свои кунклы с моего стола».

Лена: «Подожди немного, они хотят побыть у тебя в гостях».

(Коле 6 лет, Лене 5 лет)

— Лена, зачем человеку ногти?

— Затем, чтобы царапаться?

— А для чего же царапаться?

— А как же тогда жить человеку!

(6 лет 9 месяцев)

Коля: «Сегодня, Лена, у нас с тобой какое число?»

Лена: «Не у нас с тобой, а у всех».

(Коле 8 лет, Лене 7 лет)

Собрал И. СТЕПАНОВ

«ОТЦОМ ЛЕГЧЕ СТАТЬ, ЧЕМ ОСТАТЬСЯ...»

Это — письмо отца сыну. Плод горьких раздумий. Попытка установить, где же ошибся ты сам, почему из твоего сына вырос эгоист и иждивенец. Мы взяли это письмо из „Трудной книги“ Григория МЕДЫНСКОГО. Оно заставит многих и многих родителей призадуматься и обратиться (если они еще не сделали этого) к интересной, вызывающей размышления и споры новой книге писателя, известного своими публицистическими работами на трудные, сложные и острые темы воспитания нашей молодежи („Повесть о юности“, „Честь“, „Не опускай глаз“, „Повелевай счастью“).

Здравствуй, Алеша!

...это письмо — результат долгих и нелегких для меня раздумий. И прежде всего кровной озабоченности судьбой близкого человека. В какой-то мере это и чувство ответственности моей перед партией: накого гражданина я дал Родине... Я не жду от тебя быстрого ответа, хочу, чтобы ты честно подумал над своей судьбой, над своими ошибками в восприятии жизни.

Так что же стало между нами?

По-видимому, ты и до сих пор думаешь, все дело в конфликте, который получился из-за твоего необдуманного (правильнее сказать — хамского) поступка сначала в адрес Веры, а затем и матери?

Нет, Алеша, главное не в этом.

... Самый корень вопроса, самая его суть, Алеша, заключается в твоём иждивенческом мировоззрении.

Я знаю, что ты обидишься и наверняка не признаешь справедливым это определение. Но тот факт, что это заявляю тебе я, должен заставить тебя внимательно проанализировать все, что будет сказано в подтверждение. Если гордыня еще не совсем заглушила в тебе элементарную порядочность, если в тебе есть честное отношение к самому себе, ты будешь только благодарен мне и, рано или поздно, согласишься, что отец вовремя указал тебе на опасную болезнь.

Но это дело твоей совести. Большего и более откровенного я тебе сказать уже не смогу. Твой дальнейший жизненный путь в большой мере будет определяться тем, как ты отнесешься к этому заболеванию. Сможешь ли ты справиться с ним сам или дождешься, что жизнь вынудит тебя это сделать. Возможно, что итоги ты подведешь на склоне своих лет, когда меня уже не будет, на последних страницах книги своей жизни.

Будучи малышом, ты проявлял характер, не терпящий опеки. Одним из первых твоих сознательных требований к нам, взрослым, было: «Я сам». Но у матери и нянйки не хватало терпения и умной дальновидности, помогающей развиваться этому здоровому началу человеческого характера. Для малюсенького человека все сложно и трудно. Он за все берется, но у него мало что получается. И, главное, не быстро получается. Мать и няня стараются всюду подставить ему свои ласковые руки, сделать то, что малыш пытается сделать сам. Не доверяя твоей способности справиться с тарелкой и ложкой, тебя поят с ложечки. Ты долго пыхтишь, одеваешься; тебе застегивают лифчики, шнуруют ботинки. И так далее, всю детскую жизнь, до отрочества. Тебя одевали гулять, тебе пришивали оторванные пуговицы, чистили твою обувь и платье, стелили постель. Если ты «навинячил», тебя ласково журили, но убрали за тобой сами.

Ты познавал мир. С каждым шагом, с каждым днем он становился шире и интереснее для тебя. Тот жгучий интерес, который представляла для тебя задача самому застегнуть пуго-

вицы, справиться с непослушным платьем и обувью, — этот интерес был неразумно погашен.

Когда ты пошел в школу, она не была в твоём сознании храмом, в который надо входить с трепетом, а службу в нем нести с усердием. Она была просто еще одной дверью, открытой в неведомый и любопытный мир. Уже до нее ты познал разницу между интересным и необходимым. Познал ее с той стороны, что необходимое скучно и его делают за тебя взрослые. Правда, взрослые на каждом шагу убеждали тебя, что уроки ты должен делать сам. Но они не создали обстановку, в которой нельзя было уклониться от этого долга. Ты скоро понял, что уроки — дело хотя и необходимое, как говорят взрослые, но такое же скучное, как и все необходимое.

У тебя была большая жадность и познавание, но не было терпения познавать основательно. Вот в этот момент твоей жизни было необходимо суровое вмешательство родителей для внушения понятий долга и дисциплины. Он был упущен, этот момент. В этот, быть может решающий, момент твоей жизни мы не осознали необходимости менее снисходительно относиться к твоей лобызательности вообще и более требовательно к глубокому усвоению необходимого. А главное, и насаждению и укреплению дисциплины, как основополагающему свойству характера. Таким образом, будучи предоставлен самому себе (добродетельные увещевания и призывы — не в счет), ты, естественно, следовал за своим интересом, кое-как отделяясь от документального необходимого.

С детства ты не был приучен помогать старшим, хотя был в элементарном: собрать или убрать со стола, подмести комнату, сходить в магазин. Все это делала нянька. Делала с величайшей любовью, пресекая твои неумелые попытки что-либо сделать самому. Ни я, ни мать не проявили здесь ни ума, ни характера. Так были заложены основы для возникновения и роста эгоизма, сознания естественности твоего положения среди взрослых.

Будучи способным мальчишкой, ты легко, на лету схватывал основное из того, что тебе преподавалось. Возможно, ты и тогда чувствовал, что этого мало. Но твоя неразвитая воля к настойчивому преодолению трудностей, к систематичности и трудолюбию не была поставлена в необходимость воспитываться и укрепляться. Таким ты и вошел во взрослую жизнь.

Вот из каких условий и источников возникло, выросло и окрепло в тебе иждивенчество как психология. Прежде всех в этом виновен я. И теперь я не вижу для себя скидки в том, что мне было некогда, что я был неопытным воспитателем и т. д. Но еще больше виновата перед тобой и обществом слепая материнская любовь. Мать знала только одну заботу, чтобы ты был сыт, ухожен и здоров. Я и тогда видел эту слепоту. Я ссорился

с матерью из-за этого. Но она нетерпеливо отмахивалась от моих упреков: «Вырастет — научится. Пусть помнит золотое детство».

И часто я бывал сбит с толку этим неотразимым аргументом. Ведь действительно, ни у нее, ни у меня не было такого детства. В те годы, когда дети только учатся, мы уже знали нужду, недоодевание и работу, с 8 до 12 лет я уже знал, как ехать с мешком и лопатой за город, чтобы, перенапавая крестьянские полоски, найти случайно оставшиеся после уборки клубни картофеля.

...В общем, что касается физического здоровья, мать сделала все, что было в ее силах... Сейчас ты силен и здоров. Для тебя это кажется таким же естественным, как сама жизнь. Трудов и забот матери ты не замечал так же, как не замечал биения своего сердца.

Время шло. Трудное военное время. Первые два года я был в Арктике, потом на фронте и виделся с тобой не часто. Мать с утра до позднего вечера на работе. Ты был предоставлен самому себе, некоторому влиянию школы и попечению нянйки. А единственной заботой нянйки было, чтобы ты был сыт, чтобы сделать для тебя и за тебя все. Ведь если бы она могла, то и уроки тоже бы делала за тебя.

Ты рос и воспитывался, по существу, на дворе. Ты увлеклся всем. В сфере твоей любознательности падало и хорошее, и плохое. Но так как плохое, видимо, ближе к поверхности жизни, то оно преобладало в тех влияниях окружающей среды, которые тебя воспитывали.

Ты не мог остаться в стороне ни от одной мальчишеской шалости. Ты освоил выключение лифта на чердаке и радовался, видя, как дед Егор, крихтя, поднимался на восьмой этаж, чтобы его включить. Ты проверил и свою смелость, когда, преодолевая замиранье сердца, на руках спускался по тросу лифта с восьмого этажа в бездонный колодезь. Чердак ты изучил куда лучше, чем управдом.

Итоги полубеспорядочного воспитания нарастали с пугающей быстротой. Я вернулся из армии. Тебе было уже 12 лет. Я понял, что дальнейшее развитие событий в этом направлении добром не кончится. Оно было чревато всякими неожиданностями. Наимея свободного времени, но убедившись, как ты запущен уже в своем необузданном своеволии, я серьезно задумался над твоей судьбой.

Я счел за счастье для тебя, когда увидел возможность устроить тебя в Суворовское училище. Я думал, что, удалив тебя в мир суровой требовательности из-под неразумной опеки нянйки, в мир обязательного самообслуживания, в мир, где вся атмосфера пропитана чувством долга перед обществом, я достигну коренного перелома в твоём воспитании.

Но, видимо, я опоздал или чего-то не учел. Быть может, не учел необходимости добиться, чтобы ты по-

нял сам, так же как и я, чтобы ты не воспринял это как наказание, как ссылку, как отлучение от ласк, которые ты щедро получал от жизни в отцовском доме. Быть может, моею виной было то, что я с ранних лет поощрял твою самостоятельность, рассчитывая вырастить в тебе характер волевой и отважный.

...Быть может, в том моя вина, что, поощряя твою самостоятельность, я не заметил, как вместо этого в тебе выросло эгоистическое: «Мне все можно». Не заметил, как подорвал самые основы элементарной дисциплины и чувства долга тогда еще перед своими близкими.

...Мои надежды, что Суворовское училище что-то доделает за меня, не осуществились...

...Я забыл упомянуть об одном факторе, который недооценил в свое время. Когда ты приезжал домой на каникулы, нянька и особенно бабка причитали над тобой, как над сиротой, которого бессердечная мать бросила чуть ли не на поругание чужим людям в «назанный дом».

И только фанты последних лет подвинули меня к пониманию истинной значимости для тебя этой неумной «жалости» — жалости старухам, живущих представлениями прошлого столетия. Я не верил, что это может повлиять на тебя столь пагубным образом. Но, видимо, иждивенческие струны твоей натуры отзывались на эту «жалость». Эти зерна проросли позднее. Только через ряд лет получился «урожай» таких эмоций и настроений, которые привели тебя к печальной памяти дня 26 июля. В этот день ты не только смертельно обидел мать, но и унизил самого себя. В моих глазах ты упал ниже того уровня, с каким я еще мог мириться.

Когда-нибудь ты с горечью вспомнишь этот постыдный фант своей жизни. Жаль, но мать вряд ли доживет до этого дня.

После Суворовского училища, до окончания института, в тебе происходит окончательное формирование основных черт твоего характера. Именно этот период определил переход

иждивенческой психологии в мировоззрение.

Начать следует с истории твоего поступления в институт. У тебя были затруднения в приеме. И на этом, действительно решающем, этапе твоей биографии мать превзошла не только меня, но и самое себя. Это было вершиной ее материнского подвига. Я не смог бы сделать того, что заставила ее сделать единственная, но могучая сила — материнская любовь.

Для того чтобы отвоевать тебе место под солнцем высшей школы, ей пришлось пойти до министра.

Ты не знал этому цены. Ты не знал, как много юношей считали бы за счастье узнавать все то, что давал тебе институт. Не зная цены своему счастью, свой путь по ступеням высшей школы ты начал с вызывающей халтуры. Ты пропускал занятия, не готовил заданий, начал с троек, а бывало, хватал и двойки. И не потому, что тебе было трудно. Ты просто не хотел поступать иначе... Наконец я заметил в тебе интерес к общественной жизни. В этом новом качестве ты уже считал возможным «критиковать» всех и все.

Я ужасался, слушая эти высокомерные рассуждения. Я бранил тебя за них. Ты умолкал, но оставался при своем мнении. Тогда эти суждения в моих глазах имели характер изолированных вывихов, подслушанных тобою обывательских рассуждений, которые ты с апломбом выдавал за свои. Тебе эта позиция всемирного критика казалась даже революционной.

И только теперь, осмысливая весь твой путь, я в состоянии оценить эти фанты в их связи и развитии. К сожалению, это не было проявлением только мальчишеской незрелости. Это были, пона первые, фанты, выражающие качество твоего мировоззрения. Я старался воспитать в тебе гордость наследника правящего класса, учил тебя уважению и труду, ибо только он создает все ценности и блага, учил мужеству в преодолении трудностей учебы и привлекал на помощь авторитеты.

Я приводил тебе много цитат. Они подтверждали мои слова, что для советских людей работа — это не должность, а место в борьбе, боевой участок. Я учил тебя презирать тунеядцев и иждивенчество, как самое презренное, что может обесславить жизнь человека, и воспитывал гордость, стремление быть на переднем крае в труде и в бою.

Ты не можешь этого отрицать. Все это правда. И только ты можешь сказать, в чем я ошибся, почему это не пришло тебе в полном объеме. Почему ты, соглашаясь со мной, тем не менее в практической жизни руководствовался совсем другими заповедями.

Беспринципность начинается с поступков.

Я помню твою наивную гордость, с какой ты хвалился тем, что участвовал в загородном пикнике со своими молодыми преподавателями. Тебе льстило, что тебя в эту компанию приглашали как равного для... пьянства. Для тебя это было наной-то победой.

Будучи внештатным комсомольским инспектором по проверке предприятий общественного питания, ты считал допустимым обратиться это доверие комсомола во зло. Ты шантароживал содержателей питейных ларьков, и они откупались от тебя выпивкой и угощением. А ты ведь не корыстный человек по натуре. Ты убежденно доказывал мне справедливость своего «принципа», позволяющего тебе без любви и угрызений совести отобрать невинность увлекшейся тобой девушки и т. д. Ты убеждал себя, что надо быть только смелым, и, не понимая, что такая «смелость» именуется в общечеловеческой практике, привнес в эту форму взаимотношений с внешним миром.

Это уже не просто фанты. Это уже не ошибки юности бесчестной. Ведь одна ошибка — это ошибка. Две — соупливание. Три — уже линия. У тебя их уже не три, а тридцать три, и все одного знака.

Все это звенья одной цепи, имя которой иждивенчество. Ты слишком рано понял выгоду отношений всадника и лошади. При условии, что ты будешь всадником.

...Я жду писателя, который возьмет на себя труд шаг за шагом проследить всю жизнь подобного тебе молодого человека, чтобы показать неопытным или неумным родителям, как формируются равнодушные, бездейные обыватели из их мальчишек и девочек. Вероятно, такой отец, как я, будет выглядеть в этом романе в очень неприглядном свете, если не преступником.

Вот у меня сейчас квартира, дача, первоклассная машина — все, о чем можно мечтать, но нет главного: нет сына-друга, сына-единомышленника. И я понял, что не так-то уж эти удобства мне необходимы. Я обошелся бы без многого, лишь бы не утратить ощущения хорошо прожитой жизни. А видимо, эти обывательские заботы об удобствах отняли у меня то время и внимание, которые я должен был отдать моему воспитанию.

Быть может, наличие этих удобств с ранних лет свихнуло мозги и тебе? Ты, еще ничего не сделав, считаешь себя вправе претендовать на «чайну», на квартиру, на нейлоновую шубу.

И вот теперь я обречен жить с неспокойной совестью за то, что где-то недосмотрел, чем-то способствовал этим твоим вывихам, и думать: смогу ли теперь убедить тебя, что серьезно болен ты, болен социально опасной и презираемой болезнью, что при этой болезни не будет тебе настоящей жизни.

ни, которой ты гордился бы на склоне лет?

...Как итог собственной жизни, могу подтвердить сказанное кем-то, что смысл жизни отнюдь не в ее удобствах. Это постигают не все. А когда постигают, бывает поздно что-либо исправить.

...Завершение формирования твоего мировоззрения я отношу к последнему году учебы и первому году самостоятельной жизни. Ты целый год получал зарплату, семья от тебя ничего не требовала, и ты жил на всем готовом. Однако тебе была известна благородная традиция юношей из трудящихся семей — первую зарплату приносить матери. Первые своим трудом заработанные деньги! Для каждой матери это радость, которая бывает только один раз в жизни. Ее сын уже на своих ногах! Он уже зарабатывает свои деньги! Ты лишил свою мать этой радости, хотя знал, что она ни на что не израсходует этих денег, кроме как на тебя. Я не помню, чтобы ты сделал подарок матери, няньке, сестре. Я не упрекаю, не обвиняю. Я констатирую. И знаю, что это не от скудости. Но не оказалось в тебе благодарного внимания к близким, которым ты столь многим обязан.

Теперь я могу подойти к финалу этого однобокого развития твоей психологии. День твоего рождения 26 июля в нашей семье всегда отмечался особо торжественно. Мать никогда не забывала об этом дне и готовилась к нему задолго. С «Алешинкой» вишни никому не разрешалось сорвать ягодки. В этом году день твоего рождения имел особое значение. Он ознаменовал твоё фанатическое совершеннолетие, женитьбу и вступление в самостоятельную жизнь. С этого дня ты отпочковывался от семьи, взрастившей тебя, и начинал жить своей семьей. У тебя была своя комната на даче, которую Вера, твоя молодая жена, любовно превратила в свое гнездышко. С любовью и гордостью мы готовились к встрече этого дня. Вера несколько дней знала только одну заботу: памятный подарок для тебя. Как мы ни уговаривали ее обойтись тем, что можно легко купить, — ей хотелось сделать что-то приятное тебе своими руками. Но ты не только не заметил всех этих хлопот, но и бездумно обесценил их своей ворчливой ссорой с Верой.

... Но наконец наступает час торжества. Тебя окружили с поздравлениями и подарками. Ты принимал их с видом восточного владыки, разрешающего курить себе фимиам.

Хотя размолвка ощущалась стояла между вами, Вера, повинувшись велению сердца, не смогла устоять в стороне от этого чествования ее любимого. Неловко, со слезами на глазах и, вероятно, с болью в сердце она пыталась вложить в твои руки и свой, любовно готовившийся подарок. И ты высокомерно оттолкнул ее и произнес обидные слова. Девочка, не помня себя от горя и обиды, убежала из дому. Все мы, ошеломленные, растерялись и не успели ее удержать, а когда опомнились, стали ее искать, она бесследно куда-то исчезла...

Вера наконец нашлась, внесла успокоение в наши сердца. Именно для того, чтобы дать тебе возможность в самой узкой среде помириться с Верой, успокоиться самому, я пригласил в свою спальню мать, тебя и Веру. Но оказалось, я совсем не знал, на что ты способен. Произошло прямо-таки ужасное. Ты перешел в наступление, как будто виноваты во всем были мы, а не ты.

Слово за слово, мать вспыхнула, перешла в упреках и резкостях, и тут

тобой опять овладело слепое бешенство. Ты закурил удила и понесся не глядя куда. Ты наговорил матери таких гадостей, что с ней сделалось плохо. Мне пришлось заняться матерью, а ты удалился, так и не поняв, что произошло. Через несколько мимолетных тяжких часов я пришел в твою комнату, чтобы подвести итоги этому дню, а по сути дела, всему твоему двадцатипятилетнему. Я еще надеялся, что ты осознал всю дикость своих поступков. Но ничего похожего, никаких проблемных сознания. И тогда я объявил тебе свое решение: покинуть отчий дом не позднее утра.

Я понимал, что это конец. Конец моим надеждам на сына-друга, который не бросит меня, поймет и утешит в горький час. Сердце мое обливалось кровью, и в него холодной змеей заползала тоска. Я знал себя. Знал, что даже голос крови не заставит меня помириться с тобой иначе, как на принципиальной основе. У меня оставалась еще только слабая надежда, что любовь окажется выше твоего самолюбия и приведет тебя ко мне самого. Только надежда! Но напрасны были эти надежды...

Через всю эту грустную повесть красной нитью проходит мать. И не потому, Алеша, что я хочу преувеличить ее заслуги перед тобой или как-нибудь примирить тебя с ней. Нет. Просто это та правда жизни, от которой никуда не уйдешь и которую ты презрительно растоптал. Следует тебе знать, что уже вскоре, когда еще не все слезы были выплаканы, когда она еще не перестала хвататься за больное сердце, она подталкивала меня, чтобы я как-нибудь помирил вас. Она охала и горевала о вашем с Верой бытовом неурядице. Она не переставала искать возможность устроить вас более удобно. А когда Вера в часы своих горестей высказывала ей свои обиды на тебя, она учила ее терпению и снисходительности, терпению строить семью, как это ни трудно при твоём характере.

Мать! Великое это слово! Мать всегда остается матерью. При любых обстоятельствах ее даже бородатое дитя всегда остается для нее ребенком.

Но я смотрел дальше. Я видел твою жизнь в грядущие годы. Я понял, что смысл жизни матери в том, чтобы сын вырос, а для меня важнейшее значение имело — как вырос. Я не хотел и не мог помирить тебя с ней как-нибудь.

Прошло почти четыре месяца. Для меня эти месяцы были полны предельных напряжений. Я готовился к отъезду в новую экспедицию и много недель пробыл в командировках. Но я все время помнил о тебе. Я думал, что мое молчание наказывает тебя более жестоко, нежели все другое. Но эти месяцы показали, что мое молчание не развязывает тебе языка и не будит твою совесть. Однако мне все же думалось, что у тебя не хватает мужества осознать свою вину и сделать первый шаг к дому. Я пригласил тебя к себе для разговора по душам. Но не получилось такого разговора.

Здесь мне кажется необходимым снова отвлечься для объяснения того, что происходит в твоём внутреннем мире при его столкновении с внешним миром. Как и при объяснении причин твоего «высокомерия», мне кажется, что ты в своем поведении усвоил некую защитную форму от требований окружающей среды. Эта форма выражается в постоянной, я бы сказал, наступательности. Прав не прав, а держи себя всегда правым — вот, мне кажется, смысл твоего поведения. Это защитный рефлекс пещерного человека! Это защита слабых!

Просто удивительно, что воспитало в тебе такое отношение к окружающим? Жизненные позиции у тебя сильные, характер волевой, среда, воспитавшая тебя, казалась мне нравственно здоровой. Интеллект у тебя развитый. В чем дело? И опять выводы наталкивают на мысль о безудержном, безграничном эгоистическом себялюбии, переросшем в вывихнутое набекрень мировоззрение...

Я должен довести до конца разговор о твоём отношении к матери.

Я говорил уже, какой примерной наседкой она была, выражаясь своим птенца, и, мне кажется, нет необходимости составлять список заслуг матери перед тобой, ее нужно ценить уже за то, что она мать, и ты слишком много должен ей, чтобы когда-нибудь расплатиться. Я хочу обратиться к твоей совести и показать с другой стороны твоё индивиденческое отношение к матери. Скажи честно, самому себе скажи, в чем проявилась твоя забота о матери? В чем ты оказал ей внимание и сыновнюю любовь?

Не припомнишь ты ничего. Не было ни любви, ни заботы, ни внимания! И даже теперь ты не хочешь замечать, что мать твоя серьезно больной человек. У нее больное сердце и совершенно потрепанная нервная система. Ты не даешь ей никакой поддержки ни на возраст, ни на болезни, ни на то, что она мать. Совсем наоборот, ты усиленно изыскиваешь: что еще не было сделано ею для тебя. Ты упрекнул ее даже в том, что она якобы не водила тебя в кино. И ты забываешь спросить себя, что ты для нее сделал.

Я не говорю о материальном. Я говорю о простом, элементарном внимании к самому кровно близкому человеку. Я не припомню ни мальчишеской ласки, ни предложения своей силы, когда стал юношей, ни понимания своего долга, когда стал мужчиной.

...Но если тебя не убеждают эти мелкие факты, я могу привести пример совершенно неопровержимый: твоё отношение к няньке. Никому, и тебе в том числе, не надо доказывать, какую самоотверженную любовь она пронесла через все 25 лет твоей жизни! Не только бескорыстную, но и прямо-таки самоотверженную. Она всегда была готова сделать для тебя возможное и невозможное. Прожив большую трудовую жизнь, благодаря своей неприхотливости и исключительной бережливости, она накопила какую-то сумму, и эти сбережения она разделила и завещала вам с женой.

Скажи, Алеша, чем ты заплатил за это великое самопожертвование? Не ведая, что творишь, ты позволял себе насмехаться над ее произношением, но, будучи учеником, не помог ей преодолеть малограмотность. Ты ни разу не подарил ей и часа своего времени, чтобы прочитать книжку. Позднее, когда стал понимать значение традиции, ты не дарил ей подарков в день рождения и даже не знаешь, когда этот день бывает (истати, это относится ко всем твоим близким)...

Сущность индивиденчества в мелкобуржуазной психологии — «взять побольше, дать поменьше», в эгоцентрическом, а проще говоря, шкурном культе собственной личности, в неблагодарности ко всем: и к тем, кто дал жизнь, и к тем, кто давал и принят, и сердечное тепло. Такие люди ведут себя так, как будто мир существует лишь для того, чтобы любоваться ими и услуживать им. Их запросы к жизни никогда не балансируются с тем, что они сами хотят и способны дать. Я думаю, что ты просто не задумывался пока над этими во-

просами и не отдавал себе отчета в том, что теперь стало чертами твоего духовного облика. Поэтому мне до сих пор хочется думать, что все это наносное, неосознанное и что, осознав, ты не захочешь оставаться прежним.

...Ты можешь сказать (или подумать), что я и сам заражен многими пережитками, что мои взгляды и поступки порой далеки от идеала, что у меня, например, слишком много вещей для одной семьи — не есть ли это порок стяжательства? Да, это бу-

можность стать образованным человеком.

Когда ты стал подрастать, я стал утешать себя тем, что моя жизнь теперь не кончается на мне. Ее мечты, несвершившиеся желания, неосуществленные возможности найдут воплощение в тебе.

Дети не выбирают своих родителей. Отец мой дал мне в наследство пролетарское происхождение потомственного москвича, но он не оставил мне не очень благозвучную фамилию. Я переменил ее. Я принял фамилию,

Зная в тебе немало по-настоящему хороших качеств: доброту, отзывчивость, развитое чувство товарищества и другие, я с удивлением наблюдал, как это совмещалось с самодовольством и гордыней. Не вижу я признаков того благородного беспокойства, неудовлетворенности собой, какие свойственны людям поиска, а вижу много всяческой коросты: болезненного самолюбия, пустого тщеславия и мелких желаний. Много ощущает человек и много раз ушибется, пока отшлифуется его характер, пока зрелостью и обдуманностью осядутся его поступки. Я хорошо это знаю по личному опыту. Но все же очень важно, чтобы человек смолodu знал цель и смысл своей жизни. И не ошибки страшны. Ошибки даже неизбежны. Но настоящий человек сам критикует себя больше всех, если ошибается дважды на одном и том же. Он учится на ошибках и поправляет себя.

...И если меня не обманывает предчувствие, ты должен стать человеком труда! Творческого труда!

Такой человек должен быть одухотворен идейным пониманием общественной значимости своего труда.

Подвиг может быть раз в жизни, а черная работа — каждый день. Но и черная работа, если она выполняется с сознанием долга, добросовестно, талантливо, день за днем много лет, тоже становится подвигом. У тебя на практике нет такого понимания труда и такого благородного к нему отношения. Я не хочу приводить известных мне фактов, чтобы не краснела бумага. Я выставлю и позорному столбу только одну твою иждивенческую фразу: «Через мои руки проходят ценности на сотни тысяч рублей. Тем, что я их не загубил, я уже оправдал свою зарплату». Отвечу на это мягко, хотя на язык просятся очень резкие слова. Дело в том, что ценность человека определяется не отсутствием недостатков, а наличием достоинств.

...В заключение мне хочется сказать, что я еще не привык к этому твоему образу, который здесь нарисовал, и не совсем верю, что ты действительно являешься таким, каким рисуют тебя твои поступки. Ты, мне кажется, еще не безнадёжен. Но, как говорится, самый лучший способ поумнеть — обнаружить в себе дурака. И я советую тебе этим заняться.

Конечно, трудно что-либо исправить за один день, тем более свой характер, свое мировоззрение. Но этого никто не ожидает. Тому, кто знает жизнь, она известна как цепь преодолений. Только безнадёжные кретины могут считать себя непогрешимыми. Только душевно добрые люди не раздражаются от каждого несогласия с их суждениями. Только сильные духом не останавливаются и перед каменными барьерами.

Ты можешь многое сделать, если пойдешь правильным путем. Для того чтобы далеко идти и не заблудиться среди ресторанно-потребительских интересов и соблазнов, надо знать свою цель и средства ее достижения. Согласись, Алеша, что «чайка» и нейлоновая шуба — это не та цель. Обидно прожить жизнь ради этого.

Я хочу, чтобы ты запомнил мой отцовский наказ: «Болель и смерть не самое страшное. Муки позора и бесчестия тяжелее смерти».

Мне очень хотелось бы надеяться, что ты будешь не только потребителем, что ты будешь рваться на передний край борьбы.

Только такая линия может помирить меня с тобой.

Желаю тебе мужества в преодолении того, что я так — с болью душевной, быть может, резко, но справедливо критикую в тебе.

Рисунки В. Орловского

дет в значительной мере правдой. Но эта правда не дает оснований тебе наследовать все мои недостатки. Со знавая собственную неполноценность, я не только имею право, но и обязан предостеречь тебя.

Говорят, что человек без мечты как птица без крыльев. Но мечта мечте рознь. Я тоже мечтал, но достиг далеко не всего, что мог бы в свою эпоху. Сосредоточившись на практически нужной и увлекательной работе по освоению Арктики, я упустил воз-

обогренную праведной кровью комсомольца, который отдал жизнь за то, чтобы ваше поколение могло учиться и строить жизнь, не боясь кулацких обзоров, от которого погиб он сам.

Но, приняв эту фамилию, я как бы принял знамя, которое нес ее обладатель на фронте классовой борьбы тридцатых годов. Всей своей жизнью я пронес это знамя, не запятнав, не уронив его. Вначале это была борьба за Арктику. Я горжусь тем, что у меня хватило патристической настойчивости вырваться из брони военного времени и стать в ряды активных защитников Отчизны против ее поработителей. Я воевал, не щадя жизни, для того чтобы ты не стал рабом и принял наше знамя как боец, когда придет твое время сражаться.

К этому, к воспитанию в тебе гордости рабочего человека, бойца, строителя, стремился я, когда писал тебе большие (серьезные, поучительные) письма. Но, видимо, я опоздал или они оказались слабее той брони эгоизма, которой ты уже был укрыт к тому времени.

Очевидно, письма эти ты воспринимал как оторванное от жизни морализирование. Вряд ли ты перечитывал и вряд ли ты сохранил их как отцовские заветы.

...И я очень виню себя, что не удалось мне осуществить свою главную мечту: воспитать из тебя человека большой цели и щедрого для всех таланта...

Я заметил у тебя наличие мечты. Но невысокого роста эта мечта. Потребительская мечта о «чайке», о нейлоновой шубе, о возможностях «красивой» ресторанной жизни. Все для себя! Ничего для всех!

Я хотел бы, чтобы ты, вырастая, не только понимал, а каждой клеточкой своего существа ощущал, что есть в жизни человека ценности, за которые и на смерть он пойдет, как на праздник. А я все больше боюсь сейчас, что в тебе угрожающие размеры принимает скептицизм и даже цинизм, для которого нет ничего святого.

Вспоминаю мальчишек, которые прошли передо мной за годы работы в школе.

Вот Коля К., шестиклассник. Он живой, смешливый и добрый. Никогда не сделает худого товарищу. Учился он неважно: часто бывали двойки, а в одном из классов он остался на второй год. Но Коля очень любил читать, причем не просто «про шпионов», а серьезные книжки с военно-приключенческим уклоном. Как-то он сдал мне сочинение — «Моя любимая книга». В нем было более 20 ошибок. Но меня поразило содержание. Это оказался настоящий трактат о парашютистах-десантниках, написанный с хорошим знанием дела.

Вот семиклассник Володя Д. — очень красивый, высокий парень. Он

нившийся в интеллектуальном отношении. Они ничем не интересуются глубоко: уроки готовить — скучно, читать — неинтересно, ходить в кружки — не хватает терпения. Все, что требует труда и усилий, им ментально надоедает. Не надоедает только кино да бесцельное шатание по улицам. А ведь мальчишеская энергия требует выхода!

Когда я вижу мальчишку, заинтересованного настоящим делом, всегда хочется узнать: кто его пристрастил? Чаше всего выясняется, что — никто. Просто сам нашел себе интересное дело и увлекся им. Конечно, это удача для семьи, когда ребенок «сам заинтересовался». Но ведь так случается не у всех.

И в этой связи особенно необходима помощь родителей. Пробудить

раст для него, и в своей мальчишеской самоуверенности считает, что мама только на это и способна. А жал! От этого многое теряют и мать и сын.

А вот другая семья. Мама — строитель, штукатур. Радостно слушать ее беседы с семилетним сыном. Она рассказывает мальчику о стройке, о механизмах, о том, как ее бригада добивается звания коммунистической. Досадует, что сегодня пришлось часть дня простаивать, радуется, что бригаду отметили в приказе по управлению. Разговор ведется и по дороге домой и за семейным столом — на него всегда находится время. И нужно видеть, с каким интересом откликается ребенок на доверительный разговор взрослого! Он горд, что с ним беседуют о больших вещах, а не только о том, как он ел да почему вымазал куртку.

Сколько мы знаем семей, где отец, придя с работы, ложится на диван с газетой, требует, чтобы ему не мешали. Конечно, он устал. Но ведь, кроме отдыха, в семье есть еще обязанности. Да и веселое, интересное общение с ребенком разве не является для взрослого своеобразным отдыхом?

Меня всегда радует в знакомой семье Г. хорошее душевное внимание отца к сыну. Оно выражается не в подарках, которыми иные родители стараются отделаться от ребят, а в дружеском общении с мальчиком.

Вернувшись из детского сада, Шурик уже с порога задает нетерпеливо-радостный вопрос: «А папа дома?» И вот папа уже рассказывает в доступной форме сыну о своем цехе, о налаживании нового станка, об освоении сложного изделия. Или просто беседует с мальчишкой о технике, спорте, новом кинофильме, играет с ним в шахматы. Николаю Ивановичу очень хочется, чтобы сынишка заинтересовался тем, что он, отец, сам любит.

Шурик с гордостью беседует «на равных» с отцом. Рассказывает о сегодняшних занятиях в их группе, о том, как мальчики поссорились: одни защищали провинившегося Витку, другие были против и дразнили его.

— Ну, это вы зря, — говорит Николай Иванович. — Этим человека никогда не исправишь.

Меня всегда поражает, как внимателен Шурик к замечаниям отца. Последний для Шурика стал тем образцом гражданственности, знаний, широты интересов, который так необходим мальчику.

Такое дружеское и серьезное общение создает неподдельный авторитет родителей в глазах ребенка. Он загорается ответным желанием рас-

УВЛЕЧЕННОСТЬ

И. КИЧИНА,

методист Свердловского
института усовершенствования
учителей

хорошо учится и увлекается спортом — коньками. В классе как-то обнаружилось, что группа мальчиков курит. Пришлось искать виновных. Когда речь зашла о Володе, он гордо заявил: «Спортсмены не курят». И подозрение отпало...

Думаю и о других ребятах — о «трудных». С ними мучаются родители, мучаемся и мы. Почему же они трудные? Когда вникаешь в разные детские характеры, начинаешь улавливать то — не скажу главное, но чрезвычайно важное, — что определяет облик и поведение ребят и, в конечном счете, их будущее.

Это — увлеченность! Увлеченность содержательным и полезным делом.

Я всегда замечала: если мальчик увлеченно читает или рисует, строит кораблики или радиоприемники, серьезно занимается спортом, он никогда не станет «трудным». Конечно, дети есть дети: они могут срываться в поведении, неважно учиться и еще чем-нибудь огорчать родителей. Но они познали радость творческого подъема, в них разбужено стремление к высокому в жизни. А кроме всего, они просто привыкли к делу, к содержательному проведению свободного времени.

И наоборот, так называемые «трудные» — это часто дети, обле-

у детей серьезный интерес к тому или иному делу — значит на три четверти решить задачу воспитания.

Особенно важен здесь личный родительский пример. Мне кажется, большую ошибку делают те родители, которые радости и заботы своего труда не вносят в семью. Они обедняют жизнь своих детей, замыкают ее в рамки узкодомашних интересов. А как важно приобщить ребенка к тому увлекательному, большому миру труда, в котором живут взрослые.

В 5-м классе провожу сочинение о мамах и папах и их труде. Большинство учеников знает только, где и кем работают родители. А вот чем они занимаются в своем учреждении или на заводе, что в их работе особенно трудно, а что интересно, за что мама или папа любят свою профессию — этого ребята не знают. И не удивительно — ведь с ними об этом не говорят.

Звоню на завод, где работает мать одного пятиклассника. Говорю о ней с начальником цеха. Оказывается, мать — одна из лучших производственниц, ее портрет на цеховой Доске почета. А мальчишка об этом даже понятия не имеет. Он видит маму лишь в домашних хлопотах, видит, как она готовит и сти-

сказать о своих делах, успехах и неудачах. Возникает хорошая деловая дружба между младшими и старшими. И главное: рамки семьи раздвигаются для ребенка, он привыкает жить в атмосфере общенародного труда, он ощущает кипение большой жизни, проникается ее великими целями. Его захватывает увлеченность родителей своим трудом. Так формируется характер творческий, активный, коллективистский.

Кроме труда на службе или производстве, почти у каждого из нас на досуге есть свое любимое дело.

Один любит стихи, другой увлечен техникой, третий — спортом, четвертый — искусством. И здесь открываются большие возможности пробудить в самом ребенке то или иное увлечение и превратить его затем в серьезное занятие.

Для этого, помимо слова, надо воздействовать примером, делом. Хорошо, когда отец находит время, чтобы поработать с сыном или дочкой: смонтировать приемник, собрать интересную конструкцию или прибор, постоларничать. Я знаю одного отца, человека большого ума и культуры, который покорила свою маленькую дочку чудесным умением «все делать». Приходя с работы, он говорил девочке: «Ну, что же мы сегодня будем мастерить?» — и начинался праздник для ребенка. Дочь давно уже выросла, имеет собственных детей, но до сих пор помнит все, что они делали вместе с отцом: кукольную мебель, корабль-парусник, грузовики, целую семью проволочных человечков.

А искусство! Сейчас почти в каждой семье есть радио, телевизор, проигрыватель. Но дело не в технических средствах. Главное — личная увлеченность отца или матери искусством и стремление передать ее детям. Вот девочка-школьница читает прозу, но не любит стихов. Однажды в свободный час мама прочитала ей свое любимое — «Мцыри». А в следующий вечер — «Бахчиса-

райский фонтан». Выразительное чтение матери покорило дочь, заставило ее «по-взрослому» заинтересоваться стихами, почувствовать мужественность и красоту поэзии.

То же с музыкой: знакомя ребенка с вещами, которые особенно близки вам, вы можете убедительно показать ему, как богат и красочен музыкальный язык, какие глубокие чувства он способен выразить.

Или взять спорт. Многие ребята катаются на лыжах и коньках, играют в мяч, купаются. Но далеко не многие делают это целеустремленно, с настоящим увлечением, настойчиво совершенствуя свое спортивное мастерство. Как важна здесь инициатива и помощь взрослых. Вот мальчишки под окном гоняют мяч. Всем они мешают, все их ругают. А если помочь им сделать футбольную или волейбольную площадку, научить играть по-настоящему, командой, посоветовать устроить состязание с соседним двором — это будет уже настоящий спорт, воспитывающий юного человека.

Чтобы привлечь ребенка к интересному и полезному делу, есть много возможностей: школьные кружки, спортивные секции, дома пионеров, юношеские клубы. Но, кроме всего, необходима и живая заинтересованность родителей, умение подогреть ребячий интерес к тому или иному делу, самому включиться в него. Иначе говоря, необходима общность интересов родителей и детей и на этой основе постоянное дружеское общение.

Совершенно не обязательно, чтобы увлечение детских лет стало будущей профессией юного человека. Он растет, и естественно, меняются его вкусы, потребности, интересы. Но какую бы профессию он в будущем ни избрал, очень важно, чтобы с детства его окружала атмосфера увлеченности делом, чтобы он не представлял себе жизни без творческой деятельности. Это — важнейшая черта характера человека коммунистического общества.

Посмотри, как красиво!..

Из записок матери

М. МИКУЛИНСКАЯ

Это началось еще тогда, когда Славик был совсем маленьким. Мы гуляли с ним в парке, и я говорила ему: «Посмотри, какой красивый куст. А листочки какие у него?» — «Зелененькие», — отзывался сын и бережно гладил их.

Наш Батуми — город приморский, и морем мы любовались постоянно. В солнечный день оно было синим-синим, в пасмурную погоду — серым, сердитым, в непогоду — черным, грозным. Каждый раз мы открывали в море новую своеобразную прелесть.

Славик особенно любил закаты — они у нас необычайно красивы. Однажды, когда сыну было лет пять, мы ехали в поезде. Дорога была дальняя, он устал и начал капризничать. Смеркалось. По небу плыли большие пышные облака; их очертания причудливо менялись.

— Гляди, сынок, какое облако! Будто медведь...

Славик перестал капризничать, с интересом посмотрел на небо.

— Мамочка! А теперь оно похоже на собаку! Видишь, стоит на задних лапах, будто хочет что-то достать!

И еще долго, пока совсем не стемнело, мы следили за облаками и фантазировали...

Весной высадили в ящик семена различных цветов, и Славик нетерпеливо ожидал первых листочков и первых цветков. Они с отцом посадили под окном куст гортензии. Проснувшись, сын спешил взглянуть: не расцвел ли? Гортензия цветет каждый год другим цветом. Сначала были белые цветы, на второй год — голубые, потом — розовые. Угадать, какой будет цвет, стало увлекательной игрой сына. И когда он угадывал, сколько было радости!

У нас дома почти всегда стоят живые цветы. Вернувшись с прогулки, Славик приносил и свой букетик полевых цветов. Мы учили его составлять букеты, умело ставить их в вазу. Сын привык к этому, и если в

доме не было цветов, говорил: «А у нас как-то некрасиво!»

Мы убедили сына, что красота в быту — это прежде всего чистота и порядок. Участвуя вместе с нами в уборке, он учился, как лучше расположить вещи, чтобы они и стояли удобно и украшали квартиру. Если приобреталась какая-нибудь новая вещь из обстановки, мы всей семьей, с обязательным участием сына, обсуждали, куда ее поставить. С раннего детства я приучала ребенка бережно обращаться с вещами. Если случайно падал какой-либо предмет, обязательно надо было вернуться и аккуратно положить или поставить на место. Особенно настойчиво требовали от него порядка в игрушечном уголке.

Позже обязанности Славика усложнились: он должен был убирать постель, аккуратно раскладывать подушки на диване... Когда он ленился, я ничего за него не делала, а только замечала:

— Если кто заглянет к нам в гости, будет стыдно не только мне, но и тебе.

— Гости не узнают, что это я не убрал, — возражал он.

— Но мы-то с тобой знаем! А гости подумают: «Вот какая у Славика мама грязнуля». Тебе это будет приятно?

Однажды в день рождения кто-то прислал Славiku открытку с поздравлением. На ней были изображены мальчик и девочка. Лица их застыли в неестественной, слащавой улыбке, оба румянящиеся, гладенькие. Сыну открытка очень понравилась. А я решила для сравнения показать ему настоящее произведение искусства. Взяла репродукцию картины Венецианова «Вот-те и батькин обед!» Славик обратил внимание, какое грустное выражение лица у мальчика. Тот нес отцу обед, но, заигравшись с собакой, нечаянно его разлил. Вся поза мальчика говорит о его горе: что он скажет отцу?

Сын понял содержание картины, и она ему понравилась. И тут мы снова рассмотрели открытку с улыбающимися детьми.

— Что их веселит? Веришь ли ты, что им действительно весело? Или они только хотят показать, что им весело?

Сыну трудно было сразу ответить на эти вопросы. Тогда я показала ему для сравнения репродукции других картин, где люди чему-то радовались. И он ощутил разницу между подлинным и неестественным выражением чувства.

Когда мы были со Славиком на рынке, я специально подвела его к месту, где продавали «шедевры» —

коврики с лебедями и счастливыми парочками на берегу. Мальчик сам обратил мое внимание на фальшь в выражении их лиц, на неправдоподобие красок озера и цветов. Он уже улавливал различие между «красивостью» и действительно прекрасным.

Мы решили собирать коллекцию репродукций. По дороге из школы Славик останавливался возле книжного ларька, спрашивал, нет ли новых репродукций. Часто, запыхавшись, прибегал и радостно сообщал: — Есть набор Шишкина! Купим?

Вечером всей семьей мы рассматривали открытки, говорили о художнике, обращали внимание на сюжет, на способы изображения — сочетание света и тени, различия в оттенках цвета... Когда накопилось немного репродукций, сделали альбом. Я предлагала на первый план ставить наиболее известные картины каждого художника, но сын предпочитал те, которые ему больше всего нравились. Случалось, что ему не нравились общепринятые шедевры. Так, он не хотел поставить вперед «Рожь» Шишкина, мотивируя это тем, что она «всюду висит». Та же участь постигла и знаменитых «Мишек» («Утро в сосновом лесу»). Зато на первый план Славик часто помещал менее известные картины, которые произвели на него сильное впечатление. Так, особенно нравилась ему «Лунная ночь» Саврасова.

Дома у нас висят репродукции картин. Однажды сын предложил: «Давайте будем менять их». Предложение понравилось: действительно, если одна и та же картина долго висит на стене, перестаешь ее замечать. Мы стали изредка менять репродукции, и получилась своеобразная «передвижная выставка».

Когда на стене появлялась новая картина, мы говорили об авторе, вспоминали, какие еще картины им написаны, разбирали детали изображения. Картина Поленова «Московский дворик» вызвала разговор о жизни старой Москвы. Когда повесили пейзажи Левитана и Куинджи, обратили внимание на то, что на обеих картинах изображен летний день, уголок леса. Но восприятие у каждого художника свое: Куинджи рисует яркий пейзаж, залитую солнцем поляну, светлые столбы березок, Левитан же показал уголок леса, где сквозь чащу густых, может быть столетних дубов с трудом пробивается солнце. У Куинджи зелень сочная, ярко-зеленая, у Левитана — темно-зеленая, бурая. Разное настроение рождает картины. «На этой поляне хочется играть в мяч, а на той — отдохнуть с книгой», — примерно так передал свое впечатление сын.

Начатки музыкального воспитания сын получил еще в детском саду. Устраивая дома праздники для Славика и его друзей-малышей, мы старались, чтобы было не только угощение, но и игры, и музыка, и чтение стихов, и веселый хордов.

С шести лет мы начали специально учить сына музыке, готовя его в музыкальную школу. Однако мальчик не проявлял старания и экзамены сдал неважно. Его не приняли. Это еще больше охладило его, и к инструменту приходилось тащить чуть ли не силой.

Наконец мы пришли к выводу, что «наильно мил не будешь», и занятия музыкой прекратились. Но это не значит, что мы забросили заботу о музыкальном развитии сына. Не в том дело, чтобы он сам играл, важно, чтобы он умел понимать музыку и наслаждаться ею. К сожалению, многие родители считают, что главное — заставить ребенка выучить несколько произведений, не замечая, что такое навязывание часто порождает у него отвращение к самой музыке.

В свободные дни приходили днем в парк и выбирали скамеечку поближе к музыкальной раковине, где репетировал оркестр. Иногда по вечерам брали Славика с собой на концерт. Однажды из афиш узнали о приезде на гастроли театра оперы и балета. В репертуаре было «Лебединое озеро». Решили пойти на спектакль с сыном. Он сидел как зачарованный, не шевелясь, затаив дыхание, боясь пропустить хоть одно движение на сцене.

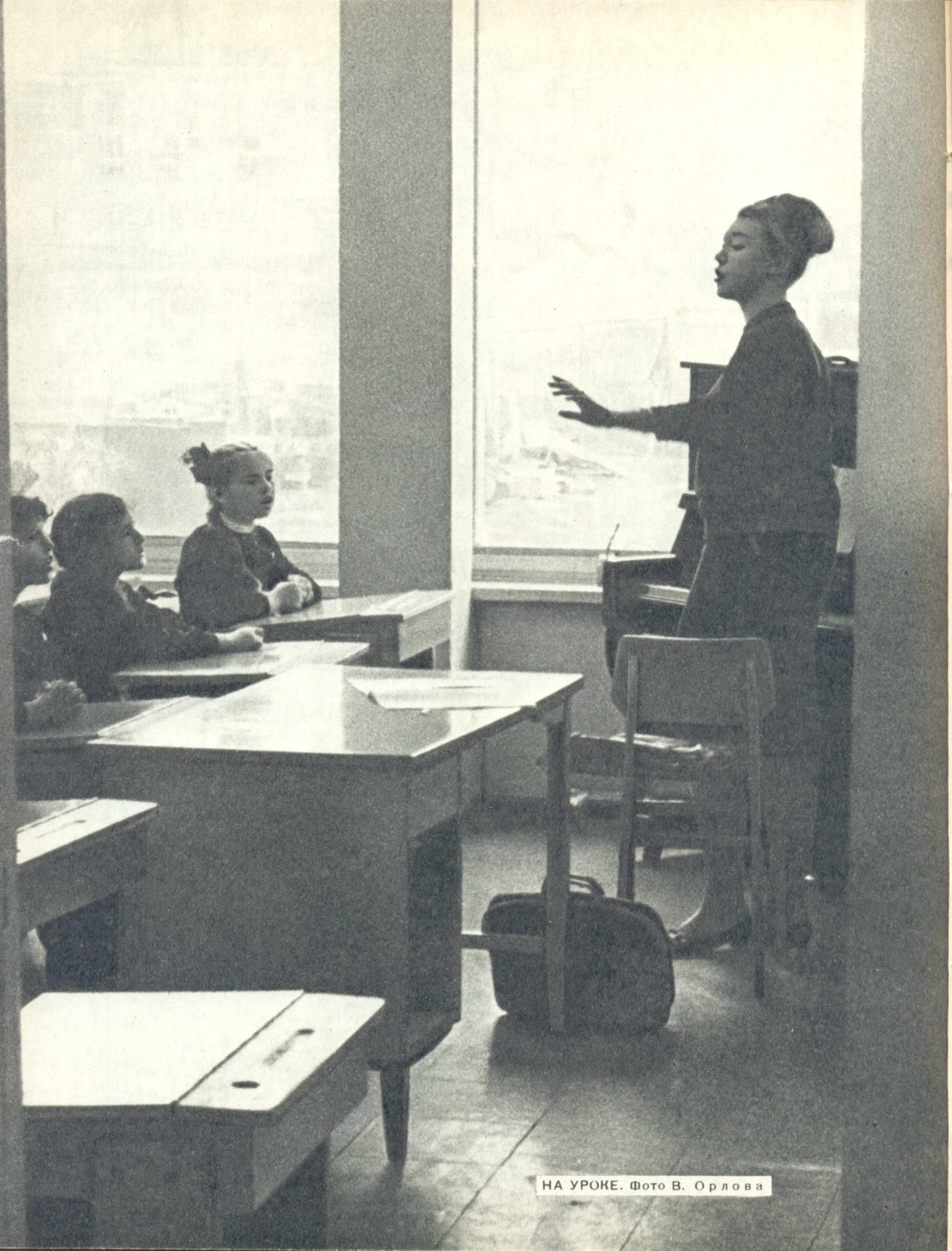
После спектакля мы с ним много говорили о балете. Долгое время сын не мог забыть прекрасное зрелище, оно постоянно отражалось в его играх. Он воображал себя то принцем, то злым волшебником, мастером себе соответствующие «костюмы». Мы купили пластинку с музыкой из балета «Лебединое озеро», и сын часами слушал ее, проигрывая по многу раз.

У нас дома немало записей музыкальных произведений. Часто по вечерам мы всей семьей слушаем музыку. У Славика есть любимые произведения, которые он слушает чаще других. Иногда к нему приходят друзья послушать музыку, некоторые просят одолжить ту или иную пластинку.

Пройдут годы. Сын вырастет и станет инженером или педагогом, врачом или техником. Но любовь к прекрасному, которую мы стремимся в нем разбудить, всегда будет — мы надеемся! — наполнять его жизнь, всегда будет жить в нем чувство добра, человечности.

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ. Фото А. Становова

НА УРОКЕ. Фото В. Орлова

БУМАЖНЫЕ ЦВЕТЫ

Р а с с к а з

Инна ГОФФ

Хирург был большой, грузноватый человек с ясными, веселыми глазами. Когда он уехал отдыхать, Марине Сергеевне, сестре из терапии, показалось, что больничный городок сразу опустел. Стало неинтересно выходить по вечерам на крыльцо и сидеть допоздна, пока не погасят свет во всех корпусах, кроме детского инфекционного.

Бывало, сидишь так, а хирург проходит мимо своей неторопливой походкой, остановится, крикнет издали:

— Марине Сергеевне привет!

— Добрый вечер! — откликнется Марина Сергеевна и заалеет лицом, будто ей не тридцать пять, а всего лишь семнадцать. — Далеко ли ходили, Андрей Иванович?

Иной раз после такого вопроса он приближался неторопливо, останавливался у крыльца, и они с полчаса беседовали о том, о сем, и все время при этом он оглядывался по сторонам, словно искал повода, чтоб уйти, а она торопливо придумывала, о чем бы еще поговорить, чтобы он постоял подольше...

— Жениться вам надо, Андрей Иванович! — говорила она, смеясь басовитым хохотком, и он, улыбаясь, отвечал:

— Рад бы, да не на ком... Вот вы пойдете за меня? А то давайте поженимся, и дело с концом...

— Ой, что вы! На что мне старик такой — хохотала она. — Вам уж, поди, сорок стукнуло. Нету еще? Ну, все равно, через два года... А я женщина молодая, интересная... — И снова хохотала.

Но стоило Андрею Ивановичу отойти и не спеша скрыться в дверях приземистого домика, где жили врачи, как лицо Марины Сергеевны менялось. Не то чтобы оно становилось печальным, но недавнее оживление и смех словно застывали на нем, делая выражение лица неестественным, как на фотографии, снятой с большой выдержкой.

Посидев еще немного на крыльце, Марина Сергеевна уходила в дом, но долго еще не ложилась — починая что-нибудь или гладила шелковую белую блузку, которая завтра все равно не будет видна под хала-

том, — и то хмурилась, то улыбалась своим мыслям.

Андрей Иванович начал работать в больнице недавно, всего лишь год тому назад. До этого он служил где-то на Крайнем Севере, оставшись там после войны. Появление его в больнице было встречено общей радостью среди персонала, состоявшего почти сплошь из женщин, если не считать семидесятилетнего глазника, молоденького рентгенолога, только что окончившего институт, и шофера скорой помощи Пети. Женщины были все больше одинокие — вдовы, потерявшие мужей на фронте, как, например, главный врач больницы, или девушки, ожидающие своего счастья, как санитарка Соня, или разведенные, как старшая сестра терапии. Марина Сергеевна не была ни вдовой, ни разведенной, но и к девушкам, ожидающим своего счастья, причислять себя не хотела: не подходила уже по возрасту. Приход в больницу рентгенолога Миши, обрадовавший девчат, оставил ее глубоко равнодушной, но появление Андрея Ивановича озарило ее жизнь новым, радостным светом, даже, вернее, не светом, а дрожащим мерцающим сиянием, которое то гаснет, то вспыхивает с новой силой. Еще ни в чем не сознавая себе, она заметила вдруг, что давно уже не покупала хороших платьев, и купила сразу два: синее шерстяное и светлое шелковое в мелкую полосочку. Оглядела придирчивым взглядом свою опрятную комнату, и ей показалось, что чего-то недостает. Подумав, она поняла, что не хватает цветов, и в первый же базарный день купила большой букет поздних георгинов. От этих цветов у комнаты сразу стал праздничный, торжественный и немного тревожный вид. Казалось, все вещи приехали на цыпочках и замерли в ожидании. На столе появилась пепельница — Марина Сергеевна, никогда не курившая и с трудом выносившая табачный запах, купила ее в тот же самый день, когда покупала цветы, и теперь она стояла на столе возле вазы с цветами. Вначале ей казалось, что все будет просто — он постучит в дверь, скажет смущенно: «Разрешите? Я к вам по сосед-

ски...» — попросит что-нибудь починить, а потом забудет, зачем пришел, и они будут долго разговаривать, сначала о книгах, потом о жизни, о себе...

Но время шло, георгины осыпались, их вишневые бархатные лепестки сыпались на скатерть, в пепельницу, а хирург все не приходил.

Так за весь год он и не пришел к ней ни разу. Может быть, просто не догадался или не решился прийти.

Ей казалось, все было бы проще, если бы они работали вместе, и она не прощала себе, что ушла из хирургического корпуса по своему желанию, почти перед самым приходом Андрея Ивановича. Она была операционной сестрой, получала благодарности в приказах. Но в последнее время стала плохо переносить запах эфира, да и нервы начали сдавать, и она перешла в терапию. И теперь она жалела об этом, понимала, что просить назад в хирургический корпус сейчас невозможно, надеясь, что когда-нибудь им придется еще поработать вместе...

Все же жизнь ее стала богаче. Она могла думать о нем, иногда мимоходом разговаривать с ним. Она просыпалась с мыслями об Андрее Ивановиче и засыпала с мыслями о нем. Она ревновала его к другим женщинам, на которых он, впрочем, обращал мало внимания, и гордилась тем, что он держит себя так независимо и достойно, — гордилась так, словно он обещал ей хранить верность и вот теперь сдержал слово. Но лишь сейчас, когда он, получив отпуск, уехал на Кавказское побережье, Марина Сергеевна поняла, какое большое место занимал в ее жизни этот человек.

Марина Сергеевна знала о Кавказе лишь то, что знают все, не бывавшие там никогда, и старалась представить себе эти невиданные места. Как и все, она представляла их почти такими, как они и есть в действительности (Кавказ в своем ярком великолепии никогда не обманывал ничьего самого богатого воображения). Но теперь ее не тянуло туда. С чувством, похожим на ревность, слушала она перед сном сводку погоды, особенно в дождливые дни, когда

там, на южном побережье Кавказа, удерживалась «безоблачная жаркая погода без осадков». Время шло. Она стала ждать его, заранее обдумывая фразу, которую скажет ему при встрече. Наварила варенья трех сортов — она все еще верила в то, что он придет. Только надо быть смелее. Может быть, сказать ему как-нибудь невзначай: «Заходите вечером, Андрей Иванович!»

Она понимала, что у нее никогда не хватит смелости сказать так, и потому тут же решила, что лучше, пожалуй, написать записку. Коротенькую, в четыре слова: «Заходите на чашку чая».

Незадолго до отъезда Андрея Ивановича к нему из Смоленской области приехала мать и двое племянников — дети его покойной сестры. Андрей Иванович, живя на севере, помогал им деньгами. И теперь решил вызвать их к себе на постоянное жительство, чтобы ближе заняться воспитанием детей. Мать писала, что дети подросли, младший, тринадцатилетний, уже курит тайком и управится с ними нет никаких сил.

Мать Андрея Ивановича оказалась простой деревенской женщиной, пожилой, но еще по-крестьянски сильной. В кумачевой косынке, туго повязанной вокруг головы, в длинной черной юбке и темном переднике, она с рассвета до позднего вечера трудилась по хозяйству. Марина Сергеевна тоже родилась в деревне и провела там лучшие годы своей жизни. С матерью Андрея Ивановича она сразу сблизилась и испытывала к ней какое-то особое, почти родственное чувство. У матери были такие же, как и у сына, ясные, веселые глаза, и говорила она бойко и охотно на той особой смеси русского языка с белорусским, как говорят на западной Смоленщине.

В один из погожих вечеров, когда они сидели рядом на скамеечке у хирурга дома, она рассказывала Марине Сергеевне о себе, о том, как давно овдовела — еще в гражданскую войну осталась с двумя детьми, а самой двадцати лет не было. Вырастила все же, в люди вывела. Да вот дочка умерла, оставила двух внуков — младшему три года было, старшей — шесть. Зять, отец их, еще раньше на фронте погиб. Ну, конечно, десять лет сама растила, справлялась... А теперь Андрей поможет... Все же мужчина в доме, ребятишкам за отца будет. Как бы не набаловал. Саньку особенно. Уж он просит: «Дядя Андрей, купи гармонь...» А тот ему: «Куплю, коли заслужишь». И купи! ведь! Правда, Санька на селе был первый музыкант. На стул его посадят, гармонь в руки дадут, самого из-за той гармонии еле видать, а пальчики по ладам так и бегают...

Марина Сергеевна слушала бесхитростный рассказ, смотрела на пожилую женщину, сидевшую рядом и сиреневым прутиком отгонявшую комаров, на ее большие загорелые руки, сухие, с потрескавшейся кожей, и ей приятно было думать, что эта женщина — мать Андрея Ивановича, что эти руки нянчили его маленького когда-то, и приятно было, что она называет его по-матерински ласково и снисходительно — Андрейка...

После таких разговоров Марине Сергеевне начинало казаться, что она знает Андрея Ивановича очень давно, помнит его мальчишкой на деревенской улице, таким, как Санька, — белоглавым и почему-то с большой картофелиной в руке.

Близилась осень. Был конец августа. Уже позднее светало, в саду возле дома облетели цветы, лишь солнечными зайчиками колыхались у окна золотые шары, да у порога на высоких стеблях трепетали от ветра малиновые, белые, розовые «мотыльки», и казалось, стоит ветру подуть сильнее, они легко вспорхнут и полетят вслед уходящему лету.

Однажды синим прозрачным утром, придя на работу и сидя в зале в ожидании общей конференции, Марина Сергеевна услышала, как кто-то сказал:

— Андрей Иванович приехал.

Марина Сергеевна стремительно поднялась и вышла во двор, стараясь совладеть с собой, но ее лицо помимо воли все светилось, и губы расплывались в счастливой улыбке. Она ждала его не раньше как через неделю, и то, что он вернулся, не дожидаясь конца отпуска, имело, должно быть, какой-то особый, тайный смысл, и ей казалось, что она разгадала его.

Вернувшись в зал, она села на прежнее место, но слушала, как во сне, что говорили другие, и сама говорила словно во сне, не чувствуя ни веса, ни смысла произносимых слов. Все же, придя в отделение, она взяла себя в руки и принялась за дело.

Марина Сергеевна работала процедурной сестрой. Эта работа требовала напряженного внимания — приходилось иметь дело большей частью с тяжелобольными. Но зато можно было наблюдать, как на глазах, день ото дня оживают лица, как встают еще недавно прикованные к постели, как на бледных желтых лицах появляется первый румянец.

В этот день она сразу направилась к постели старушки, больной воспалением легких. Еще недавно старушка была совсем плоха, равнодушно смотрела в потолок и только чуть стонала, когда Марина Сергеевна вводила камфору с кофеином.

К счастью, камфора хорошо рассасывалась, а в последнее время ее и вовсе отменил лечащий врач, оставив только пенициллин через каждые три часа.

Посмотрев на свет флакон с пенициллином, Марина Сергеевна развела пенициллин физиологическим раствором и, наполнив шприц, склонилась над больной. Прежде безучастная ко всему, старушка с интересом наблюдала теперь за тем, что делали с ее немощным телом. Она протянула Марине Сергеевне худую руку и не отводила глаз от шприца, пока светлая жидкость медленно сочилась ей под кожу. Закончив вливание, Марина Сергеевна осторожно вынула шприц и уже хотела, как обычно, потолковать с бабусей о ее здоровье, когда санитарка Соня, прибиравшая в палате, вдруг сказала: — Андрей-то Иванович, слышали? Жenu привез...

В первое мгновение Марине Сергеевне показалось, что Соня шутит. Она быстро оглянулась. Соня выметала из-под стола и вся уползла под него, так что были видны только ноги в тапочках и коричневых чулках в «рубчик», какие носят школьницы.

Не сознавая, что делает, но чувствуя, что надо что-то делать, Марина Сергеевна поднесла к глазам флакон от пенициллина и стала рассматривать его на свет. Должно быть, она побледнела и сильно изменилась в лице, потому что старушка, наблюдавшая за ней, спросила с тревогой в голосе:

— Что, дочка, смотришь? Или не то влила?

От этого вопроса Марина Сергеевна пришла в себя и, успокоив больную, поспешила уйти от любопытных глаз санитарки в другую палату.

Она работала в этот день еще усерднее и сосредоточеннее, чем всегда, не позволяла себе задумываться над тем, что случилось, но невидимая тяжесть не давала глубоко вздохнуть, и она дышала поверхностно и часто, как дышат очень больные люди.

К концу дня она уже наверное знала, что хирург женился, так как слышала об этом от многих. Она уже научилась выслушивать разговоры об этом со спокойным лицом. О жене говорили разное. Одни находили ее интересной, другие удивлялись, что Андрей Иванович в ней нашел. Разве вот коса!

О косе говорили и те и другие, первые — восхищаясь, вторые — чуть ли не с укором: «Надо же, какую отрастила!»

Только вечером, перед сном, сидя, как обычно, на крыльце, Марина Сергеевна сама наконец увидела ее.

Они шли к дому, возвращаясь откуда-то из города. Андрей Иванович шагал, как всегда, неторопливо и крупно, заложив руки за спину, а рядом с ним мелко ступала худенькая женщина лет тридцати на вид, с бледным бескровным лицом и тяжелой косой ниже колен. Казалось, эта коса вытянула из нее все соки.

Хирург заметил Марину Сергеевну и кивнул ей мимоходом.

В этот вечер Марина Сергеевна долго разглядывала себя в зеркало. Рослая и крепкая, с широким выпуклым лбом, серыми, всегда чуть удивленными глазами, она была хороша и гораздо больше под стать ему, чем та — с косой...

И таким несправедливым показалось ей вдруг, что счастье досталось другой, что она заплакала.

Она думала о том, что с этого дня ее жизнь изменится, потускнеет, станет снова такой, как до прихода в больницу Андрея Ивановича, и хотя ничего у нее не было, кроме надежды, но теперь и ее отнимали, и поэтому ушедшее время вспоминалось, как счастливое...

На другой день к приземистому домику, где жил хирург, подъехал грузовик, и с него осторожно сняли обитое досками пианино, пришедшее багажом. Андрей Иванович помогал двум грузчикам и шоферу снимать его с машины и протискивать в узкие двери. И вскоре в больничном городке уже все знали, что жена Андрея Ивановича будет работать в музы-

кальной школе и что зовут ее Вероника.

Марине Сергеевне имя не понравилось. Оно походило на название ягоды, и, весь день преследуя ее, вертелось в мозгу — клубника, земляника, Вероника...

Вскоре наступила настоящая осень. Уже в сентябре начались дожди. Ясень и липа, растущие перед самым домом, облетели и стал виден дальний лес — темные сосны сливались и лишь наверху разделялись отдельно торчавшими вершинами. С утра до вечера стояли в воздухе серые сумерки, и в их неярком свете особенно четко белели стволы берез. В маленьких корпусах районной больницы с утра до вечера горело электричество. По ночам явственно шумел о железную крышу холодный дождь.

Потом выпал снег. Все думали, что он растает, но он остался лежать, а новый все падал и падал и скоро все вокруг побелело. Пришла зима — время года, когда люди живут более скрыто, чем летом, и трудно узнать, что там, за двойными рамами, за дверями, обитыми толстым войлоком. Но если над трубой вьется легкий дым, а освещенные окна искрятся на морозе, то верится, что живут в этом доме счастливо и весело.

Когда Марине Сергеевне случалось проходить мимо дома, где жил хирург, из открытой форточки почти всякий раз неслись звуки музыки, и от этого казалось, что там идет бесконечный праздник.

Самого Андрея Ивановича она видела редко — они встречались только на общих собраниях.

Однажды, в конце февраля, тихим снежным вечером возвращаясь с работы, Марина Сергеевна лицом к лицу столкнулась с матерью Андрея Ивановича. Поздоровавшись, она хотела уже идти дальше, но та, словно не сразу надумав, окликнула ее:

— Проститься с вами! хочу. Уезжаю завтра, может не свидимся... — сказала она, когда Марина Сергеевна подошла ближе. Она сказала это спокойнo, но где-то — то ли в самих словах, то ли в едва уловимой интонации — слышалась горечь. — Конечно, дом продала. Поспешила. Ну, да родни там полно. Не зря же люди говорят: где родился, там и сойдился... А молодые пускай живут, бог с ними... Ребятишки в ремесленном, в общежитие перешли, так что помехой не будут...

Она замолчала. Желание излить душу боролось в ней с гордостью, и гордость победила.

— Пусть живут, бог с ними, — повторила она еще раз и стала прощаться.

Марина Сергеевна, ни о чем не расспрашивая, в последний раз вгляделась в усталое лицо этой простой женщины. В платке, в стеганом ватнике, в черных самодельных бурках, она выглядела гораздо старше, чем тогда, летом. Последнее, что запомнилось Марине Сергеевне, была металлическая пуговка, пришитая к ватнику взамен потерянной. На ней был изображен герб ремесленных училищ — гаечный ключ, скрещенный с молотком.

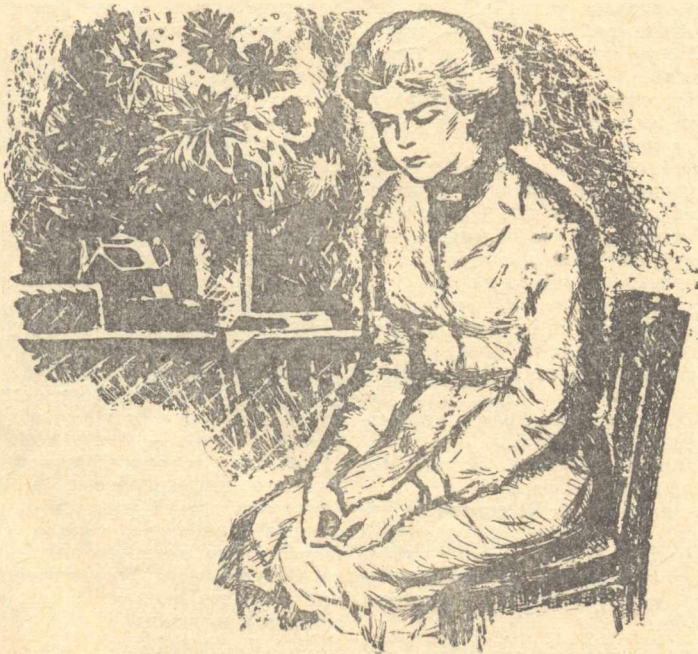
После этой встречи Марине Сергеевне не казалось больше, что в доме у хирурга идет бесконечный праздник.

В конце марта, когда деревья стояли еще по колено в снегу, подул весенний ветер, а в конце апреля от снега не осталось и следа. Деревья, еще нагие, смотрели в темную талую воду. Вода постепенно светлела, становилась голубой, потом синей. В мае сделалось сухо, прогремела первая гроза, отцвела черемуха — радость первой любви. Началось лето.

В жаркую пору окна и двери в приземистом домике были распахнуты настежь, и оттуда часто слышались недовольные голоса.

Поговаривали о том, что хирург несчастлив, что жена попала к нему скандальная: стоит ему задержаться на операции или на собрании, а она уж тут как тут, и все выпрашивает, выпытывает — здесь ли Андрей Иванович, давно ли пришел и сколько пробудет... Говоря об этом, смеялись беззлобно, сочувственно — хирурга любили.

Для Марины Сергеевны эти разгово-

воры были горьки и вместе с тем приятны. Она и сама замечала, что Андрей Иванович изменился, стал угрюмым и молчаливым.

Как-то к концу рабочего дня Марину Сергеевну вызвал к себе главный врач. В маленьком кабинете было полутемно от большого дерева, растущего под окном. Главный врач, пожилая седоволосая женщина, пригласила ее присесть.

— Вот какое дело, Марина Сергеевна. Заболела операционная сестра, — сказала она. — Я прошу вас подежурить эту ночь вместо нее...

Она говорила спокойно, вполголоса, но слово «прошу» произнесла так, как произносит его человек, имеющий право не только просить, но и приказывать.

Придя в операционную, Марина Сергеевна тщательно проверила, все ли на месте, прокипятила инструменты, перебрала в памяти их названия.

Она очень волновалась и даже втайне желала, чтобы ночь прошла спокойно, без операций.

Но около одиннадцати часов вечера из приемного покоя сообщили, что предстоит срочная операция — гнойный перитонит. Санитарка куда-то вышла, и Марине Сергеевне самой пришлось идти за хирургом.

Выйдя из хирургического корпуса, она зажмурила на миг глаза, чтобы привыкнуть к темноте, и, осторожно ступая, пошла между деревьями по дорожке, ведущей к приземистому домику. У хирурга еще не спали. Окна были открыты и ярко освещены. Белые занавески мешали видеть, что происходит внутри, но хорошо были слышны голоса — капризный женский и усталый, сдержанный мужской. Марина Сергеевна торопливо постучала. Дверь открыла Вероника.

— В чем дело? — спросила она, любезно улыбнувшись. — Андрея Ивановича? Сейчас он выйдет...

Она задержалась на мгновение в дверях и, подозрительно оглядев Марину Сергеевну, спросила: «Вы что же, теперь в хирургическом?»

Уходя, Марина Сергеевна слышала, как хлопнула дверь и Вероника свистящим шепотом произнесла: «Ступай, тебя вызывают...»

Операция длилась полтора часа.

Словно боясь, что она подаст не то, что нужно, Андрей Иванович произносил названия инструментов громче и отчетливее, чем обычно. Но не успевал он произнести до конца название, как она уже протягивала ему нужный инструмент и ни разу не ошиблась.

Когда операция была закончена и больного увезли в палату, Андрей Иванович снял маску и взглянул на Марину Сергеевну с каким-то радостным удивлением:

Рисунки А. Сысоева

— А вы молодчина, хорошо справились. Признаться, не ожидал...

Она почувствовала, как кровь приливает к щекам, и, сославшись на жару, распахнула окно. Словно откуда-то издалека услышала его слова: «Хотите работать в операционной? Могу поговорить с главным врачом...»

— Нет, спасибо, — тоже откуда-то издалека услышала она свой собственный голос.

Хирург собрался домой. Погасив в операционной свет, Марина Сергеевна вышла вслед за ним и остановилась у порога, чтобы подышать свежим воздухом. Сойдя с крыльца, он прошел несколько шагов и тоже остановился. Помолчали. Вокруг стояла тишина, было светло от луны, но сама луна пряталась где-то позади дома.

— Устали? — спросил Андрей Иванович.

— Нет, не устала... Голова кружится от эфира. Отвыкла...

— Сложная операция. Немного бы позже, и конец человеку...

Снова помолчали. Разговора не получилось. Он протянул руку, сорвал смородиновый лист с хилого кустика, растущего поблизости, растер в пальцах и, вдохнув запах, задумчиво улыбнулся:

— Да, время идет... Когда-то я ра-

стирал лист эвкалипта и радовался, что он пахнет смородиной. А теперь вспомнился мне юг, Кавказ... — он помолчал, еще раз вдохнул свежий запах. — На юге там, знаете, шалеешь в первое время... А тем более я. После севера и вдруг — пальмы, бананы, финики разные... Но вскоре начинает тянуть домой, в наши края... Растительность там яркая, но какая-то ненастоящая. Все лакированное, жесткое, сухое. Без души... Словно бумажные цветы. — Он помолчал и, вздохнув, повторил: «Да, бумажные цветы...»

Марина Сергеевна слушала его молча, глядя прямо перед собой, а когда взглянула на него, ей показалось его лицо очень усталым и грустным.

Постояв еще немного, он ушел, а Марина Сергеевна еще долго стояла у порога. Потом, подставив газету, села. Прошелестела поблизости санитарная машина и остановилась у приемного покоя — привезли больного. Погас свет во всех корпусах, кроме детского инфекционного, а Марина Сергеевна все не уходила. В окне у Андрея Ивановича, смутно видневшемся вдали, давно уже не было света. Она все сидела, помимо воли смотрела на это окно и не чувствовала зависти к женщине, не сумевшей сделать его счастливым.

Тиса из Киева

Алиса АКИМОВА

3. ВСЕ УРОКИ — ОТКРЫТЫМИ

Когда человек через много лет попадает в школу, где он учился, даже обычное приобретает для него особое значение.

Отправляясь с Софьей Яковлевной Кулишер в 9-й «А» класс, я и не помышляла о какой-либо символике, о том, что уроков химии у нас вовсе не было: я ведь окончила семилетку на Украине, а там в мое время не существовало полной средней школы. Пошла просто потому, что учительница меня пригласила. И только усевшись на последней парте, как положено посетителю, испугалась, что решительно ничего не пойму. Мои познания ограничивались давно прочитанными и почти забытыми учебниками. Но опасения не оправдались. Я поняла на этом уроке если не все, то многое. Поняла благодаря счастливому совпадению. Тема урока была — железо, а я сравнительно недавно побывала на Магнитогорском металлургическом комбинате, видела, как добывается руда, как она обогащается, превращается в чугуна, слушала объяснения мастеров, инженеров, горняков.

Но интересно мне было не только потому, что я слышала знакомое (незнакомое было куда больше), а потому, что сам урок показался мне воплощением урока 1965 года. Софья Яковлевна вела его и как химик, и как инженер-доменщик, а это означало, что она поднимает ребят до уровня современной науки, тесно связанной с производством, с жизнью.

А ученики ее, побывавшие со своей учительницей на экскурсиях в заводских цехах, оказались прекрасно подготовленными, чтобы усвоить и химический процесс, и технологию обогащения руды и производства чугуна. Ребят не смущало даже мое присутствие, настолько естественно поднимались они еще на одну ступеньку великой лестницы знаний, по которой вела их учительница. Это было тем более прекрасно и удивительно, что Софья Яковлевна только в этой школе работает тридцать один год. Настоящий учитель все время сам учится.

И для меня и для ребят звонок прозвучал неожиданно.

Особенно я обрадовалась, что встретила Софью Яковлевну в моей школе, и еще больше, что она была здесь и тогда, когда улица Артема называлась Львовской, а школа — единой трудовой семилетней № 64.

Можно себе представить, как я волновалась, подходя к забору, скрывавшему трехэтажное, из серого камня здание. Дом тот же, но номер школы другой — 138.

Окончание. Начало в № 9 и 10 за этот год.

И вообще здесь, наверно, все другое. А может быть, не все?

Я была приятно удивлена, узнав, что в школе работают три старых учителя: кроме Софьи Яковлевны, еще и географ (теперь он преподает астрономию) Евгений Андреевич Коровицкий, он здесь с 1924 года, и математик Матрена Николаевна Голубицкая. Пусть я ни у кого из троих не училась и они почти не помнят моих учителей, все равно само знакомство с ними как бы воскресило мои школьные годы, как бы протянуло ниточку от 64-й к 138-й.

В промежутке она называлась школой № 1 имени Тараса Шевченко, преподавание велось на украинском языке. С конца 1944 года стала снова русской, получив теперешний номер. Она продолжала оставаться 138-й и тогда, когда ее сделали школой производственного обучения.

Евгений Андреевич вспоминал, как он переписывал со школьных стен для истории войны и оккупации надписи, оставленные теми, кого угоняли отсюда в Германию (здесь был пересыльный пункт гестапо), не стертые и тогда, когда в школе размещался госпиталь. Софья Яковлевна вспомнила, как учителя стеклили окна осенью 44-го. Она же перечислила мне прославившихся впоследствии своих учеников — директора Киевского института нейрохирургии Андрея Ромоданова, летчицу, Героя Советского Союза Лесю Розанову, доктора физико-математических наук Виктора Лещенко, заместителя министра путей сообщения Николая Складковского. Особенно меня тронуло, что она рассказывала об одной отличнице, вожаке школьной пионерии, а потом секретаре комсомольского комитета так, словно та и сейчас учится в 9-м «А», между тем министр просвещения СССР Алла Григорьевна Бондарь окончила школу в 1938 году.

Это и есть то, что называется учительской памятью, учительским сердцем.

Но прошлое не заслоняет от Софьи Яковлевны настоящего. Я готова была слушать ее воспоминания до бесконечности. Это ведь была и моя школа, и я тоже гордилась тем, что она вырастила выдающихся людей. Но Софья Яковлевна оборвала свой рассказ и с таким же увлечением заговорила о 9-м «А» (она была его классным руководителем). Из двадцати восьми учеников — всех их я видела на уроке химии и все они мне понравились — отличник один, но зато девятнадцать занимаются на «пять» и «четыре», двоечников нет совсем. Если все учителя у этого класса такие, как Софья Яковлевна, удивляться тут нечему. Кстати, в 9-м «А» преподает и Анна Александровна, я рассказала о ней во втором письме, и именно в этом классе урок по «Грозе» превратился в диспут.

Комсорг 9-го «А» Софа Витман, так же как и я, думает, что на отношение учеников к предмету очень

В разделе: ♦ Растить граждан ♦ Урок истории в сибирской школе ♦ О биологии и о технике ♦ Общественники и дети

школа
и общественность

вливают учителя. Пусть у них, как везде, большинство пойдет по точным наукам и технике (Софа сама программист и увлекается математикой), в 9-м «А» благодаря прекрасным учителям любят и литературу и историю.

Меня это интересует и радует. Недаром я долго стояла в учительской 138-й перед вывешенным на стенде планом теоретической работы учителей, детализирующим несколько коряво выраженную, но, по-моему, чрезвычайно своевременную общую тему: «Воспитание разносторонней личности учащегося — главная задача сегодняшнего дня». Декларировать все можно, но как это получается на деле?

Очень интересовали меня и отношения администрации, учителей с комсомольским активом, со всеми ребятами. Чувствуют ли себя сегодняшние ученики хозяевами своей школы, как чувствовали себя только?

Я знала, что недавно прошел семинар педагогического коллектива на тему «Учитель и комсомольская организация», а перед тем семинар комсомольского актива. Но опять-таки это могли быть только слова.

Первые ответы на оба вопроса я получила, когда при мне к директору Владимиру Васильевичу Андриченко, удивительно милому, простому человеку, пришли ребята посоветоваться перед КВН с 13-й школой. Разговор шел на равных. Быстро и легко выделили и сильнейших по математике, и тех, кто сможет ответить на вопросы по физике и по космосу. Нужны были и знатоки литературы, музыки, географии, и художники, и номера самодельности — так называемое домашнее задание. Бориса Блиндера единодушно избрали капитаном

команды, он был уже опробован в этой роли. Он же был выделен и для участия в конкурсе вежливости и вышел из него победителем, сумев не только галантно пригласить даму на танец и бережно провести ее через воображаемый переполненный троллейбус, но и взять билеты (опять-таки воображаемые), о чем не догадался его соперник из 13-й школы. Борис — прирожденный актер-комик.

Я пришла на этот КВН в клуб трамвайщиков вместе с двумя учительницами, болела за свою школу, и так же, как Владимир Васильевич, считаю, что жюри, обнаружив явное пристрастие к 13-й, было несправедливо к 138-й. Оно не смогло не признать ее победительницей, но занизило число очков.

КВН проводят повсюду, но может быть потому, что в этом участвовала моя школа, он мне понравился больше всех остальных.

Чего только не было в КВН этих двух школ! И молниеносное решение математических задач, и живой кроссворд, и требующие наблюдательности и сообразительности вопросы. А как мне понравилась великолепная пародия на эстраду, зло и метко высмеивающая пошлость и безвкусицу!

У 13-й школы, хотя, конечно, она выступала слабее 138-й, тоже было много интересного. Говоря по правде, она оказалась серьезным соперником. А главное — все это вместе и было «разносторонним развитием личности учащегося».

Математика и музыка, архитектура и грамматика — здесь, увы, 138-я оказалась не на высоте. Знания и находчивость, вдумчивость и юмор, быстрота соображения и вежливость — все это было здесь продемонстрировано, как демонстрируется и другими комсомольцами шестидесятих годов в других городах Советского Союза.

«Комсомольцы шестидесятих годов» — так назывался один из диспутов клуба старшеклассников 138-й. Мне об этом диспуте только рассказывали. Но я вглядывалась в мальчиков в пиджаках с разрезами, девочек в модных платьях, иногда и с начесом, хорошо танцевавших, запросто общавшихся с полупроводниками и «обратной связью», не слышавших разрыва ни одной бсбмбы, и думала: как они непохожи на комсомольцев первых пятилеток и военных лет. И все равно они комсомольцы.

Как школа отметила юбилей Николая Островского? О Павле Корчагине и его создателе писалось и говорилось столько, что задача была не из легких. 138-я не ограничилась традиционным вечером. Здесь был День Островского. Все пришли в школу нарядные. Провели линейку. Потом каждый класс получил рабочую путевку — ведь Корчагин и сам Островский были рабочими людьми! И учиться в этот день все должны были отлично. Под конец, разумеется, состоялся и вечер. Школьный театр — он славится в Киеве — подготовил монтаж. Но исполнялся он не на сцене, а в зале, в центре круга, по которому расселись зрители — ребята, учителя, родители. Это традиция 138-й, в кругу проводятся здесь почти все вечера. Проще, уютнее, ничто не разделяет исполнителей и публику.

Я разговариваю с комсомольскими вожаками. Оля Цвибун, член комитета комсомола, рассказывает, как они вначале сколачивали ребят. Ведь все пришли из разных школ, сперва держались группками по семь-восемь человек. Начали с самого простого — уборки здания, школьного садика. Уже это помогло объединить разобщенных.

И вообще в 138-й школе мне нравится: ничего вроде бы особенного, но то, что есть, все настоящее, без показухи. Читаю обязательство педагогического коллектива — «В борьбе за коммунистический труд». Общий девиз — «Работать творчески, работать по-новому».

● ФОТО ПРИСЛАЛ ЧИТАТЕЛЬ

В. БУТКЕВИЧ (г. Нижний Тагил). ВОЗВРАЩАЮТСЯ ИЗ ШКОЛЫ

ПЕРВЫЙ НАРКОМ ПРОСВЕЩЕНИЯ

90 лет со дня рождения А. В. Луначарского

23 ноября исполняется 90 лет со дня рождения Анатолия Васильевича Луначарского, выдающегося государственного и общественного деятеля Советской страны, вложившего огромные усилия в строительство социалистической культуры. Он был первым народным комиссаром просвещения РСФСР и в течение 12 лет (1917—1929) руководил строительством советской школы рука об руку с Н. К. Крупской.

17-летним юношей А. В. Луначарский вступил в социал-демократическую организацию и начал вести политическую пропаганду среди рабочих. Аресты, тюрьмы, эмиграция — он прошел весь тот путь, который проходили профессиональные революционеры, борцы против царизма. А. В. Луначарский не избежал серьезных ошибок, за которые его критиковал В. И. Ленин; но он умел исправлять их, становиться в работе на принципиальные, правильные позиции. А. М. Горький свидетельствует, что Ленин сказал о Луначарском:

«На редкость богато одаренная натура. Я к нему «питаю слабость» — черт возьми, какие глупые слова, питать слабость! Я его, знаете, люблю, отличный товарищ!»

...Народный Комиссариат по просвещению в то время, когда его возглавлял Луначарский, занимался не только делами общеобразовательных школ; в ведении его находилось и профессиональное образование, и различные области искусства и литературы, политическое просвещение и издательское дело... Только такой разносторонний, интеллектуально богатый человек, как А. В. Луначарский, мог быть авторитетным руководителем в столь сложной работе. Блестящий оратор и публицист, сам с огромным увлечением занимавшийся искусством, Анатолий Васильевич пользовался всеобщим уважением.

В огромной и трудной работе по коренной перестройке школы Луначарский постоянно ощущал направляющую руку В. И. Ленина, руководствовался марксистско-ле-

нинскими идеями. Определяя цель коммунистического воспитания, А. В. Луначарский писал: «Мы хотим воспитать человека, который был бы возможно более гармоничен в нравственном и духовном отношении, получил полное общее образование и мог бы легко приобрести мастерство в какой-либо области. Мы имеем в виду создать настоящего благожелательного сорудника своих сограждан, хотим сделать товарища всем остальным людям и, пока длится борьба, борца за социалистический идеал».

Нарком просвещения с первых шагов своей работы старался опираться на самые широкие массы трудящихся — только так могла быть создана новая, подлинно народная система образования. А. В. Луначарский говорил: «Надо, чтобы народное образование стало в центре внимания и каждого отдельного гражданина и организаций, кооперации, профсоюзов, Советов и т. д. Это должно быть родным делом для каждого, делом, о котором каждый должен болеть».

Нынешнее поколение советских людей высоко ценит вклад А. В. Луначарского в развитие нашей школы, культуру и искусство.

Пункт 1: «Беречь честь своей школы, быть в ответе за каждого ученика». Пункт 10: «Улучшить работу с родителями». Это тоже правда. Меня пригласили на вечер школьной самостоятельности для родителей. Зал был до отказа наполнен папами и мамами. Пусть отдохнут, развлекутся, а заодно и увидят, чем после уроков школа занимается их детей. Да и на уроках тоже. Перед концертом был доклад директора. После вечера — собрания по классам.

Владимир Васильевич познакомил меня с председателем родительского комитета. Она постоянно бывает в школе, много работает.

Но самое большое впечатление произвел на меня разговор Владимира Васильевича с матерью одной ученицы. Девочке трудно учиться: болезненная, и отец плохой, мешает. Кстати, несколькими днями раньше он тоже приходил к директору жаловаться на дочь: дескать, не любит его, не уважает. А девочка прямо сказала директору: уважать и любить отца ей не за что — лодырь и эгоист. Мама из сил выбивается, а он всю жизнь только себя бережет. Директор принял сторону дочери: родительский авторитет надо завоевывать, одна запись в метрике обеспечить его не может.

А сейчас Владимир Васильевич обещал матери все сделать, чтобы девочка ее могла спокойно кончить школу. И сделает. Наверняка. Куда сложнее помочь этой женщине наладить или пресечь ее отношения с мужем. Не стесняюсь и меня — видно, очень уж наболело, — она подробно рассказывает Владимиру Васильевичу всю историю своей семейной жизни, действительно страшную. Он внимательно слушает, соглашается, что ей надо с мужем разойтись, но помочь не обещает. Помочь очень трудно, почти невозможно.

— Нередко бывает, что я мирю родителей ученика, если вижу, что склечь можно, — говорит он мне, когда женщина уходит. — Здесь мирить ни к чему, им не только развестись, но и разъехаться необходимо. Ведь если он останется в той же квартире, так же будет пропивать или утаивать свою полчку и так же садиться за стол... Но как его переселить?

Мы оба не говорим о том, как детям важен мир в семье. Кто этого не знает? Владимир Васильевич не только знает, но и много делает. Когда может. Он и сам очень деятельный член родительского комитета в другой школе, где учится его маленькая дочь.

Есть в обязательстве педагогического коллектива, под номером 4, такой пункт: «Все уроки в школе считать открытыми». Мне он очень понравился. Удачи, неудачи — все на виду.

И когда мне сказали, что после того как парторг Тамара Михайловна Пищук съездила в Венгрию, 138-я связалась с венгерскими школами, я поверила, что это не для галочки, а для интернациональной дружбы. И со студентами из социалистических стран, приглашенными на вечер 23 марта, ребята, я уверена, тоже по-настоящему подружались.

А начинается, я думаю, все с того, что Владимир Васильевич пуше всего на свете боится стать пугалом. Он не администрирует, а мягко, тактично руководит, подкашивает, полагаясь на людей и доверяя им.

— По душам все больше понимают, — говорит он. А я мысленно добавляю: «И делают тогда от души».

В 138-й я убедилась, как разумно выделять в самостоятельные школы старшие классы.

— Чувствуешь себя взрослой. Серьезнее относишься ко всему, — сказала комсорг 9-го «А» Софа Витман, когда я спросила, нравится ли ей в такой школе.

Но есть свои преимущества и у обыкновенных средних школ, где все классы — с первого по одиннадцатый.

— Там зато существует ответственность старших перед младшими, забота о них, — сказал Евгений Андреевич Коровицкий, когда мы с ним обсуждали, какой тип школы лучше для последних трех классов.

Я не претендую на безоговорочные выводы и обобщения. Я писала о том, что видела, и делилась собственными мыслями. То, что вы прочли, — лишь впечатления и размышления одного человека, кровно заинтересованного в том, чтобы наша школа растила личности, а не песчинки или винтики, растила граждан Советского Союза.

«ЖИВЫЕ КАРТИНЫ» ТАТЬЯНЫ ТЕРЕНТЬЕВНЫ

Георгий САВЧЕНКО

Звонок прозвенел несколько минут назад. Затихли ребячьи голоса. Начался урок. И наступила та особенная «академическая» тишина, что бывает только в университетах, в институтах и в школах, когда идут занятия. Невольно ступаешь по паркету пустынных коридоров осторожно, боясь скрипнуть.

Вдруг — что это? Поют...

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед...

Прислушался. Нет, поют не дети. Узнаю песню в исполнении ансамбля Советской Армии.

Развевались знамена
Кумачом последних ран.
Шли лихие эскадроны
Приамурских партизан...

А потом я понял, в чем дело. Когда песня приумолкла, стал слышен спокойный, ровный голос учительницы. Это начинала она урок истории, посвященный борьбе молодой Советской республики с иностранной интервенцией.

Дверь в класс прикрыта неплотно,

и в шелку я вижу лица ребят. Не однажды наблюдал я школьников во время интересных уроков, но лица этих ребят поразили меня вдохновением. Именно так — вдохновенно — воспринимали они то, что рассказывала учительница. И, может быть, настроило ребят на такой лад необычное начало урока: песня, которую они знали и которую сегодня словно впервые услышали...

И вспомнил я разговор на палубе катера, что тащился вверх по Томи к островам, известным тем, что там происходили первые рабочие массовки. Школьники тогда говорили о «живых картинах», которые умеет создать им на уроке Татьяна Терентьевна.

Значит, вот она — учительница истории Томской школы № 8 Татьяна Терентьевна Бурова... Она молода, ей немногим за тридцать. Лицо, о котором можно сказать одним словом — русское. Есть такие открытые, добрые

физия, или пожелтевший от времени обрывок газеты, он обязательно воскликнет: «Живая история!»

Татьяна Терентьевна учит ребят на материале «живой истории». Она предоставляет им возможность самим разобраться, сопоставить различные факты, прийти к каким-то выводам. Для этого у Татьяны Терентьевны есть своя собственная библиотечка исторических документов: и подлинники, и фотокопии тех, что хранятся в архивах и музеях страны.

Как раз и пригласила меня Татьяна Терентьевна на один из уроков, когда на каждой парте лежали перед учениками папочки с документами.

Внимательно просматривают ребята все, что собрано в папке. Да что там внимательно! С увлечением, с азартом, как исследователи, как первооткрыватели. Каждый листок берут в руки бережно, осторожно. Иногда делают записи в своих тетрадях.

— Тетрадь, записная книжка, блокнот — без этого не обходится у нас ни один ученик, — замечает мне полусмевающимся Татьяна Терентьевна. — В голове всего не удержишь. Приучаю их записывать свои наблюдения, мысли.

Папки с документами передают с парты на парту. С каждой могут ознакомиться все ученики. Иногда ребята встают со своих мест, подходят друг к другу. Показывают документы, о чем-то советуются, что-то выясняют. Говорят не повышая голоса, чтобы не мешать другим. Такое впечатление, что не в классе находишься, а в научном зале библиотеки.

Татьяна Терентьевна ходит от парты к парте. На что-то она обратит внимание ученика, где-то задержится подольше, объясняя.

В этом классе тема урока сегодня — начало иностранной военной интервенции и гражданской войны. Вижу в руках у одного мальчика старую пожелтевшую фотографию. На ней изображена толпа: солдаты, наверно, только что получили форму, некоторые до того рады, что лихо заломили на затылок фуражки. Вдали несут и царский флаг. Внешне все выглядит даже эффектно. На некоторых лицах улыбки. И только несколько женских скорбных фигур... Под фотографией от руки написано: «На фронт. Отправка маршевых рот из Омска».

Мальчик показывает фотографию соседке по парте. Но соседка рассматривает другую фотографию, которая оказалась у нее в папке. Платформы, открытые платформы загромождали все пути на какой-то станции. На платформах что-то навалено, словно мешки. Но, приглядевшись, видишь, что это люди, это раненые солдаты в дражных шинелях. И опять под фотографией подпись от руки: «С фронта. Эшелоны искалеченных в боях».

Сопоставив фотографии, ученики понимающе кивают головой.

— Народ знал, чего стоит эта война. Платформы с искаженными видами многие, — заметил один мальчик.

— Разумеется, знал! — подтвердил и другой мальчик. — По всей России прокатились массовые демонстрации. Смотрите, вот вырезки из газет. А вот на фотографии братание солдат на фронте. Солдаты не хотели убивать друг друга...

Много интересных и редких исторических документов можно было увидеть в папках, над которыми работали в тот урок ребята.

Историк всегда связан с архивом. Для него это не «бумаги, покрытые пылью времен», нет! Для историка здесь происходит чудо. Коснувшись рукой документов древности, он как бы коснулся клавишей чудесной «машины времени». Сейчас она перенесет его на много-много лет назад. И все события прошлого встанут перед ним живыми картинами. Заговорят люди, загрохочут войны, пройдут революции... И он будет не только созерцателем, но и участником событий. Самым активным участником, самым умным, самым дальновидным и знающим, потому что он пришел из будущего.

— Посмотрите на них, — тихо говорит мне Татьяна Терентьевна. — Каждый сейчас в прошлом, но в то же время он здесь, сегодня. И каждый — исследователь. У ребят счастливая возможность самим ощутить дыхание истории, оценить события, прийти к выводам. Приучая ребят работать с историческими документами, я развиваю в них исследовательскую жилку, внимание, память, логическое мышление, умение анализировать и сопоставлять факты.

Собирать исторические документы Татьяна Терентьевна начала давно. Сама уже не помнит когда. Но со школьных лет, потому что любимым ее предметом всегда была история.

Начинала собирать свою коллекцию с документов о Сибири, а затем обо всей стране. Теперь ей помогают ученики. Несут все: и старые письма, могущие как-то пролить свет на жизнь дореволюционной Сибири и на послереволюционные годы, на годы строительства, годы Великой Отечественной войны, несут фотографии, книги, вырезки из газет и журналов, значки... Школьники знают, что придет время — и все это вдруг оживет, отнесет их к дальним временам, поможет лучше понять ход исторических событий в своей стране.

— Учебник — это руководство, но не материал, — убежденно говорит мне Татьяна Терентьевна. — Основным же материалом для вдумчивого изучения все же всегда остается пер-

воисточник. Никакое, пусть даже талантливое переложение произведений Ленина не сравнится с глубиной оригинала. Я приучаю ребят работать с книгами Ленина, они умеют сами прочесть статью и составить конспект.

А потом ее ученики приходят в класс. И урок превращается в серьезный творческий разговор. Тут и открывается простор для самостоятельного мышления, для высказывания собственных суждений. Лучшим подспорьем для ребят в такие минуты служат конспекты прочитанных книг, того, что рассказывала учительница, что видели они в музеях, читали в газетах и журналах.

Начинает спрашивать учеников Татьяна Терентьевна обычно с того, что просит кого-нибудь «высказать свою точку зрения» по тому или иному вопросу. Вот как, например, это происходило на уроке, где разговор шел о нэпе.

Отвечает Коля:

— Когда прогнали помещиков, в двадцатые годы остались мелкие собственники... Но они тоже были эксплуататорами.

— Правильно, — говорит Татьяна Терентьевна. — Как с ними следовало поступить?

— Раскулачить, подавить...

— По-да-вить... — как бы раздумывая, повторяет Татьяна Терентьевна и обращается к другому ученику. — А ты, Володя, согласен с тем, что предложил Коля?

— Нет. Мелких крестьянских хозяйств было очень много в России. Вспомним хотя бы экспозицию в нашем краеведческом музее! Были бедняки, но были и зажиточные. Мы ведь ходили в села и видели, за какими заборами они жили. У них было и зерно, и скотина. Как же их — подавить?.. Один раз наешься досыта, а потом что? Зубы на полку класть?.. Голод наступил бы. Я вот записал себе из Ленина: «...их нельзя прогнать, их нельзя подавить, с ними надо ужиться, их можно (и должно) переделать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой».

— Хорошо, Володя, — прерывает Татьяна Терентьевна. — А ты, Света, согласна?

— Рабочий класс мог строить социализм обязательно вместе с трудным крестьянством. Помните, у Ленина сказано, что высший принцип диктатуры пролетариата — союз рабочего класса с крестьянством...

— Так какой же практически был выход?

— Новая экономическая политика...

— Кому была она выгодна?

Кто-то с места:

— Всем!

— Нет, — возражает другой, поднимаясь. — Это только видимость, что

выгодна будто бы была мелким частникам. На самом деле это были их предсмертные судороги. Ленин вот что писал: «...сущность новой экономической политики — есть союз пролетариата и крестьянства, сущность — в смычке авангарда пролетариата с широким крестьянским полем».

...И так весь урок проходит в эстафетном опрашивании учеников. Сама Татьяна Терентьевна внимательно следит за мыслью, которую развивают ее воспитанники. Мысль быстра, она мечется, иногда шарахается из стороны в сторону... Но от учительницы ей не скрыться, не убежать! Татьяна Терентьевна в нужный момент — вопросом ли наводящим, просто ли советом — введет мысль школьника в нужное русло.

А вот и результаты: и выяснила глубину знаний учащихся, и выставила в журнал отметку, и никто на уроке не скучал, все были активны. И главное — все вместе пришли к единственно правильным выводам, убеждены в их правильности, потому что продумали всё.

После таких уроков Татьяна Терентьевна выглядит немного утомленной, но довольной. Теперь у нее есть большой материал для анализа того, как усвоили ребята материал, правильно ли строила она свою работу, в чем просчеты.

Она доверяет ученикам. Доверяет во многом. Она может не выставить плохую отметку, если к сегодняшнему уроку ученик чего-то не усвоил. Она подождет. Спросит еще и еще, выяснит, в чем же причина отставания ученика... И найдет возможность помочь ему.

— Когда-то я ломала себе голову: что такое педагогика — наука или искусство? — говорит Татьяна Терентьевна, разводя руками. А потом неожиданно уверенно продолжает: — Действие! Педагогика — действие прежде всего! Но мое действие опирается на множество знаний, и на науку, и на искусство... И времени всегда не хватает... Иногда с утра встану, задумаюсь, что сделать за день хочется — в дрожь бросает: успеть бы!..

Напрасно говорит она, что времени у нее не хватает. Это не так. Татьяна Терентьевна очень многое успевает: и новая книга, и новый кинофильм, и интересная лекция, и походы, и музей... И в этом, может быть, надо искать секрет успеха тех «живых картин», что разворачивает она перед ребятами на уроках.

Ведь любую тему, какой бы ни казалась она «скучной» ученикам на первый взгляд, она умеет сделать интересной, увлекательной, содержательной. А помощниками ее в таких

случаях бывают и магнитофон, и кинопроектор, и еще многое другое.

Как запомнить даты?.. Этот вопрос извечно мучит учеников. Большинство ребят «зубрят». И многие учителя в общем-то не протестуют против этого. Но Татьяна Терентьевна и тут нашла интересные приемы: игру, чайнворд, головоломку. Во время составления головоломок ребята заучивают даты не механически, а путем сопоставления событий и фактов. И пусть это игра. Но школьники всегда остаются детьми. И Татьяна Терентьевна, относясь к ученикам всерьез, никогда не забывает, что они дети, и умеет воспользоваться этим для разных выдумок.

Когда я стал расспрашивать ее, как же «придумывает» она различные интересные уроки, Татьяна Терентьевна пожала плечами и сказала, что чаще всего все происходит случайно...

— Вот как, например, возникла у меня идея одного интересного урока. Надо сказать, что тема «Трудовые отношения» не очень-то активизировала ребят. Бубнили они что-то вычитанное из учебника.

Решение пришло к Татьяне Терентьевне внезапно. На уроке кто-то из ребят обронил фразу:

— Вот у папы на заводе...

— Твой папа на заводе работает? — быстро спросила учительница.

— Да...

Следующий урок она проводила уже непосредственно в цехах завода. Ведь чтобы лучше понять, как складываются трудовые отношения, ребята надо увидеть, ощутить жизнь большого предприятия.

После этого Татьяна Терентьевна пригласила на урок в школу старшего рабочего завода Федора Андреевича Юдина. Ему пришлось трудно, не отделался он простой беседой, что бывало раньше. Ребята засыпали его вопросами; накануне они беседовали с рабочими в цехах, и теперь у каждого ученика было что спросить.

Если сказать о результатах успеваемости учеников Татьяны Терентьевны и назвать цифры, это будет весьма внушительное, но не полное представление об ее успехах. Из 356 учеников, что учились у нее в 8-й школе Томска, 300 имели только хорошие и отличные отметки. Были и целые классы, в которых по истории и обществоведению не было ни двоек, ни троек за весь год. Но отметка — не главное для учеников Татьяны Терентьевны. Не главное это и для самой учительницы. Главное для нее — глубина знаний учащихся, их умение самостоятельно мыслить.

Ее преподавание на «живых картинах» помогает ученикам вырабатывать свое суждение.

А это, пожалуй, основное, когда люди учат историю.

ЛЮДИ, КОТОРЫЕ

В КАБИНЕТЕ М. А. НАЙШ СОБРАЛИСЬ ОБЩЕСТВЕННИКИ

Уже 15 лет руководит детской комнатой 35-го отделения милиции Мария Абрамовна Найш. Она знает всех «трудных» ребят на своем участке. Знает и родителей, которые своим поведением подают дурной пример своим детям. Работа начинается не только по сигналам из школы, но и из домового комитета, от соседей по квартире.

— Надо не ждать сигналов, а изучать и знать все неблагополучные семьи, — говорит Мария Абрамовна.

На помощь «детской комнате» пришли дружинники — рабочие, мастера, служащие. Немало детей вернули они к нормальной жизни, многих отцов и матерей уберегли от лишения родительских прав. Эти люди большого человеческого сердца отдают много времени и души добровольно взятому на себя благородному делу.

ПРАВО БЫТЬ ОТЦОМ

Дружинница Надежда Сергеевна Фескович рассказывает:

— Подруги на заводе говорят: «На что тебе с безнадзорными возиться? У самой двое детей. Шла бы домой, в свою семью». Но подруги не правы. Дети у меня уже взрослые. Что же, теперь после работы «сложна ручки» сидеть? А кто государству поможет? Я считаю, хорошее дело дружинники затеяли — помогать «детской комнате» милиции. Ведь такие есть семьи, подумать страшно...

Дали мне задание. Семья Б. Из школы просят о помощи: отец пьет,

бьет жену и детей. Ребята издерганы, часто плачут...

Пошли вдвоем, еще с одной дружинницей. Что же мы застали? В большой запущенной комнате хаос. Пьяный человек со стулом в руках гоняется за женой. Дети плачут, хватают отца за одежду.

— Папа! Папочка! Не надо...

Пьяный опомнился, только заметив нас.

Когда шла, я не знала, о чем буду говорить. Но теперь я знала. Как передать этот разговор? От гнева и от любви к детям шел он...

Он молчал и вдруг вскопился разъяренный:

— Ух-хо-ди!..

И на нас чем-то замахнулся... Мы выскочили из комнаты. Жгла сердце горькая обида за детей, да и за свое бессилие. Рассказали мы Марии Абрамовне о своей неудаче. «Не приходите в отчаяние, — успокоила она нас. — Только терпением можно добиться результатов».

И мы добились. Кажется невероятным, но Б. исправился! Конечно, не сразу это произошло. Опять заставляли его нетрезвым, опять плакали жена и дети, а мы уговаривали, стыдили. Наконец Мария Абрамовна сказала: «Хватит с ним возиться... Вызовем его сегодня и объявим, что возбудили ходатайство о лишении его родительских прав».

Это был удар даже для такого опустившегося человека. Он рыдал, метался: «Не буду... Конеч... Не буду». Потом внимательно слушал все, что говорили мы. Так начался перелом.

БУДЬТЕ СЕРДЦЕМ БЛИЖЕ К СЫНУ

Елене Леоновне Курбатовой пришлось иметь дело с пятиклассником Алексеем П. В школе срывает уроки, дерется, курит, портит в раздевалке вещи.

НЕ ПРОХОДЯТ МИМО

Л. МОСКВИНА

Нельзя сказать, что родители Алеши подавали дурной пример. Они просто не думали о его воспитании. На мой вопрос, почему нет заботы о сыне, мать, еще молодая женщина, вызывающе ответила:

— А что, разве он у нас голодный? Небось кормим...

— Поймите, — убеждала я, — вашему сыну нужна не только пища и одежда. Ему нужен друг, который хорошо влиял бы на него, удерживал от дурных поступков. Мы пришли, чтобы вам помочь. Постарайтесь вникнуть в жизнь и интересы Алеши. Но не криком, не бранью. Воздействуйте на него разумным словом, убеждением.

— Что же, за ручку его водить? — опять грубо ответила мать.

Много раз бывали дружинники в этой семье. Казалось, уже достигнут перелом. Но Алеша снова срывался... Решили: вместе с родителями вызвать его в «детскую комнату» милиции. Мария Абрамовна, обычно такая добрая, отзывчивая, была строга и непреклонна.

— По-видимому, ты не хочешь исправляться? — заявила она Алеше. — Вот направление в исполком. Тебя отправят в колонию.

— Нет! — отчаянно крикнул мальчик. — Нет... Я исправлюсь. Поверьте мне...

— Ты уже давал обещания. А результат? Снова порезал пальто...

— Еще раз... поверьте. Он рыдал так бурно, что все были взволнованы. Поверили ему. Но предупредили и его и родителей: «В последний раз!»

Родителям посоветовали установить повседневный контроль за учением и поведением мальчика и вместе с тем попытаться приблизить его к себе.

НЕ ТЕРЯЙТЕ ТЕРПЕНИЯ...

— У меня особый случай, — рассказывает Зинаида Александровна Мамлеева. — У меня под опекой не какой-нибудь мальчишка, а сбившаяся с пути мамаша. На фабрике у нас хорошо знают судомойку из столовой — озорную, грубую, беспробудно пьяную. Ее бы уволили, если бы общественность не думала о ее 14-летнем сыне. Отца у Юры нет. А мать поставила на учет в детской комнате, чтобы оградить сына от ее разлагающего влияния.

...Едва я ступила за порог их комнаты, К. стала на меня кричать:

— Что вам надо?!

Казалось, она готова была вытолкать меня за дверь. Юра стоял бледный и пытался остановить мать:

— Мама! Ну, подожди... Успокойся...

Мне стало обидно. Я сама после работы, сил не жалею, а меня вон как встречают. Уйду!.. Но, взглянув на растерянного, жалкого мальчика, я ощутила острое сострадание к нему. Вот кому нужен друг. Что он видит в доме кроме грубостей и пьянки? И я не ушла.

Ну и сцена! Меня выгоняют, а я сижу и молча жду, пока женщина успокоится. Прокричав множество слов о том, что «ходят всякие», и десяток раз обозвав Юру «блваном», мать замолчала. Молчу и я.

— Ну... зачем пришли? — уже более спокойно, но все еще грубо спросила К.

— Помочь вам, — как можно мягче сказала я. — Вы ведь работаете? А знаете, как часто мальчишки, оставаясь без надзора, попадают в дурную компанию?

— Юра у меня с такими не водится.

— Знаю. Но я и пришла, чтобы помочь вам не допустить такого.

Обо всем этом с матерью пришлось говорить не раз. Бывало, у меня опускались руки. Юра при матери замыкался, не разговаривал со мной. Я искала поддержки у Марии Абрамовны. Меня прямо-таки поражает ее настойчивость и вера в силу убеждения. Мне она постоянно говорила:

— Не поддавайтесь обиде. Разве вы когда-нибудь видели, чтобы победа давалась сразу?

Теперь я часто бываю в этой семье, слежу за занятиями Юры. Если могу, помогаю ему. Но главное — наши беседы. Рассказываю ему о передовых работниках нашей фабрики, о лучших людях страны. Он охотно меня слушает. Однажды он вдруг признался:

— Мне стыдно за маму... Я вырасту, таким не буду...

БУДТО ВТОРОЙ ВНУК

Рассказывает старый рабочий, дружинник Яковлев.

— Давая мне задание, товарищ Найш сказала: «Ну и орешек вам, Петр Михайлович, достался. Живет этот парень как ветер в поле». Встретились мы с Толей. Тщедушный и будто даже застенчивый. Спросил, почему учится плохо, озорничает. Он пожал плечами и пробормотал: «Не знаю...»

Стал я захаживать к Толе домой. Обстановка малопривлекательная. Грязная посуда, окурки, банки на столе. Постели грязные, неубранные. Начал искать путь к сердцу мальчишки. Толя — гордый, замкнутый, никому о своих школьных неудачах не говорил. Все равно родители его учением не интересовались. Он все переживал сам, а потом, видимо, решил: «Пропали все пропадом!» — стал равнодушен к двойкам, начал сквернословить, хулиганить.

Думая о Толе, сравнивал его жизнь с жизнью своего внука... Этот растет, окруженный заботой, вниманием. А Толя? А десятки таких, как он? Их ждет падение, преступность. Надо спасать парнишку. Но, конечно, это легко сказать. Вначале я ничего из него не мог вытянуть. Я ему десять слов, он — ни одного. А перед тем я с Марией Абрамовной поговорил — она примеры приводила, когда у воспитателя выдержки не хватает. Нет, думаю, выдержку... Не столько его спрашиваю, сколько сам рассказываю про разные случаи — на работе и так, в жизни. Стал он прислушиваться, а потом отвечать по словечку: «Данет...»

Петр Михайлович умолк, потом задумчиво продолжал:

— Людям нужно участие. Даже самого черствого оно смягчает. Видит мальчишка, что я к нему со всей душой. И стал постепенно открываться. А однажды... принял ко мне, всхлипнул: «Я, дядя Петя, больше не буду хулиганить... И учиться буду».

— Теперь я вроде в ответе за него перед дружиной. Но, честно сказать, не тягостна мне эта забота. Думаю: «Будто второй внук... Ведь человек растет». Хожу в школу и домой к Толе. Беседую с ним, с родителями, советом и участием помогаю.

Крепко я и Толе привязался. И он другим стал. Не грубит, не хулиганит. Учится. Понимаете, сам за уроки садится!..

СТАЛА НАСТОЯЩЕЙ МАТЕРЬЮ

Мария Абрамовна посоветовала нам побеседовать еще с Антониной Григорьевной Боначевой.

— Настоящей матерью она стала для Саши Ф., — сказала товарищ Найш.

Антонина Григорьевна рассказала: — Упрямя, неразговорчива Саша, взгляд исподлобья, злой, хитрый. За хулиганство исключили из восьмого класса. А ведь все это — плод грубости и безразличия родителей.

Чего только не наслушалась я от них и по своему адресу и по адресу Саши. «Делать вам нечего, вот и ходите, куда не надо», «Без вас обойдемся», «Туда же ему дорога, куда дружки его попали». (Сашини товарищи почти все отбывали наказание за воровство и хулиганство.)

У меня опускались руки, в страхе сжималось сердце. Но поддержка работников детской комнаты милиции давала мне силы. Помогла Саше устроиться учеником токаря — его нельзя было оставлять без дела. Как-то зашла справиться, как он? «А вот как, — сердито сказал начальник цеха. — Собираемся увольнять». Стала я просить, доказывать, что мальчишка пропадет. И вдруг не выдержала, заплакала. А Саша — рядом...

Но в Сашиней семье, и главное он сам, меня уже «приняли». Я старалась помочь родителям усвоить самые простые истины: нельзя мальчишке подавать дурной пример, дома должен быть порядок и чистота, надо считаться с интересами детей.

Мои слова порой их раздражали, но я не сдавалась. Почти не было дня, чтобы я не видела Сашу. Ласковым обращением добилась своего: он стал со мной разговаривать. Исчез взгляд исподлобья. Начал лучше работать. Получил зарплату, отдал матери.

— Вы спрашиваете о результатах? — говорит М. А. Найш. Она раскрывает пухлую тетрадь и показывает мне списки тех, кто уже снят с учета. Я листаю тетрадь. Фамилии, фамилии. Их десятки. И рядом пометки: «Кончил школу», «Учится в 9-м классе», «Работает, хорошие отзывы».

— А теперь ответу на ваш вопрос о методах воздействия, — продолжает Мария Абрамовна. — Он у нас один — слово. Но чтобы оно было действенным, нужны настойчивость и любовь. Эти качества и вносит в свою работу наши дружинники.

Да, благородно их дело. И душевное «спасибо» говорим мы этим скромным замечательным людям.

На пороге „века биологии“

Н. РЫКОВ,
профессор
Ленинградского
педагогического
института имени
А. И. Герцена,
доктор педагогических
наук

Я хочу начать нашу беседу с цитаты. Более ста лет назад Александр Иванович Герцен в «Письмах об изучении природы» высказал такую мысль: «Без естествознания нет спасения современному человечеству!» Сегодня эти слова, в век бурного развития естественных наук, звучат еще более впечатляюще и призывно.

Биология — наука о жизни — занимает виднейшее место в системе естественных наук. Она обеспечивает необходимую научную основу для ведения народного хозяйства, для охраны и умножения богатств природы, для борьбы с болезнями. Она вместе с другими науками формирует научное мировоззрение человека современности.

Трудно переоценить роль биологических знаний в жизни людей. Она еще больше возрастает в связи с тем новым, что вошло в биологическую науку за последние годы.

Современная биология представляет собой обширную и очень разветвленную область теоретических знаний. Она находится сейчас на подъеме и чревата многообещающими открытиями, которые можно сравнить с открытием атомной энергии.

С помощью электронного микроскопа, позволяющего видеть живую клетку, увеличенную в 200 000 раз, глаз ученого проникает теперь в самые скрытые от нас процессы жизни. Благодаря успехам цитологии — науки о клетке, генетики — науки о наследственности, биохимии — науки о тончайших органических превращениях веществ — удалось выяснить многие загадочные явления в этих процессах. Ученые смежных наук — физики и химии — предсказывают биологам еще более блестящие открытия. Человечество, утверждая о них, находится на пороге «века биологии».

Как же это должно отразиться в школьном образовании?

Отвечать приходится в самом общем виде, так как дискуссия о биологии в школе еще продолжается. Несомненно, курсы ботаники, зоологии, анатомии, физиологии и гигиены человека, а также общей биологии сохраняются в школе, но по содержанию существенно изменяются. В них важно усилить экспериментальное начало. Глубже раскрыть связь с физикой и химией, сильнее подчеркнуть задачи охраны природы.

Особенно большие изменения произойдут в курсе общей биологии. Коренным образом изменится трактовка вопросов наследственности, шире будут отражены достижения цитологии, биохимии, генетики. В целом курс станет более серьезным, научным и вместе с тем более интересным для учеников.

Важно поднять и воспитательную роль предмета. Пусть дети научатся видеть в природе животворный источник красоты — как естественной, так и той, которую вносит в природу творческий человеческий труд. Здесь особенно важна и поддержка семьи. В труде или на отдыхе — в лесу, в поле, на озере — дети вместе со взрослыми испытывают на себе многообразное влияние природы, воспринимают красоту ее, наслаждаются весенними зорями, пением птиц, порханием бабочек, ароматом луговых цветов, блеском и говором речной воды. Природа полна загадок, в ней много удивительного. А в удивительном — всегда начало мысли.

Одна из характернейших особенностей нашего времени — всепроникающее влияние науки. Сегодня нет буквально ни одной области человеческой деятельности, которая не испытывала бы могучего воздействия научной мысли. Поэтому и наша советская школа, готовя своих питомцев к жизни, должна не только давать им знание основ наук, но и знакомить их с проблемами, над которыми работают ученые. Важно, чтобы школьные программы и учебники были историчны, раскрывали основные вехи развития наук, столкновения, борьбу взглядов и в то же время во весь голос говорили ребятам о еще неизведанном.

Конечно, объем научных знаний непрерывно и стремительно возрастает, и стараться «втиснуть» все в учебный предмет не только невозможно, но порой и вредно. Тем более необходимо твердо договориться, что школа должна давать только главное, фундаментальное в науке. Но дело не только и не столько в программе. Важно, чтобы был педагог человеком зрелым, широким мыслящим, постоянно совершенствующим свои знания. Лишь тогда он сумеет тесно связать свой предмет с современностью и зажечь в детских сердцах живой интерес к науке.

Учебники тоже оставляют желать много лучшего. Неудобное построение, несовременный справочный аппарат, нечеткие формулировки, расплывчатость многих определений — вот характерные их недостатки. И самый главный недостаток — тяжелый, скучный язык.

Повышая творческий характер урока, надо, помимо, значительно шире и смелее, чем раньше, развешивать внеклассную работу. Она должна быть ключом в каждой школе. Пусть будет много самых разнообразных кружков. К руководству ими можно привлекать не только педагогов, но и родителей, общественников, среди которых есть специалисты самых различных областей. Они охотно откликнутся на зов школы.

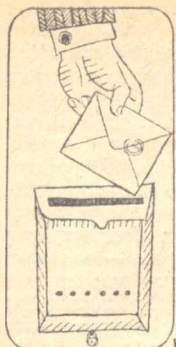
Мы еще очень плохо заботимся о том, чтобы ребята овладевали современной вспомогательной техникой. Порой выпускники школы не знаком даже с такими простейшими приборами, как счетная линейка и арифмометр. Я не говорю уже о множестве других приборов, которые являются обычными в любой научной и производственной лаборатории. Хорошо, если школьники будут владеть современной техникой расчета, измерения, владеть стенографией, машинописью. Это заметно облегчит ему и учебу в вузе, и работу в любой области народного хозяйства. Многому из этого он может научиться в порядке внеклассной работы.

Важной ее частью должны стать также встречи с интересными людьми — учеными, инженерами, врачами, путешественниками. Пусть двери классов всегда будут открыты для жизни, для проблем сегодняшнего дня. Умело привлекая себе на помощь специалистов, учитель даст возможность учащимся постоянно чувствовать пульс современности.

Я. КАЛЬНИЦКИЙ,
начальник
лаборатории Научно-
исследовательского
института
«Гипроникель»,
доктор технических
наук

**Пульс
современности**

ПОЧТА

«СЕМЬ И ШКОЛЫ»

В разделе: ♦ До какого класса можно играть в куклы ♦ Почему у меня не остается свободного времени? ♦ Читатель спрашивает, читатели отвечают

● ОТВЕЧАЕМ РОДИТЕЛЯМ

МЕШАЮТ ЛИ ИГРУШКИ УЧИТЬСЯ?

Уже не раз мне приходится слышать от приходящих к нам знакомых удивленные возгласы: «О, у Нины до сих пор куклы? Сколько же ей лет?» А Нине 9 лет, она учится в третьем классе. И у нее до сих пор есть игровой уголок. Здесь и куклы с богатым гардеробом — дочка сама шьет им платья, кофты. Здесь и медпункт со множеством «лекарств». Для кукол есть «школа», ведется журнал с оценками. Есть и настольные игры, растет библиотечка. Нина любит читать, рисовать, лепить, она ловко играет мячом. Но отказываться от двух своих кукол не соглашается. Им по восемь лет, она с ними выросла и любит их.

Однако после замечаний знакомых я сама стала сомневаться: правильно ли разрешать дочери до сих пор играть с куклами? Не задержит ли это развитие девочки?

Учиться она хорошо. И вот еще что интересно. К ней приходят и охотно играют с куклами ее подружки — соседки, ученицы четвертого и пятого классов (у них дома кукол нет).

Как мне поступить?

А. ЗАХАРОВА
(Москва)

Уважаемая товарищ Захарова!

Вопрос, который вас волнует, задают многие родители. На одном из классных родительских собраний завязался целый разговор на эту тему. Родители спрашивают:

— До какого класса дети могут играть в куклы и другие игрушки?

— Можно ли наказывать ребенка лишением игрушек? — Помогает ли игрушка развитию школьника или только мешает ему учиться?

Я объяснила, что неразумно с поступлением ребенка в школу лишать его игрушек, запрещать ему играть с ними. Неправильно также лишать ученика игрушек из-за того, что он получил плохую отметку в классе.

Один отец пригрозил дочери-первокласснице: «За каждую двойку буду брать у тебя по игрушке». Угроза очень обеспокоила девочку. Все игрушки были для нее дороги. На уроках все думы ее были об игрушках. Из-за рассеянности появились ошибки в тетрадях, от волнения она стала хуже читать. И только после того, как отца убедили отказаться от неразумных угроз, девочка стала нормально учиться.

Третьеклассник Юра увлекался игрой в солдатики. Вместе с товарищем они обдумывали, как лучше провести ту или иную «операцию» по разгрому фашистов.

Но вот однажды за контрольную по арифметике Юра получил двойку. Мать, узнав это, обрушила свой гнев на его игры:

— В третьем классе учишься, а все игрушками забавляешься. Хватит!

Мать собрала все игрушки в коробку и заперла их. Утрата любимой игры расстроила Юру. Он решил тайно от матери приобрести себе новые игрушки и стал утаивать по мелочам из денег, которые она давала ему на хозяйственные покупки. Юра сам купил себе солдатиков, а играл и хранил их у товарища. Так ошибка матери толкнула мальчика на обман.

Между тем, как правило, игрушки менее всего повинны в школьных неудачах. Причины надо искать в другом: в том, как выполняется режим дня ребенка, насколько он приучен к самостоятельности, умеет ли он правильно готовить домашние задания и т. д.

Интересно, что некоторые родители, выступая на собрании, сами возражали тем, кто считает игрушки помехой в учебе, указывали, какие возможности для развития детей дает игра в школьный период.

— Наблюдая за игрой сына, — сказал один отец, — я вижу, как одна и та же игрушка используется все более разнообразно и содержательно. Мой Петя раньше играл с заводными игрушками. А теперь, когда он учится в третьем классе, у него появилось новое увлечение. Все поломанные машины он приводит в порядок — чинит. Обращается ко мне за помощью. Вместе мы думаем, подбираем винтики, колесики, пружинки. Увлекается он также «Конструктором» и настольными играми. Сын приучен к режиму и все успевает: и уроки выучить, и погулять, и почитать, и поиграть.

— И у меня то же, — сказала мать Зины. — До поступления в школу дочка только баюкала куклы, с ложечки кормила их, одевала и переодевала. А теперь сама стирает, шьет одежду для кукол, играет с ними в школу.

Эти родительские выступления, тов. Захарова, по сути отвечают на ваш вопрос. Они показывают, насколько неубедительны критические замечания ваших знакомых по адресу кукольного хозяйства Нины. Ведь ее игры с куклами носят довольно серьезный и «деловой» характер. К тому же у нее начинают преобладать настольные игры, растет библиотечка, появляются новые интересы. Да и учится она хорошо. Зачем же лишать ребенка того, что сохраняет для нее интерес и ценность?

Вы пишете, что двум куклам Нины по восемь лет, что она с ними выросла и до сего времени любит. Как это хорошо! Это свидетельствует об устойчивости и глубине ее чувства, не говоря уже о привычке бережно относиться к вещам.

К сожалению, сколько у нас других примеров, когда родители то и дело покупают ребенку все новые игрушки, а старые он забрасывает в угол, под кровать или в мусорный ящик. О какой же глубине и устойчивости чувств, привычек можно говорить здесь?

Поддерживая игры детей в школьный период, особенно полезно поощрять их стремление брать на себя роли «учителя», «вожатого», «врача».

Позже дети, которые так увлеченно играли в дошкольные и школьные годы, став пионерами, с увлечением будут работать с октябрятами, помогая своей первой учительнице. С интересом будут проводить с малышами любимые игры — в школу, медпункт и другие. Только теперь вместо кукол перед пионером — «учителем» или «врачом» — будут сидеть любознательные октябрята.

Содержательные игры детей в школьные годы будут помогать им в дальнейшем «найти себя», правильно выбрать профессию.

М. СТЕПАНОВА,
учительница

Когда не хватает времени...

Дорогая редакция! Я учусь в 10-м классе. Я долго думала перед тем, как написать вам. У меня большая просьба: помогите советом, как лучше учить уроки, чтобы оставалось свободное время.

Учусь я хорошо (учителя и родители довольны моими успехами). Но как мне трудно все это достается!

Я прекрасно понимаю, что ложиться спать нужно вовремя, что надо гулять. Но как это сделать? Я — вожатая в 4-м классе. Очень люблю моих ребят, люблю заниматься с ними, но это — в ущерб урокам.

Конечно, вы вспомните про режим. Он у меня есть. Эта беленькая бумажечка висит у меня над столом и постоянно напоминает о ребятах, которые живут не так, как я. У них все рассчитано, на все есть время. Я пробовала жить по режиму. И что ж?

Да, все получилось блестяще, а вот уроки не уложились в отведенные для них часы (да еще с пятиминутными перерывами).

А теперь о том, как я учу уроки. В 2 прихожу из школы. Обедаю и сажусь за уроки: сначала устные, потом письменные (без перерывов до 12 часов). Утром меня будит звонок будильника: пора повторять. А ведь я так хочу спать!

Первые два урока я мало что понимаю из рассказа учителя, хотя я изо всех сил стараюсь не упустить ни слова. К третьему уроку все входит в обычное русло. Я легко понимаю учителя, спать уже не хочется. А потом домой. И все сначала...

Правда, разнообразят мою жизнь занятия с пионерами да рисование, которое я очень люблю. Но согласитесь — так жить нельзя.

Как же сделать, чтобы было больше свободного времени?

Оля СОКОЛОВА
(г. Куйбышев)

Дорогая Оля! Когда редакция «Семьи и школы» поручила мне ответить на твое письмо, я, признаться, оказался в затруднении. Представь себе врача, к которому обращается больной с письмом: у меня болит живот и ничего не помогает. Что делать? Как лечиться? На поставленный так вопрос не сумеет ответить самый лучший врач. Ведь появление боли может свидетельствовать о самых разных заболеваниях — холецистите, гепатите, гастрите, язве, аппендиците и многих других. И тут нельзя порекомендовать какое-то универсальное средство, потому что это все заболевания разных органов — желчного пузыря, печени, желудка... И в каждом случае должно быть назначено особое лечение, непохожее на другое.

Медицинские советы не даются заглазно; наверное, тебе это понятно. А вот письмо, с которым ты обратилась в редакцию, очень напоминает такую просьбу. Ты говоришь, что у тебя не хватает времени на приготовление уроков, хотя ты садишься за книги сразу после школы и занимаешься до 12 ночи. Конечно, это говорит о каком-то неблагополучии. Но причины его могут быть самые различные, и в чем они заключаются, понять из твоего письма трудно. Ты даже не написала, как ты готовишь уроки. Устные раньше письменных, больше ничего. Все остальное — жалобы на нехватку времени.

Передо мной лежит твое письмо, такое, каким ты его написала, но даже без обратного адреса. И все-таки мне хочется чем-то помочь тебе. Попытаюсь сделать кое-какие предположения. Насколько мои советы, построен-

ные на таких предположениях, смогут тебе пригодиться, ты должна будешь разобраться сама.

Начнем с самого простого: с нормального сна. Ни в коем случае не следует увеличивать продолжительность занятий за счет сокращения времени сна, как это делаешь ты. В 10-м классе ты уже должна знать, что хроническое недосыпание приводит к истощению нервной системы. В твоём возрасте при напряженной умственной работе нужно ежедневно не менее 8 часов нормального сна.

Помню по собственному опыту, что в бытность мою студентом, когда мне приходилось выбирать — повторить ли лишний раз материал или как следует выспаться, — я всегда выбирал последнее. Я быстро убедился, что со свежей головой скорее сумею найти нужный ответ на вопрос и выйти из затруднительного положения, чем после бессонной ночи вспомнить то, что дважды или трижды повторял накануне.

Итак, одной из причин твоих трудностей могут быть ненормальные условия для умственной работы, которые ты сама себе создала. Возможно, постоянно накапливающаяся усталость мешает тебе работать продуктивно, экономно во времени.

Другая важная причина твоих трудностей, если судить по письму, связана с первой. Ты пишешь, что из-за недосыпания с трудом понимаешь объяснения учителя на первых двух уроках. Ну, эта беда устраняется временно с первой. А вот на что я хочу обратить твое внимание — достаточно ли продуктивно ты работаешь на уроке?

К сожалению, многие школьники используют время на уроке совершенно нерационально. И речь здесь идет не о тех, кто не слушает учителя или занимается посторонним делом. Эти случаи ясны и не вызывают сомнений. Речь идет о ребятах, которые работают на уроке, внимательно, старательно и в то же время малопроductивно. Ученик может спокойно сидеть и слушать объяснение. Но пассивное слушание речи учителя мало эффективно. Нужна активная умственная работа над содержанием излагаемого материала — надо стремиться уловить и проследить логику рассуждения учителя, последовательность объяснения, выделять по ходу рассказа основные вопросы, как бы отмечая про себя план, по которому идет изложение, фиксировать в уме основные выводы. Наконец, важно, слушая, все время иметь в виду, что требуется не только понять материал, но и запомнить его, запомнить настолько прочно, чтобы можно было потом самому рассказать то, что слышал. Психологи называют это установкой на запоминание.

Конечно, никогда работа в классе не может полностью заменить самостоятельную работу дома. Но ее можно во много раз облегчить и тем самым выиграть время, если усвоение и запоминание будет происходить на уроке.

Наконец, еще одно место в твоём письме меня беспокоит. Тебе почему-то приходится вставать в 6 утра с тем, чтобы успеть до школы повторить все уроки. Ну, а если ты этого не сделаешь? Разве ты не сумеешь ответить, когда тебя вызовут? Если ты не можешь обойтись без утреннего повторения уроков, которые были выучены накануне, то я могу предположить два варианта.

Первый — практически невероятный — что у тебя очень плохая память, такая, какой мне не приходилось еще встречать ни у одного школьника.

Второй — что ты используешь какие-то крайне непродуктивные приемы работы над материалом, которые отнимают много времени и дают плохие результаты.

Какие именно — судить по твоему письму трудно. Однако мне доводилось встречать в старших классах учеников, не умеющих рационально построить свои занятия.

Когда знакомишься с тем, как занимается такой ученик, первое, что обращает на себя внимание, — это неумение оценить время, которое требуется для приготовления уроков, и соответственно этому планировать свою работу. Это приводит к полной бесплановости занятий и к тому, что на один-два предмета уходит почти все имеющееся время.

Другая особенность таких ребят в том, что они не могут дать себе отчет, усвоен ли материал заданного урока, а если усвоен, то насколько твердо. Они просто многократно прочитывают текст, не пытаясь воспроизвести его или как-то проконтролировать себя.

Значительно чаще встречается другая крайность: простое механическое заучивание. Ученик читает материал, затем пытается пересказать его так, как он запомнился. Что-то, естественно, выпало при пересказе. Тогда он читает еще раз, снова пытается воспроизвести, получается лучше. И так до тех пор, пока не удастся пересказать достаточно полно. Это как раз то, что обыкновенно называют зубрежкой, долбежкой и тому подобными словами. Правда, ты пишешь, что в классе на уроке всегда пытаешься понять, что говорит учитель. Поэтому, возможно, мой совет будет и не по адресу. Но, к сожалению, я не раз видел, как ребята отождествляют понимание с умением повторить.

Пересказ — вслух или про себя — должен быть в первую очередь методом самоконтроля и помогать ученику разобраться, выучил он урок или нет, а что касается работы с самим материалом, то решающее значение принадлежит активной работе над ним — той, о которой я говорил, когда речь шла об умении работать в классе.

Что же касается повторения уже усвоенного материала, то лучше всего его строить таким образом: не повторять последовательно все содержание, а лишь перебрать в уме основные пункты того, о чем надо будет рассказывать, как бы быстро представить себе план ответа. Что нам задали по физике? Так, помню, закон Кулона. Формула? Да, помню. Значит, сумею объяснить и суть закона. Как Кулон ставил свой опыт? Тоже помню — крутильные весы, два шарика и разные заряды. Все. Это занимает буквально несколько минут и может быть сделано без специальной затраты времени — по дороге в школу или даже во время перемены.

Но такое повторение возможно лишь в том случае, если человек работал над материалом активно, расчленив его на смысловые куски, выделяя главные мысли в каждом из кусков, как бы строя про себя схему материала. Такая схема запоминается очень легко, сама собой. А имея ее в голове, уже нетрудно воспроизвести

● ФОТО ПРИСЛАЛ ЧИТАТЕЛЬ

Ю. МАКСИМОВСКИЙ (г. Челябинск). ОЗОРНИЦА

весь материал с нужной подробностью. Если же работаешь над материалом пассивно, стремишься возможно более полно запомнить его, то, естественно, и повторение превращается либо в подробный пересказ, либо — еще хуже — в повторное перечитывание страниц учебника. Это один из самых неэкономных способов работы.

Вот, пожалуй, и все, что я могу сказать по поводу твоего письма. Хочется надеяться, что ты сумеешь извлечь из моего ответа практическую пользу для себя. Желаю успехов!

К. БАРДИН,
кандидат педагогических наук

● ПИСЬМА НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ

НА ПОДОКОННИКЕ

Едва я свернул за угол, чтобы перейти площадь, как внезапно был остановлен человеком средних лет.

— Пожалуйста, потише, — прошептал он и показал вверх. У меня сжалось сердце...

На четвертом этаже многоэтажного дома у раскрытого окна стоял пухлый малыш в рубашонке, едва прикрывавшей ему пупок. Наклонив головку, он с удивлением и любопытством смотрел на людей, словно го-

воря: «Что вам нужно? Почему вы здесь собрались?»

А люди, затаив дыхание, смотрели на него. Несколько сотен глаз, сливаясь воедино, тонули в одной паре детских глаз. Тишина была абсолютная.

Все забыли, что очень жарко, что куда-то нужно идти по своим делам. У всех в одном ритме тревожно билось сердце.

И вдруг малыш ухватился за

створку окна, решительно потянул ее на себя и, плотно закрыв окно, скрылся в комнате.

— О-ох! — вздохнула толпа.

В это время из ворот показалась группа людей с рыбацкой сетью.

— Вертай назад, до следующего раза! — раздался чей-то звонкий голос.

Все это продолжалось каких-нибудь десять минут, но они показались тягучими, долгими часами...

Как бы очнувшись, люди расходились по своим делам...

Д. МАШУРОВСКИЙ
(Москва)

В № 7 «Семьи и школы» за этот год под рубрикой «На консультацию к читателям» было напечатано письмо И. Андреевой. Мать двух мальчиков-близнецов сомневалась, верно ли она приучает своих трехлетних сыновей к труду: вместе с ней ребяташки работают охотно, а вот уйдет она — и они все бросают: тогда мать идет на «хитрость», обещая какое-нибудь удовольствие, если они, снажем, уберут за собой игрушки. И. Андреева писала: «Если я ошибаюсь, подскажите, как нужно мне поступать».

Оказалось, что у многих наших читателей есть что подсказать. В этом и следующих номерах мы печатаем некоторые из откликов-советов, поступивших в редакцию.

ОТ УВЛЕЧЕНИЯ К ПРИВЫЧКЕ

Мне хочется успокоить И. Андрееву: не огорчайтесь, что ваши дети не всегда делают так, как хочется вам, — идеальных детей нет, все они и немножко капризные, и немножко ленивые, и шумливые. И если они не убрали однажды игрушки, то это еще не трагедия. Они еще малы и настолько податливы, что в руках хорошего воспитателя, как глина в руках талантливого ваятеля, примут любую «форму». Нужен только контроль над собой и терпение.

Там, где родители спокойны и уравновешенны, дети растут покладистыми, сговорчивыми. Чаще всего в таких семьях резких конфликтов в воспитании детей не бывает.

У меня трое детей, младший сын перешел уже в седьмой класс. Сказать о том, что я уже вырастила своих детей, я еще не имею права, но то, что волнует И. Андрееву, для меня уже позади; теперь у меня другие заботы, как говорится, «подростковые проблемы». Однако мои дети тоже были маленькими и приносили мне немало хлопот и огорчений, хотя знакомые и соседи хвалили их: «Они у вас хорошие, трудолюбивые».

Как же привилось у моих детей это трудолюбие?

Между детьми в возрасте разницы небольшая — 2—3 года, так что мне с ними было трудно и моя старшенькая дочка уже с двух лет стала «мамой помощницей». Видя мои хлопоты с младшими, она и сама старалась как-то помочь мне; это вошло у нее в привычку. Мне некогда было особенно с каждым возиться: одевать его, кормить, заправлять постель, — поэтому дети все это делали сами, без особых понуждений, считая это своей обязанностью.

И мой совет И. Андреевой: как можно раньше развивать у детей самостоятельность, самой к этому относиться вполне серьезно, а не делать урывками, под влиянием нахлы-

нувшего желания «приняться наконец за воспитание».

Не делайте за детей ту работу, которую они могут и обязаны делать сами, — это может привести к плачевным результатам. Я знаю одну мать, у которой сын перешел уже во второй класс, а она до сих пор кормит его из ложки. Кстати сказать, мальчик очень живой, любознательный, в школе отличник, а дома у него руки не поднимаются самого себя накормить. Кто виноват в этом?

Охотнее всего дети работают вместе с родителями, и я считаю, что в любой работе можно воспользоваться их посильной помощью, а не обрывать окриками: «Не мешай!», «Уйди!», «Не пачкайся!» — так вы только убьете в них горячее желание помочь маме или папе. Я никогда не отказываюсь от помощи детей. Мне с ними легче работать, да и веселее. В раннем детстве это их увлекало, а потом перешло в привычку, в обязанность.

Долгое время у нас висело расписание дежурств по квартире, за которое я ставила баллы, а в конце недели выводила каждому общий балл и за наивысший давала соответствующее вознаграждение, правда, не оставляя в обиде и других. Теперь в расписании надобность отпала, хотя дежурство продолжается без всякого вознаграждения.

С раннего детства я приучила детей и к обращению с огнем, хотя это тоже получилось вынужденно: не успела я доварить обед, бегу на работу и прошу дочку закончить стряпню. Потом и мальчики приучились. Однажды, помню, лепили мы вареники, пришел муж и огорченно вздохнул: «Ты, оказывается, занята, а я билеты в кино взял». — «Идите, мама, мы сами долепим и сварим», — предложили ребята. И мы пошли. А когда вернулись, то с удовольствием поужинали варениками, приготовленными на славу. Правда, они

были в два-три раза больше, чем им положено быть, но все равно это были очень вкусные вареники!

Безусловно, давать детям непосильную работу нельзя. Они устанут, и у них пропадет всякая охота трудиться. Однажды работали мы на участке за городом. Я хотела, чтобы дети целый день были возле меня и потихоньку что-то делали. Смотрю, они сникли, расслабились, стали помогать неохотно. Неожиданный выход подсказала мне дочка:

— Мама, ты дай каждому задание, мы сделаем, а потом пойдем гулять.

Я так и стала делать: давала задание, они его охотно выполняли и бежали играть.

Не надо и угрозами заставлять их что-либо делать. Мне кажется, что это один из худших методов воспитания, хотя некоторые родители считают его надежным и быстродействующим. Жаль, что они не замечают испуга в глазах своего ребенка, животного страха перед физической болью.

Нет смысла и упрямо настаивать сделать что-либо, если ребенок этого не хочет, потому что ваша настойчивость «заражает» ребенка и он делается таким же упрямым. В таких случаях надо «изменить тактику» и отвлечь ребенка от острого конфликта.

Я как-то наблюдала на улице такую картину: отец вел за руку мальчика лет трех, который, капризничая, просил у него игрушку, упрямо не желая нести какую-то коробочку.

— Нет, ты понесешь коробочку! — прикрикнул отец. — И замолчи!

Мальчик громко заплакал и бросил коробочку под ноги.

— Подними! — закричал отец. — Сейчас же подними!

— Дай... Да-ай... — заливался малыш уже истерическим плачем.

— Нет, ты поднимешь! — шипел взбешенный отец. — Я сказал, поднимешь!

Было больно смотреть на эту картину. Конечно, конфликты в этой семье будут бесконечными, если отец не изменит свое поведение.

А в другой раз я встретила отца, который вел громко ревушего сына, тоже лет трех-четыре. Не знаю, почему ревел малыш, но отец что-то буркнул ему, одним движением быстро пригладил вихры на макушке, вытер сыну глаза, утер нос, и — слез как не бывало. Я даже замерла от такого неожиданного превращения.

И, конечно, очень важно не терять авторитета и уважения в глазах своих детей. Я этого боюсь до сих пор и, наверное, буду бояться всю жизнь. Потерять уважение детей — это катастрофа...

Е. ВАХТЕРОВА
(г. Херсон)

О. ДМИТРИЕВ (Москва). НА СПЕКТАКЛЕ

● ФОТО ПРИСЛАЛ ЧИТАТЕЛЬ

И. КАРГАШИН (г. Нижний Тагил Свердловской области) У ТАНИ ДВОЙКА ...

МЫСЛИТЕЛЬ (ФРАГМЕНТ)

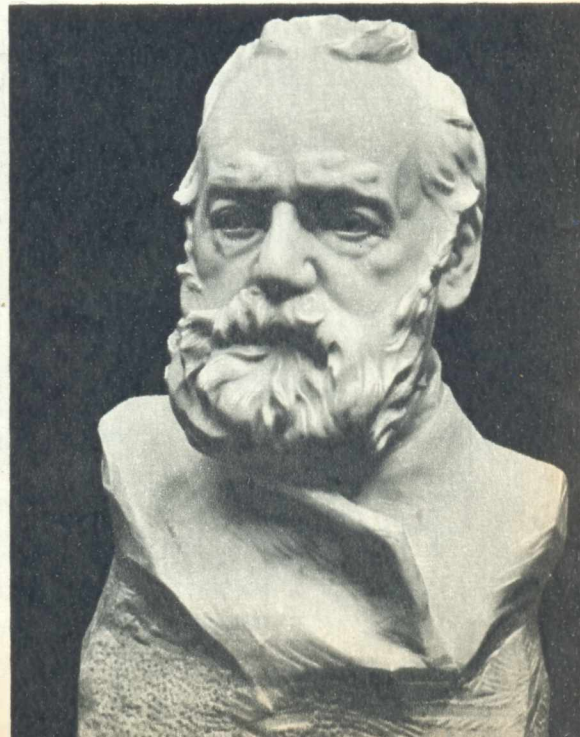
Огюст

Роден

ПОРТРЕТ ВИКТОРА ГЮГО

ГРАЖДАНЕ ГОРОДА КАЛЕ

В поисках прекрасного

Несколько книг в почти одинаковых обложках: белый фон и на нем эмблема — лира или палитра, гусиное перо или греческая театральная маска. А на суперобложках на таком же белом фоне собраны все четыре эмблемы. Так скромно и изящно оформила И. Фокина серию книг «В мире прекрасного».

Читая эти книги, радуешься выросшему уровню научно-популярной литературы. Ни дешевых развлекательных эффектов, ни унылого назидательного тона, ни «веселой» поверхностности. Авторы делятся с читателем-подростком своими воспоминаниями и размышлениями, рассказывают о творчестве, слушают вместе с ним музыку, стоят перед полотнами живописцев, смотрят театральные спектакли. И стремятся они не столько сообщить определенные искусствоведческие сведения (хотя и этих сведений в книгах немало), сколько развить у читателя вкус, внимание к прекрасному.

Яркий пример увлекательного разговора об искусстве — книга замечательного советского актера Николая Черкасова «В театре и в кино».

На многочисленных примерах Н. К. Черкасов доказывает, что работа актера не иллюстративная, а творческая. Его искусство — это искусство переживания, создания образа, перевоплощения. Переодеться, загримироваться, надеть парик и наклеить фальшивую бороду —

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В разделе: ♦ Книги об искусстве и о людях искусства ♦ Трудные дети — что танова? ♦ Зарубежная литература — детям ♦ Коротко о книгах

этого еще мало. Главное — найти характерные черты и интонации героя, его «ритм», войти в его характер. В этом-то и состоит подлинное актерское мастерство.

Н. К. Черкасов рассказывает о своей работе в кино, о созданных им образах Александра Невского, Ивана Грозного, Дон Кихота, «депутата Балтики», Мичурина. Он рассказывает о своей великой любви к театру. Театр для него — «золотая книга, с трепетом и волнением прочитанная актерами в художественных образах». Книга, которая помогает людям жить, разбираться в сложных проблемах человеческих взаимоотношений, учит добру, зовет к благородным поступкам. Короче говоря, воспитывает в человеке — человека.

Близка к книге Черкасова и «Жизнь театра» Софьи Гиацинтовой. За историей актрисы встает история театра нашего века, потому что от театра ее жизнь неотделима с самого детства. Перед читателями возникают

Картинная галерея

„БЫТЬ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ЧЕЛОВЕКОМ...“

12 ноября исполнится 125 лет со дня рождения Огюста Родена (1840—1917). Имя великого французского скульптора впервые получило известность в 1877 году, когда он послал на выставку статую «Бронзовый век». Произведение Родена вызвало негодование членов жюри; мастер был обвинен в подлоге — он якобы представил муляж, слепок, а не собственное, творчески созданное произведение. С помощью друзей, наблюдавших его работу, Родену удалось доказать свою правоту.

Почему же статуя молодого скульптора вызвала такое недоброжелательное отношение? Все дело в том, что образ, созданный им, и сами приемы обработки скульптуры резко отличались от всех привычных, традиционных норм и правил. Современники Родена, как правило, обращались к аллегорическим и мифологическим образам. Античное представление о гармонии и красоте давно уже утратило для них свою жизненную выразительность, превратившись лишь в определенные каноны. Скульптура, которую одобряла Академия, не обладала выразительностью и богатством пластики, разнообразием форм. Ей были

свойственны черты отвлеченности, сухости и холодности, внутренней неподвижности. Преобладал тип парадного портрета, внешне эффектного, но лишённого истинной глубины, в раскрытии характера человека.

Полная внутреннего трепета, мучительных переживаний, решенная в необычной пластической манере — с глубокими тенями и световыми пятнами, создающими впечатление движения, — статуя Родена была вызовом всему академическому искусству.

Название «Бронзовый век» достаточно условно (и пришло к статуе позднее); оно говорит не столько об образе (Роден, бесспорно, изобразил современника, а не человека первобытной эпохи), сколько о теме — художник хотел показать пробуждающееся человечество.

В течение своей долгой творческой деятельности Роден создал огромное количество произведений в самых разных жанрах — от монументальных памятников до портрета, но некоторые темы сопровождали художника всю жизнь. К их числу относится грандиозный замысел «Врат ада», навеянный

«Божественной комедией» Данте. С 1880 года до конца дней работал над ним мастер, но так и не смог завершить этот самый сложный комплекс, включавший статуи и рельефы. Одна из скульптур, входивших в этот ансамбль, получила право на самостоятельное существование и стала одной из самых важных в творчестве Родена — это «Мыслитель». Гигант с руками рабочего, как бы вобравший в себя всю сложность и тяжесть раздумий современного человечества, напоминает образы, созданные великим скульптором эпохи Возрождения Микеланджело. (Позднее, в своем обращении к молодым ваятелям Роден писал: «Преклонитесь перед Фидием и Микеланджело».)

Продолжая и разрабатывая пластические приемы, найденные в «Бронзовом веке», Роден и в «Мыслителе» подчеркивает резкие провалы глаз, напряженные мускулы ног и спины, нервно сведенные пальцы. Сейчас эта статуя находится в Музее Родена, а раньше она стояла на площади перед Пантеоном в Париже. Скульптура нравилась В. И. Ленину, и он советовал русским товарищам, проезжавшим через Париж, непременно посмотреть ее.

Родена всегда интересовал характер, настроение и переживания человека, в каком бы виде и жанре скульптуры он ни работал. Поэтому таких поразительных результатов он достиг в портретах. Среди них наиболее известны портреты скульптора Далу, критика

(Окончание на 34-й странице)

образы Ф. Шаляпина, О. Садовской, Г. Федотовой, А. Остужева. Гиацинтова, как и Черкасов, считает, что театр — школа жизни, школа, которая учит видеть в жизни хорошее и плохое, красивое и безобразное, умное и глупое.

Не пройдет для читателя незамеченным и рассказ о «механизме театра», о тех невидимых зрителю людях, без которых не обходится ни один спектакль: осветители, костюмеры, бутафоры, рабочие сцены.

Художественному чтению и его мастерам посвящена книга «Звучит слово». Автор ее, А. М. Арго, говорит о тончайших оттенках слова, доказывает, что в любой самой обыкновенной разговорной фразе может быть столько значений, сколько слов в ней. Наглядно представив читателю весомость слова, А. М. Арго переходит к тому, как создает образ чтец. Он подробно рассказывает о А. Закушняке, Д. Журавлеве, В. Яхонтове, разбирает и сравнивает их манеры чтения. А затем идут главы о поэтах, о напряженном, нервном чтении Блока, рафинированно-уточенном — Северянина и взволнованной декламации «агитатора, горлана-главаря» Маяковского.

Книга Льва Любимова «Великая живопись Нидерландов» — увлекательный рассказ о самом блестящем периоде голландской живописи, о таких корифеях, как Рубенс, Ван-Дейк, Рембрандт.

Взволнованно говорит Любимов о трагической жизни «короля светотени» Рембрандта, жизни, в которой счастье, богатство, слава сменялись жестокими ударами судьбы, смертью любимой женщины, разорением, одиночеством и голодной старостью.

«Великая живопись Нидерландов» — не только биографии художников и рассказ об их творчестве. Это прежде всего книга о значении и достоинстве искусства. Очень характерен приведенный автором эпизод из жизни Рубенса. Тот был не только художником, но

и дипломатом, полномочным послом Голландии в Англии. И однажды в Лондоне какой-то вельможа, застав его перед мольбертом, шутовски заметил: «Господин посол занимается живописью!» — «Нет, милорд, — отвечал Рубенс, — живописец занимается иногда дипломатией».

Вышли и другие книги серии «В мире прекрасного»: «Воображаемые встречи» Ф. Оржеховской — рассказы о музыке и музыкантах; «По законам красоты» Б. Эренгросс; сборник статей В. Г. Белинского о театре. А сейчас готовится к изданию книга В. А. Фаворского, в которой мастер гравюры рассказывает о своем искусстве.

Хорошее дело начало издательство «Детская литература». Остается пожелать счастливого продолжения его!

О. ВОРОНОВА

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА — ДЕТЯМ

С отечественными писателями, которыми увлекались и увлекаются дети, издавна соперничали зарубежные. Это было мирное соперничество — без ущерба для каждой из сторон. Если наши дети наряду с Гайдаром, Кавриным, Кассилем зачитываются Астрид Линдгрен, Станиславом Лемом, Туром Хайердалом, то в числе любимых авторов прежних поколений сейчас же вспоминаются имена Жюль Верна и Майн-Рида. И популярность их не уменьшается с годами.

Откройте биографию любого замечательного человека русского прошлого. Редко в какой из них не найдутся

Евг. Брандис. От Эзопа до Джанни Родари. М., «Провещение», 1965.

(Начало на 33-й странице)

Рошфора, художника П. Пювис де Шаванна, писателя Виктора Гюго. Вглядитесь в лицо французского писателя — и перед вами в мраморе будто оживает напряженная работа мысли. Роден не боится резко углубить складки на лбу и щеках, сдвинуть брови, передать неровную поверхность лица. Именно эти приемы и заставляют «оживать» лица портретируемых Роденом. Но не всегда изображенные им люди были в состоянии оценить созданное скульптором, их смущала смелая лепка формы, контрасты светотени, углубления и неровности на лице. Так, одна из самых блестящих работ — портрет Рошфора — очень долго лежала у его владельца на чердаке. Только несколько лет спустя, когда Роден стал широко известным мастером, этот портрет получил заслуженную оценку.

Но работа над портретами не стала основной для Родена. Его влекли значительные драматические темы и большое монументальное искусство.

В 1886 году была создана группа «Граждане города Кале» — величайшее творческое достижение не только Родена, но и всего французского искусства той эпохи. Никто из современников Родена ни в живописи, ни в скульптуре не смог выразить героизм и мужество человека с такой силой. Тема «Граждане города Кале» навеяна прошлым Франции. В период Столетней войны англичане осадили Кале. Английский король обещал поща-

дить город, если шесть его самых знатных граждан согласятся добровольно принять смерть. Нашлись шестеро, которые приняли условия короля, но когда их привели в лагерь англичан, королева Англии умолила сохранить им жизнь. Так гласит древняя хроника, с которой познакомился Роден. Скульптору была заказана лишь одна статуя, а он создал группу из шести фигур. Одежды в рубище, босые, с веревками на шее, эти люди, преодолевая внутренние сомнения и колебания, движутся к месту казни. У каждого из них свой характер и свое особое состояние в последние минуты жизни. И выражено это не только мимикой лица, но и позой и жестом. Кажется, что тяжелые одежды мешают движению, затрудняют путь, усиливая драматизм и напряженность. Центральный образ — человек с ключом (ключи — символ свободы города), Жан д'Эр — выражает особенно глубокие и горестные переживания. На фоне резных вертикальных складок выделяются огромные кисти рук, а лицо подчеркнуто завернуто вокруг шеи краем одежды. На лице с глубоко ушедшими провалами глаз и плотно сжатыми губами — одновременно и страдание, и стойкость, и необычайная сила духа. Роден хотел, чтобы его монумент стоял прямо на земле, будто шестеро героев только что вышли из ратуши. Проходящий мимо человек как бы сам соприкасался с шествием, приобщался к героизму себе подобных: ведь герои Родена — простые, обыкновенные люди, а не

отвлеченные идеальные персонажи.

Спустя десятилетие после создания «Граждан города Кале» Роден закончил свой последний большой монумент — памятник Бальзаку. Получивший к тому времени известность мастер Роден пережил подлинную трагедию: заказчики отвергли статую, в печати появились оскорбительные отзывы. Среди выступавших против Родена был и его друг критик Рошфор. Такое отношение к статуе было тем более тяжелым для Родена, что он считал ее итогом всех своих творческих поисков. Замысел Родена был сложен и необычен — создать не просто портрет Бальзака, а выразить в облике всю мощь его творческого гения. Не все удалось скульптору, но его статуя заслуживала глубокого и всестороннего анализа. И хотя у Родена нашлись защитники и приверженцы, горечь пережитого осталась у него на всю жизнь.

Теперь «Бальзак» Родена установлен в Париже на бульваре Распай. Скульптура одновременно служит памятником и великому писателю и великому скульптору Франции.

Роден сумел в своем творчестве передать глубину и значительность человеческих переживаний, сложность чувств. Он писал в своем завещании молодым творцам: «Самое главное для художника — быть взволнованным, любить, надеяться, трепетать, жить. Быть прежде всего человеком и только потом — художником».

О. НИКИТЮК

Книжные новинки

Богомолов В. Сердца моего боль. Рассказы. М., «Советская Россия», 1965. 107 с. с илл., 30 000 экз., 30 к. (Герои рассказов — юноши, в годы Великой Отечественной войны ушедшие со школьной скамьи защищать свою Родину).

Громбах С. М. Режим дня школьника. М., «Знание», 1965. 40 с. с илл. 63 700 экз. 7 к.

Здоровые женщины. Сборник статей под ред. О. В. Маковой. М., «Медицина», 1965. 182 с. с илл. 235 000 экз. 53 к.

Медведев В. Баранкин. Будь человеком! 36 событий из жизни Юры Баранкина. Предисл. Л. Касиля. Рис. Г. Вальца. М., «Дет. лит.», 1965. 144 с. с илл. 150 000 экз. 32 к. (Веселая повесть для младших школьников).

Томин Ю. Шел по городу волшебник. Борьна, я и невидимка. Рис. Б. Малаушина и С. Спицына. Л., «Дет. лит.», 1965. 350 с. с илл. 150 000 экз. 75 к.

Умом и сердцем. Мысли о воспитании. Сост. Н. И. Монахов. М.,

Политиздат, 1965. 415 с. 103 000 экз. 54 к. (Отрывки из статей, речей, писем, высказывания крупнейших отечественных педагогов и мыслителей о воспитании — главным образом в условиях семьи).

Хазанов Ю. Кап, иди сюда! Повесть и рассказы. Рис. Г. Алимова. М., «Дет. лит.», 1965. 160 с. с илл. 100 000 экз. 33 к.

Шторм Г. Потаненный Радищев. Вторая жизнь «Путешествия из Петербурга в Москву». М., «Сов. писатель», 1965. 295 с. с илл.; 2 л. илл. 30 000 экз. 85 к.

лаконичные или подробные сведения о том, какие книги читались в детстве, какие читательские впечатления навсегда сохранились в памяти. Хорошо известные нам имена В. Скотта, Э. Т.-А. Гофмана, А. Дюма-отца встречаются в этих рассказах наряду с именами мало кому сейчас ведомых, а то и вовсе забытых писателей. Когда-то они были постоянными спутниками детей-читателей, когда-то над их страницами склонялось столько зачарованных голов!

Книга Евг. Брандиса представляет собой обзор переводной детской книги в России с XVIII века до нашего времени. От первых известных в России переводных детских книг — от замечательной наглядной энциклопедии элементарных знаний «Мир чувственных вещей в картинках» великого чешского педагога Яна Амоса Коменского, от «Приключений Телемана», басен Эзопа и сказок Шарля Перро автор переходит к переводному репертуару детского чтения XIX и начала XX века, а затем к переводной детской книге после Великой Октябрьской социалистической революции. Только за 1946—1963 годы одним Детгизом выпущено около 400 книг, переведенных с 33 языков народов 37 зарубежных стран.

Перед нами лежит обширная, малоисследованная страна. «От Эзопа до Джанни Родари» — читающийся с большим интересом путеводитель по этой стране, путеводитель, содержащий и обзорные главы, и отдельные характеристики, то лаконичные, то более или менее развернутые. Разнообразное, богатое содержание, добросовестность, надежность излагаемых сведений — крупные достоинства книги Евг. Брандиса. Книга пригодится всем имеющим дело с детским чтением: литературоведам, библиотечным, педагогам и, конечно, родителям.

В книжном потоке трудно ориентироваться. Ошибки и просчеты здесь возможны сплошь и рядом. Книга Евг. Брандиса, дающая основные историко-литературные и библиографические сведения о переводной детской книге в России, поможет разобраться в одном из малоизученных участков наших книжных богатств.

А. НАРКЕВИЧ

КЛЮЧИК К СЕРДЦУ „ТРУДНОГО“

Эта книга состоит из восьми очерков, которые могут быть названы художественными. Учителя и родители часто называют детей трудными потому, что не знают, как подобрать «ключики» к их душам; не знают, как подойти к ним, чтобы помочь им выбрать правильную дорогу в жизнь.

«Трудные» — не обязательно хулиганы, уже ставшие на плохой путь. Это дети со сложной психологией. Не всегда родители и педагоги могут правильно подойти к

оступившемуся подростку, понять его, постараться найти в нем что-то хорошее, не считать его «отпетым», несмотря на все странности его поведения, агрессивность, озлобление. А между тем необходимо помочь и мальчику или девочке, отвести их от всего плохого, что уже укрепилось в них.

В книге мы знакомимся с различными типами трудных детей и с большими, добрыми людьми, понимающими подростка, любящими детей, помогающими им, — педагогами, родителями, общественниками.

Бот был такой Славка (очерк «Славка из племени трудных»). Тихий, задумчивый, в классе часто скучающий мальчик. Классная руководительница не любит его: «Мешает на уроках, не слушает, не работает». Товарищи-школьники говорят: «Он смешной», «Он не дерется», «Он хорошо рассказывает про деревню».

Ребята должны были написать сочинение на тему «Как мы провели лето». Славка назвал свою работу «В ночном». Вот что пишет об этом учитель: «Четыре небрежно вырванных из тетради листка, корявый почерк, илясы, но когда я прочел безграмотные Славкины наработки, неожиданно дохнуло на меня такой свежестью восприятия природы, такой непосредственностью описаний, что я только диву давался, откуда все это».

Почему же к нему плохо относится учительница? Она, залосившись однажды на уроке, как всегда полон своих дум, он смотрел в окно, любовался на голубей, и вдруг, не слушая, о чем говорила учительница, громко крикнул: «А почему голуби мира?» Или однажды вдруг сказал молодой учительнице: «Кание у вас красивые туфли». За это учительница выгнала его из класса. Он любил читать книги, любил что-либо мастерить. Чтобы купить любимую книгу, он смастерил полочку и продал ее. Он интересовался, как и многие подростки, книгами о шпионах. Новый учитель полюбил Славку, был у него на дне рождения, читал Славке и его товарищам рассказы Богомолова «Иван». Славка оказался изумительным, отзывчивым, чутким слушателем.

У Славки не было родителей, его воспитывали дядя и тетя, которые только кормили его и одевали, а учитель стал ему близким человеком, понял его лучшие стороны, стал ему почти как отец.

Несмотря на плохое отношение к нему классной руководительницы, Славка перешел в седьмой класс. Он был счастлив и ходил притихший, праздничный, как именинник. Во многом ему помог любящий его учитель.

Педагогическое мастерство, внимание, интерес к подростку, уважение и доверие к личности, умение найти в нем хорошую черточку — вот чем можно добиться того, чтобы трудные дети не оступились в жизни.

В книге нет рецептов (их и не может быть), как поступать с трудными детьми, но каждый, прочтя книгу, задумается о судьбе трудного сына, ученика, за будущее которых все должны отвечать.

Н. ЭЙГЕС

А. Е. Резникова, А. А. Крестинский. О трудных детях. М., «Знание», 1964.

Александр Фадеев. ...ПОВЕСТЬ НАШЕЙ ЮНОСТИ. Изд. 2-е. М., Детгиз, 1964.

Эта книга А. А. Фадеева вышла в свет уже после смерти писателя. Книга необычная: она лишена единого сквозного сюжета. Составленная из воспоминаний и писем разных лет, удачно прокомментированная и сопровождаемая хорошей статьей С. Н. Преображенского, она читается как увлекательная повесть «о времени и о себе».

Перед читателем вереницей проходят детские годы Саши Фадеева во Владивостоке, светлые, пронинутые легкой грустью воспоминания о семье Сибирцевых, о Сергее Лазо, о замечательных друзьях юности, о первой любви. Многие страницы посвящены суровым и бурным годам гражданской войны на Дальнем Востоке, участию в ней автора в качестве большевика-подпольщика, партизана, а впоследствии комиссара полка.

Но, пожалуй, наибольший интерес для школьников представляют письма Фадеева к другу детства и юности, школьной учительнице А. Ф. Колесниковой. Они знакомят читателя с интимной стороной жизни писателя, содержат его суждения по общим вопросам литературы и социалистической морали, служат ключом к пониманию отдельных сторон его художественного творчества.

Каждая страница писем воссоздает перед нами светлый облик автора. Нас восхищают, а порой поражают кристальная чистота, моральная чистота, бескорыстие и нравственное благородство человека, всегда и везде ставящего общественные интересы выше личных. Из писем интересно узнать, что замечательные качества будущего писателя-коммуниста выработались у Фадеева еще в юношеском возрасте.

Письма Фадеева не предназначались для печати. Тем не менее они замечательно стилистически выдержаны и несомненно займут достойное место в эпистолярном наследии писателя. Все произведения, помещенные в сборнике, пронизаны задушевной, легкой и светлой грустью и в то же время дышат жизнеутверждающим оптимизмом, боевой партийностью.

Нет сомнения, что книгу с интересом прочитают наши школьники, их родители и учителя.

В. ЛЕДЕНЕВ

Игорь Ефимов. ВЫСОКО НА КРЫШЕ. Повести и рассказы. Л., „Детская литература“, 1964.

Давным-давно замечено, что пытливое племя мальчишек жить не может без двух вещей: всяческих изобретений и тайн. Наверное, в каждом доме или дворе есть такие. Они и сегодня хотят быть робинзонами, плавать на плоту по океану или хотя бы по реке. Их влечет к себе все крутящееся, двигающееся и взрывающееся, будь то стальные ходики, пистоны или вертолеты...

В книге И. Ефимова много таких героев. Сказать, что он хорошо знает и понимает их, — мало. Как он любит это быстроногое веснушчатое племя! Любит без сюсюкания, без слепого обожания. Среди его героев нет этаких «правильных», дистиллированных пионеров. Он любит придиричиво, он беспощаден к каждому треснувшему кирпичу в фундаменте будущего человека.

Есть в книге такой холодящий душу эпизод (рассказ «Военная игра»).

Во всех летних лагерях играют в «военную игру». Ребята делятся на две враждующие армии: «синих» и «желтых». Разбегаются по лесу, потом ищут друг друга и «убивают», отрывая бумажные погоны. У кого больше оторванных погон, тот выиграл.

Толю в прошлом году «убили» почти сразу же, в начале игры. На этот раз он старался быть осторожнее, не попадаться так сразу... Но из-за этой осторожности он заблудился. Пробродив по лесу, Толя наткнулся на десяток «синих» малышей. «Наверное, им плохо объяснили правила игры или они так и не поняли, кто и почему будет их врагами. Увидев Толю, который всегда натаил их на лодке, малыши побежали к нему, радостно спотыкаясь и протягивая бунетники набухшей желтым соком морщины. Толя подхватил одного за вытнутые руки, потом опустил на землю и, краснея, начал отдира́ть с его бочочки синие погоны...»

Малыши заплакали. Толя вернул им погоны и убежал. Все кончилось для него благополучно. Он ничего не сломал, никого не толкнул, не бил; он даже поступил по правилам игры. Но вот как рано и с какой чепухи мог начаться негодяй. И как сказал бы Саша («Я хочу в Сиверскую»), все равно нем быть, когда вырастешь: летчиком, моряком, ученым, «но лучше быть кем угодно, только так, чтобы уж наверняка не стать негодяем».

Справедливый и очень современный взгляд на вещи! Радостно, что в детскую литературу пришел еще один талантливый и добрый писатель.

М. КАМЕНСКАЯ

Домашний экран

ДИАФИЛЬМЫ — В СЕМЬЮ

Всего несколько десятков кадров насыщает маленький цветной или черно-белый диапозитивный фильм, но он может оказать серьезную помощь родителям и школе в воспитании ребят. Небольшая фильмотека, умело подобранная дома, в детском саду или в школе, введет юных зрителей в чудесный мир сказок, приключений, разных историй, доставит им много радости.

Диафильмов выпущено очень много. О чем они?

Неисчерпаемый родник воспитания — жизнь и деятельность великого создателя Советского государства В. И. Ленина. Серия диафильмов призвана воссоздать в воображении ребят бессмертный образ вождя.

Ряд диафильмов знакомит с ближайшими соратниками В. И. Ленина — выдающимися деятелями Коммунистической партии и Советского государства.

Большое место занимают диафильмы на современные темы. О трудовых подвигах советских людей, их высоких моральных качествах рассказывают диафильмы под общим названием «Семилетка в действии».

Всегда увлекательны для ребят рассказы о подвигах и мужестве советских людей в годы военных испытаний и в мирные дни. Выпущено много интересных фильмов на эту тему. На маленьких экранах воскреснут образы легендарных героев гражданской войны — Чапаева, Котовского, Сергея Лазо и других.

О воспитании характера детей в семье, об основных правилах поведения на улице, в гостях, за столом, в театре, походе и дома рассказывают фильмы «Будьте любезны», «Как мама делала из Вити человека», «Китобой», «Как Юра на книжку обиделся» и другие.

В помощь школьникам созданы диафильмы по учебным программам природоведения, географии, истории, литературы, химии и других предметов. Рассчитаны эти фильмы на учащихся 4—9 классов.

Большой раздел диафильмов вводит зрителя в чудесный и разнообразный мир изобразительного искусства, знакомит его с творчеством выдающихся ваятелей, с замечательными памятниками архитектуры.

Много цветных и черно-белых филь-

мов создано для ребят по мотивам произведений А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Д. Н. Мамина-Сибиряка, А. М. Горького, К. И. Чуковского, С. Я. Маршака, В. Бианки, С. Михалкова, Л. Кассиля.

Несколько практических советов — как пользоваться диафильмами.

Некоторые семьи, живущие по соседству, практикуют комплектование обменных тематических фильмотек.

Для демонстрации диафильмов существует несколько различных аппаратов. Фильмоскоп Ф-49 позволяет видеть на экране изображение размером 0,8 кв. метра. Фильмоскоп ФГК-49 — изображение размером 1 кв. метр. Фильмоскоп VII-1 (универсальный проектор) дает на экране изображение размером до 2,5 кв. метра. Самый дешевый и простой — фильмоскоп ДНФ-1 индивидуального пользования (через окуляр).

Приобрести диафильмы можно в киосках Союзпечати, в магазинах «Детский мир», «Игрушка», магазинах культтоваров, а также в специальных магазинах учебно-наглядных пособий.

Можно заказать диафильмы почтой. Их высылают наложенным платежом. Центральная торговая база Письлоторга по адресу: Москва Е-126, Авиамоторная ул., 50.

Подробно о цветных и черно-белых диафильмах и их стоимости можно узнать в прейскуранте Письлоторга, имеющемся в каждом почтовом отделении.

А. КРАКОВСКИЙ

КАК СКУПЕРФИЛЬД ПОПАЛ В ЛОВУШКУ

Спрятав полученные чеки в несгораемый шкаф, господин Спрутс распрощался с капиталистами и велел секретарше отправить Крабсу следующую телеграмму: «Бредлам согласен. Двум ослам один на двоих. Телеграфируйте согласие. Спрутс».

Получив эту телеграмму, Крабс понял, что Спрутс решил дать Миге и Жулио не два, а лишь один миллион. Это нисколько не удивило Крабса, так как он хорошо знал, что господин Спрутс действует всегда осмотрительно и на ветер денег бросать не станет. Крабса удовлетворяло то, что Спрутс не отказался уплатить деньги, и теперь можно было надеяться, что, согласившись распротеститься с одним миллионом, он в конце концов расстанется и с двумя.

Всесторонне обдумав создавшееся положение, госпо-

Роман-сказка

Н. НОСОВ

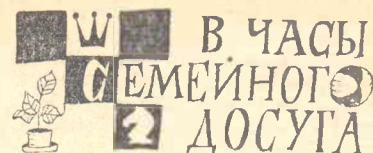
дин Крабс решил ничего не говорить Миге и Жулио о полученной телеграмме, так как, узнав ее содержание, они тоже пришли бы к мысли, что дела складываются в общем успешно, и могли бы еще больше повысить цену за свое исчезновение. Встретившись с ними, господин Крабс сказал, что никаких известий от господина Спрутса нет, но надежду на успешное завершение дела терять не следует.

Его заявление все же опечалило господина Жулио, которому не терпелось поскорее ударить со всеми деньгами.

— Очень жаль, что господин Спрутс не торопится, — сказал Жулио. — Наша торговля акциями подходит к концу, и сейчас как раз самое время смотреть удочки, то есть, попросту говоря, улетучиться.

— Хорошо, — сказал Крабс. — Я пошлю телеграмму Спрутсу и попытаюсь ускорить дело.

В действительности Крабс никому не стал в этот день телеграфировать. Вместо этого он пошел в ресторан и как следует пообедал. Потом вернулся к себе в гостиницу и всхрапнул часика полтора, потом искупался в плавательном бассейне, после чего снова встретился с

В разделе: ♦ Снова о лимонах ♦ Как одеть ребенка зимой ♦ Книжку можно лечить ♦ Рыболов и ноябрь ♦ Улыбаются ли волки ♦ Ночь с привидением

Мигой и Жулио. Собравшись втроем, друзья сначала поужинали, а потом отправились в ночной театр, где за небольшую плату разрешилось швырять в актеров гнилыми яблоками, и как следует повеселились.

Проснувшись на следующий день, господин Крабс никому не сказал ни слова и отправил Спрутсу такую телеграмму:

«Два осла требуют два. На один не согласны. Что делать? Крабс».

В ответ от Спрутса в тот же день была получена телеграмма, в которой стояло лишь одно слово: «Уговаривайте».

Получив эту телеграмму, Крабс выждал еще денек и, ничего не сказав ни Миге, ни Жулио, ответил Спрутсу двумя словами:

«Уговаривал. Упираются».

Неизвестно, до чего бы дошел этот обмен телеграммами, если бы на следующее утро в гостинице, где

остановился господин Крабс, не появился вдруг господин Скуперфильд со своей палкой в руках и в обычном своем наряде, который состоял из черного длинного пиджака с двумя разрезами на спине, черных брюк и черной высокой шляпы, известной под названием цилиндра.

Столкнувшись с Крабсом, который как раз в этот момент выходил из дверей гостиницы, господин Скуперфильд широко раскрыл объятия и завизжал своим отвратительным голосом:

— А, здравствуйте, господин Крабстик! Очень рад видеть вас!

— Здравствуй, — сказал Крабс, стараясь растянуть свои губы в улыбке, хотя видно было, что встреча с этим всемирно известным скрягой не доставляла ему никакой радости.

— Как поживаете? Как ваше здоровье? — явно стараясь завязать разговор, спросил Скуперфильд.

— Здоровье мое хорошо, — сказал Крабс.

— Я тоже себя паршиво чувствую, — подхватил Скуперфильд, не расслышав ответа Крабса, и продолжал: — Какое счастье встретить знакомое лицо в этом чертовом Давилоне. Наш Брехенвиль в тысячу раз лучше. Вы не находите?

— Брехенвиль — город прекрасный, но в Давилоне тоже неплохо, уверяю вас.

— Совершенно с вами согласен, — закивал головой Скуперфильд, — такого скверного городишки я еще нигде не видал, провалиться бы ему тут же на месте! У меня к вам вопрос: вы, я вижу, живете в этой гостинице. Как она, по-вашему, хороша?

— Очень хорошая гостиница, — подтвердил Крабс.

— Но дорогая, должно быть? А?

— Да, несколько дороговата.

— Вот видите, провались она тут же на месте! У меня есть предложение. Если хотите, я не буду брать для себя номер, а поселюсь в одном номере с вами. Таким образом, каждому из нас придется платить вдвое дешевле. А?

Господину Крабсу не очень улыбалась перспектива иметь такого сожителя, однако, пока шел весь этот разговор, он успел сообразить, что Скуперфильд неспроста прибыл в Давилон. Подумав об этом, он решил потесниться и, пользуясь близостью к Скуперфильду, постараться выведать его планы.

Вернувшись с господином Скуперфильдом в свой номер, господин Крабс сказал:

— Располагайтесь, пожалуйста. Места, как видите, на двоих хватит.

Окинув помещение взглядом и изобразив на лице подобие улыбки, которую с таким же успехом можно было принять за гримасу отвращения, господин Скуперфильд поблагодарил Крабса и отправился прямо в ванную. Там он стащил с головы цилиндр, вынул из него зубную щетку и зубной порошок, полотенце, полдюжины носовых платков, запасные носки, два старых гвоздя и кусок медной проволоки, подобранные им где-то на улице. По всей очевидности, цилиндр у господина Скуперфильда служил не только в качестве головного убора, но и в качестве дорожного чемодана, а также в качестве склада для утильсырья.

Спрятав все эти вещи в шкафчик, господин Скуперфильд достал из своего цилиндра еще кусок мыла, но тут же заметил на полочке у раковины другой, точно такой же кусок мыла, принадлежавший Крабсу. Положив свое мыло рядышком, господин Скуперфильд некоторое время смотрел на оба эти куска, после чего принялся старательно намыливать руки и щеки, однако не своим мылом, а тем, которое лежало рядом. При этом он от души радовался, что ему удалось навести таким образом экономию.

Умывшись как следует, господин Скуперфильд решил также почистить зубы, причем совал зубную щетку не в ту коробочку, где был его порошок, а в ту, которая принадлежала Крабсу. Почистив зубы, господин Скуперфильд еще долгое время открывал то одну коробочку, то другую, стараясь определить, какой порошок лучше пахнет: тот, который принадлежал ему, или принадлежавший Крабсу. Кончились эти эксперименты тем, что он чихнул как раз в тот момент, когда совал свой нос в коробку, и весь порошок взвился вверх на манер облака.

Увидев, какой колоссальный расход зубного порошка произошел по его собственной неосторожности, господин Скуперфильд пришел в уныние. Заметив, однако, что держал в руках не свою коробку, а принадлежавшую Крабсу, Скуперфильд моментально утешился. Убедившись к тому же, что в коробке осталось еще немного зубного порошка, он пересыпал часть его в собственную коробку и, окончательно придя в хорошее настроение, вернулся в комнату.

— Как хорошо, что я встретился с вами, — сказал он поджидавшему его Крабсу. — Я, правда, хотел поговорить сперва с этими двумя слабоумными — Мигей и Жулио, но думаю, что большей разницы не будет, если поговорю с вами. Я даже думаю, что так будет лучше. Объединившись вместе, мы можем обтяпать выгодное дельце. Вы меня понимаете?

— В чем же заключается ваше дельце? — заинтересовался Крабс.

— Как вам уже должно быть известно, большой бредлам согласился уплатить двум этим аферистам три миллиона фертингов... — начал господин Скуперфильд.

Господину Крабсу как раз ничего о трех миллионах фертингов не было известно, поскольку он знал, что требования Миги и Жулио ограничивались двумя миллионами. Он, однако, тут же сообразил, что господин Спрутс решил поднажиться на этом деле и увеличил сумму, с тем чтобы миллион фертингов положить в свой карман. Не подав вида, что узнал от Скуперфильда важную тайну, господин Крабс сказал:

— Да, да, мне это, конечно, известно.

— Ну так вот, — продолжал Скуперфильд. — Могу вас уверить, что большой бредлам согласится дать не три, а четыре и даже пять миллионов. Мы с вами можем подсказать Миге и Жулио, что требовать нужно пять миллионов, и поставим условие, чтобы, получив деньги, они отдали миллион нам. Ведь нам с вами неплохо будет получить по полмиллиончика, а? Денежки не маленькие? А?

Слушая Скуперфильда, Крабс прикидывал в уме все выгодные и невыгодные стороны предлагаемого Скуперфильдом дельца. Он, конечно, сразу понял, что для него самого это дело невыгодное, так как, выступив против большого бредлама, он рисковал навлечь на себя гнев всемогущих капиталистов, которые не простили бы ему, если бы он одурачил их. Вместе с тем Крабс видел, что Скуперфильд затеял опасную игру. Сбитые с толку, Мига и Жулио могли бы не остановиться на требовании пяти миллионов, и тогда неизвестно, чем бы все это кончилось. Выведав в разговоре, что Скуперфильд отказался внести свою долю денег и удрал с заседания большого бредлама, Крабс решил не раскрывать ему своих планов и сказал:

— Охотно помогу вам, господин Скуперфильд. Если хотите, мы хоть сейчас отправимся к Миге и Жулио. Они живут на даче за городом. Мы мигом домчим на моей машине. Заодно можно будет и пообедать у них.

— Пообедать? Что же, это можно, — обрадовался Скуперфильд. — Хорошо бы и пообедать, а то здесь в ресторанах такие цены дерут с посетителей, чтоб им провалиться на месте, прямо никаких капиталов не хватит. Можно и пообедать.

— Вот и хорошо, — сказал Крабс. — С вашего разрешения я только на минуточку отлучусь, и мы поедем.

Выйдя из номера, господин Крабс позвонил посыльного и велел ему отнести на почту следующую телеграмму Спрутсу:

«С ослами пора кончать. В городе появился брехенвильский скупец Скуперфильд. За последствия не отвечаю. Крабс».

— Вот и все, — сказал он, вернувшись в номер. — Теперь можно и отправляться.

Господин Скуперфильд надел свой цилиндр, и через пять минут они уже мчались по городу в шикарной восьмицилиндровой автомашине, принадлежавшей Крабсу. Настроение у Скуперфильда было отличное. Он от души радовался тому, что бесплатно прокатится на шикарной машине и вдобавок пообедает на дармовщинку, не говоря уже о том, что предстояла возможность обтяпать, как он выражался, выгодное дельце.

Совершив несколько поворотов и промчавшись по улицам, машина выехала из города и понеслась по ровному и прямому, словно стрела, асфальтированному шоссе. По правую и левую сторону дороги тянулись поля, то с цветущим лунным подсолнечником, то с гречихой, распространявшей в воздухе очень приятный, сладковатый медовый запах, то с волнующейся, словно море, колышущейся лунной пшеницей. Машина проносилась мимо деревень с садами и огородами. Скуперфильд оживлен-

по вертел во все стороны головой. Вид природы приводил его в восхищение. Заметив на лугу стадо овец или пасущуюся козу на привязи, он толкал Крабса под локоть и, волнуясь, кричал:

— Смотрите, смотрите, овечки! Честное слово, овечки, чтоб мне провалиться на месте! Какие миленькие! А вон коза! Смотрите, коза! Да что же вы не смотрите?

Крабс, который сидел за рулем, только посмеивался втихомолку. Неожиданно дорога описала большую дугу и за поворотом открылся зеленый луг с огромным прудом, посреди которого плавали белые гуси. Вид спокойной воды с цветущими лилиями и кувшинками, с белоснежными птицами, без всякого усилия державшимися на зеркальной глади пруда, до такой степени подействовал на господина Скуперфильда, что он застыл от восторга и не мог произнести ни слова. Вцепившись в ру-

сьем этих зверей, если посмотрю на них. За что же тут деньги платить?

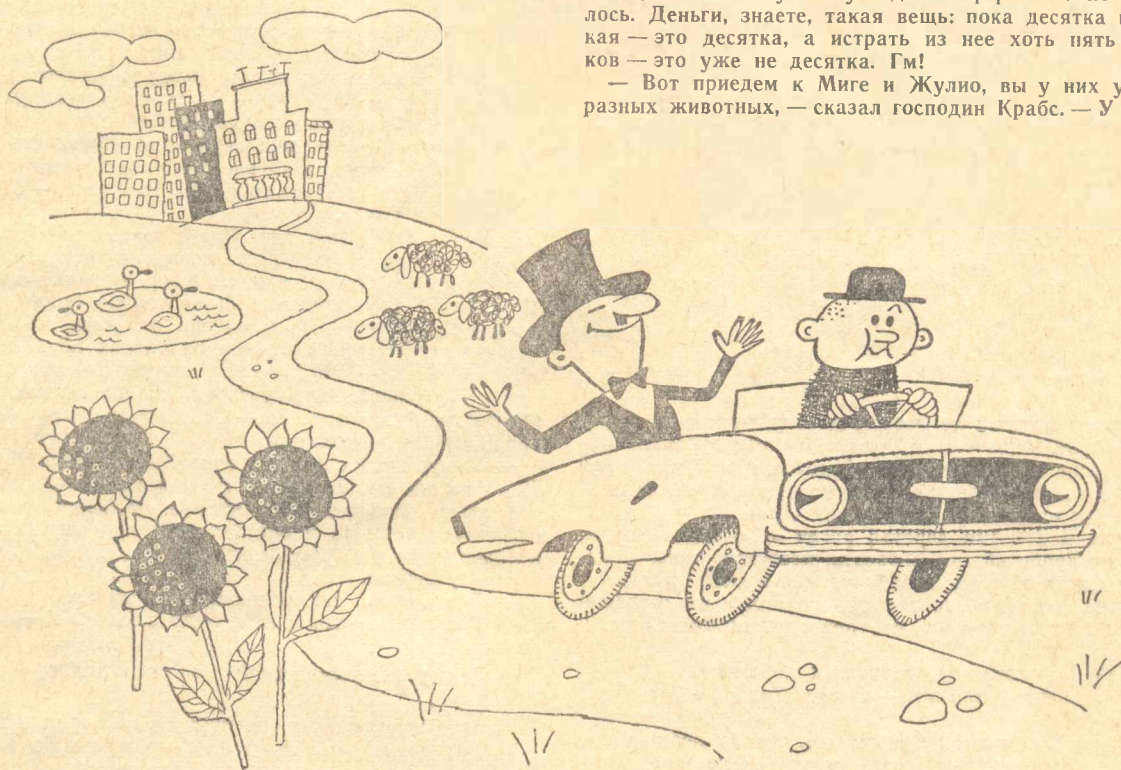
— Но зверей ведь тоже чем-нибудь надо кормить, вот деньги и нужны на корм, — сказал Крабс.

— Вот еще! — проворчал Скуперфильд. — Ну и пусть дураки деньги зверям на корм дают, а мне это не по карману. Думаю, звери как-нибудь и без меня проживут.

— Но вы, я вижу, все-таки очень любите животных, — сказал господин Крабс.

— Люблю, чтоб мне провалиться, это вы верно подметили. Иной раз увидишь какую-нибудь зверушку, так и хочется ее приласкать или погладить, слово какое-нибудь хорошее ей сказать, даже поцеловать, вот не верите? Честное слово! Один раз встретил на улице собачонку. Настолько хорошенький оказался цуцик, что я тут же решил зайти в магазин и купить ему ливерной колбасы, да, к счастью, не оказалось при себе мелких денег, а менять бумажку в десять фертингов не захотелось. Деньги, знаете, такая вещь: пока десятка целенькая — это десятка, а истрать из нее хоть пять сантимов — это уже не десятка. Гм!

— Вот приедем к Миге и Жулио, вы у них увидите разных животных, — сказал господин Крабс. — У них на

кав господина Крабса, он некоторое время молча тряс его руку, после чего закричал прямо в ухо:

— Гуси! Гуси!

— Да что вы, гусей никогда в жизни не видели? — удивился Крабс.

— Не видел, чтоб мне провалиться на месте, честное слово. То есть, вернее сказать, не помню уже, когда видел. Ведь я, честно сказать, никогда не бываю за городом.

— Вы это серьезно? — недоверчиво спросил Крабс.

— Честное слово, господин Крабс. Когда же мне? Я всю жизнь занимался добычей денег, и ни разу даже в зоопарке не был. Да и чего я туда пойду? Ведь за вход надо деньги платить. Этак-то вконец разориться можно!.. Скажите, вот еще что выдумали. Я ведь не

даче пруд, а на пруду этом и гуси, и утки, и селезни, даже лебеди есть.

— Неужели и лебеди?

— Да, а в саду прямо на воле живут кролики, цесарки, фазаны. Кроме того, у них маленький ручной медвежонок есть. Такой симпатичный!

— Да что вы? И не кусается?

— Зачем же? Ласковый, как ягненок.

— И его можно погладить?

— Конечно. Вот приедем, и можете гладить сколько угодно.

Господин Скуперфильд даже заерзал на месте от нетерпения. Ему хотелось поскорее увидеть медвежонка и приласкать его.

Господин Крабс между тем уже давно свернул с шос-

Рисунки Л. Филипповой

се и вывел машину на лесную дорогу, по обеим сторонам которой возвышались лунные кедры, дубы, каштаны, а также заросли лунного бамбука. Все эти деревья были не такие большие, как наши земные, а карликовые, как и остальные растения на Луне.

Выбрав место, где деревья росли не особенно густо, господин Крабс сбавил скорость, повернул руль, и машина поехала по лесу, совсем уж без всякой дороги.

Ошутив тряску и оглядевшись по сторонам, господин Скуперфильд обнаружил, что они едут по лесной целине, и спросил:

— Зачем же это мы свернули с дороги?

— А это мы напрямик, — сказал Крабс. — Так будет быстрее.

Углубившись достаточно в лес, Крабс неожиданно остановил машину, после чего вылез из кабины и, открыв капот, принялся ковыряться в моторе. Выключив незаметно систему зажигания, он залез обратно в машину и принялся нажимать ногой на педаль стартера. Стартер скрежетал, словно бил по железу плетью, но мотор не хотел заводиться.

— Заело? — сочувственно спросил Скуперфильд.

— Заело! — озабоченно подтвердил Крабс.

Он снова вылез из кабины, поковырялся в моторе, опять попробовал завести его. Наконец сказал:

— Должно быть, двигатель перегрелся. Придется нам с вами пешочком. Здесь, впрочем, недалеко.

Скуперфильд нехотя вылез из кабины. Господин Крабс открыл багажник, вынул из него свернутую жгут веревку и незаметно сунул ее в карман, после чего захлопнул дверцы кабины и зашагал прямо в лесную чащу. Господин Скуперфильд плелся за ним, спотыкаясь о кочки и чертыхаясь про себя на каждом шагу. Вскоре господин Крабс увидел, что место, куда они зашли, было достаточно глухое, и, остановившись, сказал:

— Кажется, мы не туда забрели. Что вы на это скажете?

— Что же я могу, голубчик, сказать. Ведь не я вас веду, а вы меня, — резонно заметил Скуперфильд.

— Это верно! — проворчал Крабс. — Ну ничего, сейчас я взберусь на дерево и погляжу сверху, в какую сторону нам идти. Помогите-ка мне вскарабкаться вот хотя бы на этот кедр.

Они вместе подошли к кедру, который был несколько выше других деревьев. Поглядев вверх и обнаружив, что сучья, за которые можно было бы ухватиться руками, находятся на большой высоте, господин Крабс прислонил Скуперфильда спиной к стволу и сказал:

— Стойте здесь, сейчас я заберусь к вам на плечи и тогда смогу дотянуться руками до веток. Подождите только чуточку, я сначала сниму ботинки.

Крабс наклонился, но не стал снимать ботинки, а незаметно вытащил из кармана веревку и в один миг привязал Скуперфильда к стволу поперек живота.

— Эй! Эй! — закричал Скуперфильд. — Зачем это вы делаете?

— Ну, мне ведь надо привязать вас к дереву, а то вы еще упадете, когда я стану взбираться к вам на плечи, — объяснил Крабс.

Сказав так, Крабс принялся бегать вокруг кедра, не выпуская веревки, в результате чего и руки и ноги господина Скуперфильда были плотно прихвачены к дереву, да и он сам оказался обмотанным веревкой, словно булонская колбаса.

— Эй, бросьте шутить! — кричал Скуперфильд, чувствуя, что не в силах пошевелить ни одним членом. — Освободите меня сейчас же или я позову на помощь.

— Зачем же на помощь звать? — возразил Крабс. — Я и сам помогу, если вам что-нибудь надо.

С этими словами Крабс поднял свалившийся со Скуперфильда цилиндр и водрузил обратно ему на голову, а обретенную им трость поставил рядышком, прислонив к стволу дерева.

— Вот видите, как хорошо, — сказал он.

— Развяжите меня или я буду плевать! — завопил Скуперфильд.

— Зачем же плевать? Это невежливо, — ответил Крабс.

Скуперфильд, однако, плюнул, но не попал в Крабса.

— Вот видите, как нехорошо, — хладнокровно сказал Крабс. — Теперь я вынужден буду заткнуть вам рот.

Он вытащил из кармана кусок грязной тряпки, служившей для протирки автомашины, скомкал его и сунул в рот Скуперфильду, а чтоб он не мог выплюнуть этот клеп, завязал ему еще рот носовым платком. Теперь Скуперфильд имел возможность только потихоньку мычать и трясти головой.

— Ну что ж, — сказал Крабс, внимательно оглядев Скуперфильда со всех сторон. — Кажется, все сделано правильно. Дышите тут воздухом, наслаждайтесь природой. Думаю, что к концу дня я успею вернуться и освободить вас. А сейчас пока советую вам не тратить зря силы и не пытаться вырваться. Все равно это ни к чему не приведет.

Помахав Скуперфильду на прощанье ручкой, господин Крабс вернулся к оставленной посреди леса машине, сел в нее и поехал обратно в город.

(Продолжение следует)

СНОВА О ЛИМОНАХ

«Лимоны на окне». Под таким заголовком был опубликован материал в № 3 «Семьи и школы». Он вызвал большой интерес у читателей. Редакция получила множество писем с просьбой более подробно рассказать о выращивании лимона в комнате.

Зимой следует особенно внимательно следить за поливкой. Излишняя влага может вызвать гниение корней и гибель растения. Лимон достаточно поливать один-два раза в неделю, обязательно теплой водой. Поливка холодной водой вызывает заболевания: на коре появляются трещины, из которых вытекает клейкая жидкость — камедь. Трещины, которые обычно бывают в нижней части ствола, рекомендуется промывать трехпроцентным раствором медного купороса, а рану замазывать садовым варом.

Лимоны очень хорошо зимуют при комнатной температуре. При проветривании квартиры следите, чтобы морозный воздух не попадал на растения. Не держите их и около печки или отопительных батарей.

Сеянцы принесут вносные и красивые плоды, если вы их привьете. Для этого нужно взять черенок или почку (глазок) с плодоносящего лимонного дерева.

Наиболее простой способ прививки — зеленым черенком под кору. Срежьте в 5—10 сантиметрах от корневой шейки ствол лимона-дички. Затем сверху вдоль пенки сделайте короткий надрез коры. Приготовленный черенок культурного сорта длиной в 3—5 сантиметров заостренным концом осторожно вставьте под кору и обвяжите шерстяной ниткой или мягким мочалом. Чтобы задержать сильное истечение сока, пенку дички слегка присыпьте сухой землей.

Прививку опрысните теплой водой и тут же, накрыв стеклянной банкой, поставьте в теплое светлое место, но не на солнцепек. При опрыскивании, осторожном проветривании и увлажнении земли черенок через 15—18 дней уже состраст с дичком. Прививку делайте ранней весной, когда кора у лимона при надрезании легко отстает от древесины.

Сеянцы лимона часто прививают окулировкой. Ее проводят так же, как и окулировку яблони или груши. Почки для этого обычно берут со средней части черенка.

У срезаемых черенков, взятых с плодоносящего лимона, удаляют все листья, но листовые черешки оставляют. На стволе сеянца на высоте 5—6 сантиметров от корневой шейки острым окулировочным ножом сделайте продольный разрез коры длиной 1,5—2 сантиметра.

Над ним проведите поперечный разрез длиной до сантиметра. У вас получится Т-образный разрез.

Теперь с черенка срежьте с частью древесины почку или глазок и вставьте его в разрез коры. Глазок осторожно продвигайте вниз, пока он не войдет плотно в надрез. Место окулировки аккуратно обмотайте мягким мочалом, чтобы глазок плотно прижался к подвою. Затем ствол лимона надломите выше места прививки. Делается это для того, чтобы сеянец не отталялся больше на себя все соки растения.

Окулировку проводите быстро, не прикасаясь руками к срезу.

Когда глазок прижился, ствол сеянца чуть выше места прививки осторожно срежьте острым ножом, а место среза сразу же замажьте масляной краской или садовым варом.

Сеянцы лимона долго не зацветают, если их крону не формируют. Это необходимо делать не только у сеянцев, но и у привитых лимонов и у растений, выращиваемых из черенков.

Обрежьте растение на высоте 10—15 сантиметров или отщипните верхушечную почку. Ниже места среза оставьте три-четыре почки. После удаления верхушки из оставшихся почек разовьются побеги. Когда на них появятся четыре-пять листьев с каждой веточки, удалите почку. Это вызовет рост побегов, которые садоводы называют побегами второго порядка. Все следует повторить до получения побегов четвертого порядка. Вот на этих-то веточках и будет плодоносить лимон.

У взрослых растений нужно вырезать сухие ветки или те, которые растут внутрь кроны и заглушают ее.

Для развития корневой системы растение своевременно пересаживайте, молодые лимончики (до трехлетнего возраста) — ежегодно в апреле или мае. Земляную смесь рекомендуем такую: дерново-глинистая земля — 4 части, листовая земля — 4 части, перегной — 2 части и речной песок — 1 часть. Взрослые растения пересаживают в земляную смесь, в которой дерновой земли вдвое больше, чем листовой и перегнойной.

На развитие лимонов, помимо обычных удобрительных подкормок, хорошо действуют и внекорневые подкормки. Листья растения полезно опрыскивать слабым раствором солей бора, марганца (полграмма борной кислоты или сернокислого марганца на один литр воды). Такие подкормки начинают проводить с ранней весны.

Б. АЛЕКСАНДРОВ

Домашняя киностудия

ПОСТРОЕНИЕ КАДРА

Вы приступили к съемке. В видеискателе своего аппарата вы видите снимаемый кадр.

Помню один из первых кадров, снятых мною. Это было в Ялте. Меня всегда поражали красоты юга, бескрайнее море, горы. А в видеискателе я увидел лишь кусочек моря, несколько доминов, три кипариса и блестящую щепочку — пароход. Но, оторвавшись от аппарата, я видел гораздо больше: много деревьев, вершины гор, четыре парохода. Захотелось все это показать, и я стал водить кинокамерой направо и налево, вверх и вниз. В видеискателе мелькали горы и море, деревья и дома. Все это двигалось. Я думал, что сумел снять раскинувшуюся передо мной панораму. Когда я проявил пленку и посмотрел ее, я не узнал своей замечательной панорамы. На экране было сплошное качание вправо и влево, вверх и вниз, как будто все снято с быстро движущихся качелей. Зато

кадр с тремя кипарисами смотрелся хорошо.

Мой совет начинающим: не злоупотребляйте съемками быстротекущих панорам и быстрыми съемками с движением. Снимайте спокойно, без спешки. Старайтесь в кадре увидеть, найти самое главное. Кан и при фотосъемке, непременно учитывайте только то, что фотографично. Помните, что на экране кадр виден столько времени, сколько затрачено на его съемку. Надо, чтобы зритель успел рассмотреть снятое.

В кинокадре все время что-то происходит. Это надо учитывать при композиции кадра. Хорошо заранее предусмотреть, куда поедет машина, куда пойдет человек, что он делает.

О точке съемки надо подумать заблаговременно. Все зависит от того, с какой точки зрения вы хотите показать снимаемый объект: как вы видите его сами или как видит снимаемый вами персонаж. Здесь следует помнить о крупном, среднем и общем плане и еще о том, что каждый последующий снимаемый кадр

должен иметь логическую связь с предыдущим, не нарушать основной строй и замысел всего фильма.

После обработки пленки вы монтируете эпизоды будущего фильма, а из них и сложится сам фильм. Бывает, что только после просмотра видны ошибки, допущенные при съемке.

Не начинайте свою работу со слишком мелких объектов. Снимайте обычные объекты и предметы.

Несколько слов о ракурсе съемки. Как известно, один и тот же объект можно снять с уровня глаз, сверху и снизу. Если снимать человека снизу, ноги его будут неестественно увеличены, а голова уменьшена. При съемке сверху — наоборот.

Линия горизонта не должна быть скошенной. Пусть она по возможности отделяет верхнюю или нижнюю часть кадра. Соблюдайте разумное равновесие внутри кадра при его построении. Нехорошо, например, если лицо, снятое в профиль крупным планом, окажется вплотную к краю кадра. При общем плане желательно выбрать кадр с несколькими планами (передним, средним, задним). Это создаст впечатление большей объемности изображения. Хорошо подчеркивают глубинное построение кадра уходящие вдаль дороги, железнодорожные пути, трамвайные линии, улетающий вдаль самолет.

Р. КОТС,

дипломант Всесоюзного конкурса кинолюбителей

Р а с с к а з

Джеймс ТЕРБЕР

Привидение, появившееся в ту ночь в нашем доме, наделало такую панику и неразбериху, что я до сих пор чувствую себя виноватым, что не ушел тогда спать и не дал ему возможности бродить сколько хочет... Его появление заставило мою мать запустить туфлей в окно соседнего дома, а закончилось все это тем, что мой дед открыл стрельбу по дежурному полицейскому. Поэтому я очень жалею, что тогда обратил внимание на шаги...

Звуки шагов раздались около половины второго ночи. Ритмичные быстрые шаги вокруг обеденного стола. Моя мама спала в своей комнате наверху, брат Герман — в соседней, а дед — в мансарде, на старой ореховой кровати, которая однажды упала на моего отца. Я только что вышел из ванной, на ходу обтираясь полотенцем, как вдруг услышал эти шаги. Кто-то быстро ходил вокруг обеденного стола в подвальном этаже, где у нас столовая. Свет из ванной падал на лестницу, ведущую прямо вниз. Я мог видеть, как отсвечивали тарелки на полке, но стол был вне поля моего зрения. А там кто-то все ходил и ходил вокруг стола размеренным шагом, и половина через равные промежутки времени поскрипывала под чьими-то ногами.

Сперва я подумал, что это отец или мой брат Рой, возвращающиеся из Индианополиса, мы ждали с часу на час. Потом я подумал, что это — вор... И только позднее я догадался, наконец, что это — привидение!

Минуты три я прислушивался к шагам, а потом на цыпочках направился в комнату Германа.

— Пс-с-ст! — прошепел я, растормошив его.

— А-а-а-а! — заснул он тонким, жалобным голосом, словно испуганный щенком. Он всегда боялся, как бы его в темноте кто-то не схватил.

Я сказал ему, что это я.

— Что-то странное происходит там, внизу, — прошептал я.

Герман встал и покорно двинулся за мной к лестнице. Мы прислушались. Ничего не было слышно. Шаги прекратились. Герман с удивлением смотрел на меня: на мне было только полотенце, обвитое вокруг пояса. Он уже хотел вернуться в комнату, но я схватил его за руку и сказал:

— Внизу кто-то есть!

В этот момент шаги послышались вновь. Было похоже, что кто-то кружит вокруг стола... Потом шаги направились к нам. Мне показалось, что

кто-то поднимается по лестнице, однако, хотя свет из ванной и падал на ступени, никого не было видно...

Герман шмыгнул в свою комнату и с треском захлопнул дверь. Я тоже захлопнул дверь, ведущую на лестницу, и уперся в нее коленом. Подождя еще какое-то время, я приоткрыл дверь, заглянул в щелку, но ничего не увидел. Не было слышно и никакого шума. Привидение словно исчезло...

Стук дверей разбудил нашу маму. Она высунулась из своей комнаты.

— Ради бога, что вы тут делаете? — спросила она.

— Ничего, — ответил Герман из-за двери хриплым, недовольным голосом.

— Что это за шум был там, в столовой? — спросила мама.

Так! Значит, и она слышала шаги!.. Мы переглянулись.

— Воры! — закричала мама.

Я попробовал ее успокоить тем, что сделал два шага вниз по лестнице.

— Идем, Герман! — крикнул я.

— Нет, я останусь с мамой: она страшно волнуется! — ответил он и юркнул в мамину спальню. Я прошел вслед за ними.

— Не смейте спускаться вниз! — приказала мама. — Сейчас мы вызовем полицию!..

Поскольку телефон был внизу, в столовой, я не понимал, каким образом нам удастся позвонить в полицию, да и не очень хотел этого. Но мама, как всегда, приняла одно из своих быстрых и категорических решений. Она открыла окно, которое лишь узкий переулок отделял от окна в соседнем доме, взяла туфлю и запустила ее прямо туда. Стекла со звоном посыпались внутрь комнаты, где спали наши соседи — пенсионер Бодуэлл и его жена. В голове у Бодуэлла вот уже несколько лет не все было в порядке, на него временами что-то находило. Надо сказать, что на всех, с кем мы были знакомы, всегда что-то находило...

Часы показывали два. Луны не было, на небе низко висели черные облака.

Бодуэлл, как только мамина туфля влетела в его комнату, тут же показавшись в окне.

— Завтра же продам дом и уеду отсюда! — заорал он с пеной у рта.

Потребовалось много времени, прежде чем мама сумела перекричать его и объяснить все.

— Воры! — кричала она. — Воры в доме!..

Герман и я не решались сказать ей,

что это не воры, а привидение, потому что она больше боялась привидений, чем воров.

Сосед сначала подумал, будто мама говорит, что воры у него в доме, но узнав, что они у нас, успокоился и позвонил по телефону в полицию.

Когда Бодуэлл отошел от окна, мама обернулась, ища другую туфлю, чтобы отправить ее вслед за первой, — не потому, что в этом была необходимость, а, как она говорила позже, потому, что ей очень понравился сам этот процесс... Я остановил ее.

Полиция прибыла на место происшествия очень быстро. Сначала к дому подлетел «форд», полный полицейских, в сопровождении двух мотоциклистов, за ним крытая патрульная машина с восемью полицейскими и несколькими репортерами. Они стали стучать во входные двери. Засверкали блики фотоаппаратов, лучи электрических фонариков обшаривали стены, двор, проход между нашим домом и домом Бодуэлла.

— Открой! Здесь полиция! — вопил кто-то из них.

Я хотел спуститься и открыть им дверь, но мама не желала и слышать об этом.

— На тебе только эта тряпочка, — закричала она, — ты абсолютно голый! Получишь такую простуду, что сразу умрешь!..

Я остановился и потуже окутался полотенцем. Тем временем полицейские навалились и сорвали с петель тяжелые входные двери. Я услышал треск дерева и звон толстых стекол, посыпавшихся на пол передней. Теперь лучи фонарей плясали по стенам гостиной, столовой, передней... Наконец они осветили лестницу, и полицейские увидели наверху меня, едва прикрытого полотенцем.

Большой толстый полицейский взбежал по ступеням.

— Ты кто такой? — обратился он ко мне.

— Я здесь живу...

— Тебе что, жарко?

На самом деле было очень холодно. Я зашел в комнату и натянул на себя какие-то штаны. Когда я вновь вышел, другой полицейский ткнул мне пистолет прямо в ребра.

— Ты что тут делаешь?! — крикнул он.

— Я здесь живу, — сказал я и ему. Дежурный офицер обратился к маме:

— Никого нет, и нет никаких сле-

дов!.. Должно быть, он убежал... Как он выглядел?

— Странно, — удивился офицер. — Все двери были на запоре, все окна закрыты изнутри...

Пока он говорил, другие полицейские обшаривали весь дом. Они шныряли повсюду, все двери и окна были раскрыты настежь, шкафы открыты, ящики выдвинуты, на пол с шумом летели разные вещи... Один из полицейских нашел цитру, которой брата Роя наградили на каком-то состязании.

— Посмотри на эту штуку, Джо! — с опаской сказал один из них другому.

Рисунки Н. Эстиса

— Что это такое? — спросил тот меня.

— Это старинный музыкальный инструмент, на котором спала наша морская свинка, — ответил я.

Мне не надо было этого говорить, потому что оба полицейских посмотрели на меня таким взглядом, каким смотрят на идиотов... Потом они положили цитру обратно на полку.

— Мы не обнаружили ничего подозрительного, — вновь сказал офицер маме.

— Этот парень, — сказал он, показывая полицейским на меня, — был почти гол. А у миссис, видимо, очень богатая фантазия...

Все остальные кивнули головами, но ничего не сказали и продолжали смотреть на меня. В наступившей тишине раздался какой-то скрип на мансарде. Это дед перевернулся на кровати.

— Что это? — насторожился полицейский, которого звали Джо.

Пять или шесть полицейских мгновенно кинулись к дверям мансарды, прежде чем я успел их удержать и объяснить им, к чему это приведет. Я знал, что будет плохо, если кто-нибудь из них войдет в комнату дедушки без спросу. В те годы деду часто снилось, будто солдаты генерала Мида, не выдержав сильного натиска войск Джонсона, отступили, а многие из них даже дезертировали...

Когда я взбежал по лестнице на мансарду, было уже поздно. Дело приняло серьезный оборот. Дедушка, видимо, уже решил, что полицейские — это дезертиры из армии Мида, пытающиеся скрыться у него в комнате. Он вскопчил с постели, одетый в длинную фланелевую рубашку, с ночным колпаком на голове. Полицейские поняли, что сердитый, белый как лунь старец — член нашей семьи, однако не успели произнести ни слова.

Дед громовым голосом завопил:

— Назад! Назад, вы, трусливые собаки!.. Марш на передовую! На линию огня, сноты!..

С этими словами он размахнулся и влепил такую оплеуху полицейскому, который нашел цитру, что тот покатился вниз по лестнице. Остальные, толкая друг друга, ринулись вниз, но бежали недостаточно быстро. Дед схватил свой старый револьвер из кобуры и выпалил. Все заволокло пороховым дымом. Один дюжий полицейский неспростойно выругался и схватился за плечо...

Кое-как мы захолопнули дверь в комнату деду и столпились внизу. Дед выпалил еще раз или два в темноту и возвратился на свое ложе...

— Это мой дедушка, — объяснил я Джо, едва переводя дух. — Он подумал, что вы дезертиры...

— Я так и понял, — мрачно ответил Джо.

Полицейские все же не спешили покинуть наш дом: видимо, им не хотелось признавать свое поражение. Они снова стали новыраться в вещи.

Ко мне подошел один из репортеров — худенький человечек с длинным лицом. Я к этому времени надел на себя одну из маминих кофточек. Репортер бросил на меня взгляд, в котором подозрение было смешано с удивлением.

— Может быть, ты, оболтус, объяснишь мне, черт возьми, что здесь происходит?! — спросил он.

Я решил говорить с ним совершенно откровенно.

— У нас появилось привидение, — сказал я.

Репортер уставился на меня так, будто я был автомат, в который он без всякого результата уже опустил монетку. Потом он повернулся и пошел прочь. Полицейские двинулись за ним. Тот, которому дед прострелил руку, чертыхался на чем свет стоит.

— Что случилось с этим полицейским? — удивилась мама.

Я объяснил ей, что дед принял его за дезертира.

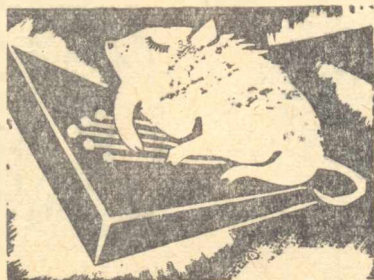
— Какая ерунда, — воскликнула мама. — Он очень красивый и симпатичный юноша!..

Дедушка на следующее утро за завтраком был весел и свеж, как белый аист. Сперва мы даже думали, что он позабыл все, что случилось ночью. Но он после третьей чашки крепкого кофе посмотрел, прищурившись, на Германа и на меня.

— И чего этим чудакам пришла в голову идея ночью мотаться по нашему дому и поднимать такой страшный шум? — спросил дед лунаво.

Если бы я не был уверен, что этой ночью в доме было привидение, можно было бы подумать, что дед, пока я был в ванной, спустился вниз и маршировал там, а когда мама запустила туфлей в окно к соседу, он вернулся в мансарду и спокойно улегся на свою скрипучую ореховую кровать.

Перевод с английского Г. КОФМАНА

ИГРА УЧИТ

для ПЕРВОКЛАССНИКОВ

В декабре школьники проходят сложение и вычитание в пределах 20 без перехода через 10, увеличение числа на несколько единиц (задача, стр. 62—72).

12. Кто больше? Эта игра проводится по правилам, опубликованным в № 8 «Семьи и школы» за 1965 год. На одной стороне карточки напишите пример, на другой — ответ.

Примеры и ответы для игры:

14 + 5	19	4 + 11	15	12 + 5	1	18
18 + 2	20	15 - 4	11	18 - 3	4	11
16 + 4	20	19 - 5	14	17 - 2	5	10
13 + 3	16	17 - 6	11	14 - 6	6	14
10 + 9	19	20 - 3	17	9 - 3	12	18
5 + 15	20	20 - 8	12	10 - 7	17	20
2 + 17	19	20 - 1	19	19 - 7	6	18

13. Быстро на место! Играющие разбиваются парами. Каждый должен иметь 20 карточек, на которых написано от 1 до 20. Карточки кладутся в беспорядке лицевой стороной к столу.

По команде каждый должен аккуратно разложить перед собой карточки от 1 к 20, а затем от 20 к 1. Соревнование проводится несколько раз. Побеждает тот, кто быстрее и без ошибок выполнит задание.

для ВТОРОКЛАССНИКОВ

Учащиеся в декабре проходят таблицу умножения и деления на 3, нахождение части числа, знакомятся с дециметром и упражняются в измерениях (задача, стр. 49—63).

14. Ответы не открывая рта. Эта игра закрепляет навыки умножения и деления на 3 и нахождение части числа. Играют молча. Ведущий указывает числа и знаки, а остальные должны написать ответ (см. рисунок).

15. Какой знак? Если дать ребятам примеры $8 \cdot 2 = 4$, $8 \cdot 2 = 10$, $8 \cdot 2 = 16$ и спросить, какое нужно произвести действие, чтобы получились данные ответы, они задумаются. Однако такие примеры им под силу, если немного потренироваться.

Пусть дети напишут на 32 карточках примеры:

2	2	0	6	3	2	9	3	3	10	2	5
2	2	1	6	3	3	9	3	6	10	2	8
2	2	4	6	3	9	9	3	12	10	2	12
2	2	4	6	3	18	9	3	27	10	2	20
20	4	5	20	5	4	30	3	10	40	2	20
20	4	16	20	5	15	30	3	27	40	2	38
20	4	24	20	5	25	30	3	33	40	2	42
20	4	80	20	5	100	30	3	90	40	2	80

Карточки перемешиваются и кладутся примерами вниз. Затем играющие, беря по одной карточке, раскладывают их на 4 группы в зависимости от арифметического действия: сложения, вычитания, умножения и деления. Ставить знаки на карточках нельзя. Примеры, вызывающие затруднения, целесообразно положить обратно в общую группу.

После завершения игры старший проверяет правильность подбора примеров и присуждает первое место тому, у кого больше карточек и нет ошибок.

Описание игр, помогающих учащимся первых и вторых классов лучше усвоить программу по арифметике на второе полугодие, было дано в журнале «Семья и школа» № 12 за 1964 год и № 1—4 за текущий год.

Е. ГЕЛЬФАН

См. № 8—10 за этот год.

...Теперь у Криса были свои волчишки.

Крис ежедневно прогуливал волчат на поводке; их миниатюрные сбруи были предметом его гордости. Канни странно, волчата были нашими первыми ручными животными. С самого начала нашей женитьбы мы вели «дикий» образ жизни и не имели возможности ни взять животное с собой в странствия по горам, ни поручить соседу кормить его в наше отсутствие. У нас просто не было соседей, ибо мы жили в таких местах, где на многие мили окрест нет людей. К тому же любое ручное животное может либо убивать диких животных, либо быть убитым ими. Но Крис, я это знала, до сих пор тосковал по Тиму — нугаровой собачке, которая у него когда-то была.

И вот однажды Крис, глядя на волчат, которые, как обычно, держались дино и отчужденно, вдруг сказал:

— А что если отпустить их? Пусть сами провожают нас до дому.

— Нет, нет! Они убегут от нас и мы их больше не увидим!

Крис нагнулся и снял с волчат их нарядные сбруи. Это был риск с расчетом. То был наш первый смелый дружеский жест по отношению к волчатам, за которым последовал целый ряд других.

Как я и опасалась, волчата пустились наутек. Но затем произошло чудо — и мы обогатились первой бесценной крупницей достоверных сведений о волчьем характере. Леди стремительно повернулась на месте и побежала обратно к Крису, демонстрируя нам так называемую волчью «улыбку», несомненно одну из самых милых и подкупающих улыбок на свете. До этого мы и не подозревали, что существует такая.

Леди улыбалась всем своим существом. Казалось, улыбается даже ее выгнутая горбом спина. Плотно прижав уши, она радостно разбрасывала во все стороны, даже вперед и назад, свои крупные передние лапы, словно они были у нее на шарнирах. Подбежав к Крису, она исполнила наиболее очаровательную часть улыбки — наклонила голову набок и высоко задрала переднюю лапу, словно умоляя о дружбе и глядя на Крису снизу вверх с выражением такой неподдельной радости, какую мы еще ни разу не видели на ее острой черной мордочке. Ее глаза тоже сияли от счастья.

Здесь мы впервые увидели, какими красивыми могут быть волчьи глаза. Доктор Рудольф Шеннель считает

Рысь или медведя в одних местах уничтожают, в других — охраняют; у нас на Дальнем Востоке запрещена охота на тигра, в ряде районов Восточной Африки — на леопарда. Волка же не охраняют нигде. Напротив, во многих странах за его истребление платят премии, волков стреляют из ружей, травят ядами, ловят в капканы; в безлесных местах для борьбы с волками используют самолеты. Столь решительное преследование этого зверя объясняется тем, что волки в большом количестве уничтожают полезных для человека диких животных, домашних скот; к тому же эти хищники — распространители такой страшной болезни, как бешенство.

Из всего сказанного не надо, однако, делать выводы о том, что волк — это некое олицетворение зла, символ злобы и кровожадности. За другими животными волки охотятся потому, что им нужно есть; разносчиками бешенства они являются тоже не по своей воле. Нельзя считать этих хищников главными виновниками сокращения с веками дичи.

Все мы хорошо усвоили, что волка как вредного хищника надо уничтожать, но большинство из нас слабо представляют себе этого зверя. Между тем «серый разбойник» — животное интересное, заслуживающее внимания. Об этом, в частности, убедительно говорит книга Лоис Крайслер «Дикая Арктика».

Криса Крайслера и его жену Лоис на самолете забросили в далекий, глухой уголок Аляски и оставили там одних — с палаткой и запасом продовольствия. Полтора года проработали американцы в тундре, снимая кинофильмы о диких животных. Лоис вела дневник, на основе которого и написала свою интереснейшую книгу о природе тундры и ее обитателях. Увлекательные страницы посвящены гризли и россомахам, куропаткам и песцам, но прежде всего и больше всего — оленям и волкам. К последним Крайслер испытывает особую симпатию.

Дело в том, что к американцам попали два волчонка, которых они вырастили и которые стали совсем ручными. Назвали волчат Курок и Леди. Супруги Крайслер привязались к своим питомцам, и те платили им столь же страстной привязанностью. В книге показаны — необычайно ярко, интересно — повадки Курка и Леди, познание ими окружающего мира, отношение друг к другу и к другим волкам, взаимоотношения с прочими животными и человеком. Профессор зоологии Калифорнийского университета А. Старкер Леопольд в предисловии к произведению Л. Крайслер писал, что эта книга «является наиболее полным и скрупулезным описанием волчьих повадок и поведения во всей литературе о волках».

В этом номере журнала публикуется небольшой отрывок из книги «Дикая Арктика», которая в 1966 году выйдет в издательстве «Мысль» в переводе Виктора Хинкиса.

Улыбка волка

Лоис КРАЙСЛЕР

волчью морду одной из наиболее выразительных звериных морд. Эту выразительность ей придает главным образом быстро меняющиеся выражение глаза. Их нельзя оценить по достоинству, если не рассматриваешь волка вблизи; с небольшого расстояния замечаешь, что у них удлинённый косой разрез благодаря черной меховой оторочке глазниц. Если же смотреть с расстояния в несколько футов — они посажены как будто горизонтально, большие и прозрачные, как вода. Серые, золотистые или зеленоватые — у каждого индивидуума они своего цвета, который зависит

также от настроения. Изменчивые черные зрачки, легко расширяющиеся от различных эмоций, могут гореть или сверкать свирепым огнем алчности и гнева.

Остальные части волчьей морды также изменяются, отражая различные чувства. Вени могут быть зажмурены или разглажены, уши чуть насторожены или миролюбиво поджаты. К тому же чрезвычайно сложная мускулатура самого рыла подвижна и слабо развита, и из-за этого, по свидетельству художника-анималиста Уильяма Берри, волчью морду очень трудно рисовать.

Улыбка затем совершенно естественно переходит в «полное волчье приветствие». Склонив голову набок и нагнув шею, волк может лечь на землю, сперва шей, а потом, изогнув свое гибкое, как у угря, туловище, и спиной — истинно танцевальное движение, из которого не способна ни одна собака. Волк может выполнить его, не перевертываясь окончательно, благодаря исключительно широкой опорной базе, которую обеспечивают задние лапы. Причем он делает все это одним плавным движением, сопровождаемым ласковым поблескиванием глаз.

Отныне волчья улыбка прочно вошла в нашу жизнь, постоянно согревая наши сердца и заставляя улыбаться в ответ. Вскоре мы обнаружили, что самым ободряющим знаком, какой мы могли подать в тундре волчатам, недоверчиво наблюдающим за нашим приближением, было самим

Рисунки Л. КАТАЕВА

воспроизвести волчью улыбку. И вот мы приседали на корточки, раскрывая локти, и откидывали в сторону руку. Понижение вашего роста волк истолковывает как признак миролюбивых намерений. Не знаю, доходила ли до волчат наша идея изобразить улыбку. Во всяком случае, приседание и откидывание руки было для них нашим постоянным знаком отличия. Они улыбались в ответ, откидывали в сторону лапу и бежали к нам.

Не отдавая себе отчета в том, что это важно, мы во многих случаях начинали с подражания, чтобы сохранить подчинение волков нашей воле.

Наивно было бы полагать, что после того, как Крис даровал волчатам свободу и ответил на их улыбку, они с легкостью последовали за нами домой. Как бы не так! Более того, они время от времени оглядывались назад, чтобы убедиться, следуем ли мы за ними! Наверное, они видели в нас часть своей стаи, но в тот момент мы и отдаленно не догадывались об этом. Общительные волчишки хотели, чтобы мы составляли им компанию, но при этом всячески изворачивались, не давая себя схватить.

В конце концов они были водворены в загон, накормлены, и надо было видеть, каким довольством и благодушием сияли их маленькие мордочки!

Мы обладали бравым, спасительным «начальным невежеством», которому впоследствии только диву давались. Мы и представить себе не могли, какие тревожения нас ждут впереди, когда мы попытаемся жить на более или менее свободных началах с неориентированными на человека животными.

Нами руководило поверхностное желание фотографировать волчат. Разумеется, для нас это было возможно лишь на основе дружеских отношений. Более того, мы хотели снимать их в естественном окружении в силу некоего господствовавшего над нашим сознанием и даже образом жизни взгляда, а именно: убежденности в том, что последние чудесные уголки дикой природы, ныне стираемые с лица Земли, представляют собой неисчислимую ценность; но в наши дни они находятся на грани гибели и полного исчезновения. Дикая природа без животных мертва, это всего лишь мертвый пейзаж. А животные без дикой природы — закрытая книга.

Волчата открывали нам тундру, как никто другой. Первым делом они обратили наше внимание на безымянные комочки костей и перьев — останки птиц, погибших здесь нынешней весной. Это были больные, старые, обессиленные либо захваченные поздней бурей птицы; они проделали долгий путь к тундре, где впервые увидели свет и услышали песни своих собратьев, и здесь умерли.

Леди поймала мышь. Это была ее первая добыча, и она принесла ее Крису, который похвалил ее. Она танцевала вокруг него, сияя от гордости.

Затем волчата продемонстрировали

нам искони свойственную представителям дикой природы любознательность, которая так поражала нас в сказках братьев Гримм.

Дело было так. Мы шли с волчатами по новому маршруту, и я обернулась взглянуть, почему отстала Леди. Возле темно-розовых маргариток стоял черный волчонок и знакомился с ними! Леди водила по ним носом, поднимая лапу и трогая их. Впоследствии нам не раз доводилось наблюдать, как другие молодые волчата точно так же знакомятся с впервые открытыми ими цветами.

Волчье любопытство не направлено на извлечение выгоды и идет дальше страха и интересов желудка. Впервые раздавив гриб-дождевик, Леди отпрыгнула назад, чихнула и снова хлопнула его лапой. В другой раз, заинтересовавшись, что я делаю, она подбежала ко мне — сидя на земле, я рвала и ела первые, еще кислые ягоды черники. Я раздавила несколько ягод, она слизнула их языком и стала внимательно наблюдать за мной. Я сорвала еще несколько ягод и дала ей, после чего она сама сорвала и съела несколько ягод. Волчат, оказывается, тоже надо учить.

Все эти эпизоды имели отношение к пище. Подлинно бескорыстную зачарованность неведомым она проявила однажды утром, впервые увидев лед. Она стояла и изучала лед в своей поилке, трогая его лапой. Даже после того, как я налила поверх льда воду, она сунула лапу в воду и погладила эту новую для нее гладкую поверхность.

Затем мы открыли в натуре наших волчат такую-то темную, совершенно непонятную нам черту. Желая порадовать их, Крис однажды привел волчат к найденному им труп оленя. Однако волчата не обрадовались, а как будто смущились и взволновались. Затем крошка Леди взвалила на себя невероятный труд (надо полагать, такой была бы и реакция ее родителей) — стала прятать мясо.

Она отрывала кусок, уносила и, держа его в челюстях, деловито выкапывала ямку. Она клала мясо в ямку и засыпала его взрыхленной землей, сокрывая лапами, а своим нежным носом. Затем она спешила обратно к туше. Не желая рисковать всем своим достоянием, она прятала куски по разным местам.

Ну а что делал тем временем Курок?

Курок ел!

Чем это объяснить — различием между самцом и самкой или несходством характеров? Много спустя нам довелось наблюдать, как Леди два часа работала под палящим солнцем, словно вол, пряча по частям добычу, а маэстро Курок прохлаждался поблизости в тени ив. Но мы видели за работой и его, и он трудился даже еще прилежнее Леди, делая большущие концы с тяжелыми кусками мяса, прежде чем спрятать их; единственным стимулом к этому у него был дух соперничества, опасение, что его мясо могут присвоить чужаки. Леди же действовала как будто из более общих побуждений. Мясо положено прятать, вот и все.

Волчата были весьма непохожи друг на друга. Леди отличалась диким, крайне независимым нравом, была бесстрашна, игрива и всегда предводительствовала, всегда знала, куда идти, что делать. Курок поражал меня сочетанием барственности и робости, хотя, возможно, это вполне естественное сочетание. Он был сложной натурой, Леди — простой. Она, казалось, всегда куда-то стремилась, словно стремилась навстречу судьбе. А раз в пути — пустяки были для нее безразличны.

Другое дело — Курок. Он любил роскошь. В жаркие дни, само собой, он занимал единственный прохладный уголок в загоне — похожую на логово пещеру. Леди же с полным безразличием спала, где придется, прямо на солнцепеке. Когда Крис и для нее выкопал тенистую пещеру, она два дня с недоверием обходила ее: «диное» место!

Курок был очень привязан к Леди. В нашем загоне не было ворот. Мы отгнали в одном месте верхнее полотнище металлической сетки и переступали через нижнее. И вот однажды вечером Курок чуть не сошел с ума. Мы посадили Леди в загон, а он этого не видел, тем более что часть пути Крис нес ее на руках. Курок решил, что Леди пропала, и побежал в тундру искать ее, а когда вернулся в загон, она была тут как тут. Кланяясь и улыбаясь, она приглашала его к игре, бегая вдоль изгороди с другой стороны. А он был до того расстроен, что никак не давался в руни и не шел домой.

Но, очутившись наконец в загоне, бедный волчишка думать забыл о всяких неудобствах и хотел лишь одного: быть ближе к Леди. Даже на следующий день, оставив свою тенистую пещеру, он лежал рядом с ней на солнцепеке, положив свою большую лапу на ее пушистый мех.

Много спустя Крис сказал мне:

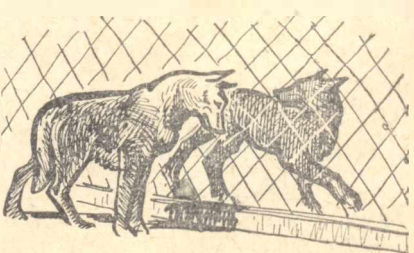
— Я допускаю, что когда-нибудь Курок может стать опасным, но свирепым — никогда.

У волчат было сильно развито чувство собственности, но они не ссорились из-за еды: кому первому достался кусок мяса, тот и съед его. Если, случалось, оба хватили мясо одновременно, начиналась игра «кто кого перетянет». До драки дело не доходило: каждый цепко держал лакомый кусок и ни за что не хотел уступить его другому. Они шлепались на землю, рычали, тянули мясо к себе, упирались — и все ритмично, словно под барабанный бой.

Однажды Крис решил инсценировать и заснять эту борьбу. Подготовив камеру, он бросил волчатам большой кусок мяса. Оно досталось Леди. Курок лишь взглянул на нее, затем сел и выжидающе уставился на Крису, то и дело поспешно оглядываясь через плечо — не пролетит мимо. Крис рассмеялся и, не выдержав, бросил кусок и ему.

Когда мяса становилось мало, волчата и не подозревали, что мы были бы просто убиты горем, если б они стали просить у нас есть. Но они никогда не канючили у нас куски. Если они и голосили, так только тогда, когда мы уходили и оставляли их одних.

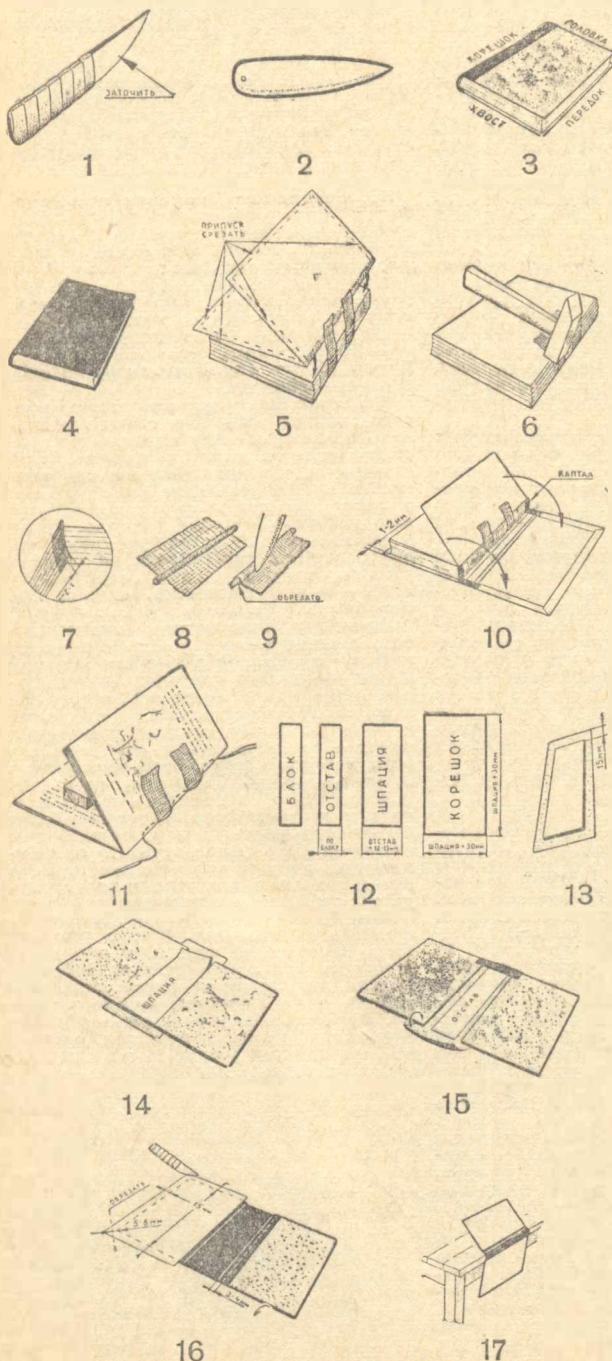
Они были игривы и все делали наперекор, как щенки. Как-то дождливым вечером я стояла у юнкосной печки и терпеливо просушивала их подстилки. Затем я растелила подстилки в их спальном ящике в загоне. Волчишки заскочили в ящик, выволокли из него подстилки и, расправив их лапами, улеглись на них прямо под дождем!

КАК ЛЕЧИТЬ КНИГУ

Любимые книги быстрее стареют. Да это и понятно: ведь их перечитывают по нескольку раз.

Как же лечить книгу дома, не прибегая к услугам переплетных мастерских? Прежде чем приступить к работе, приготовьте ножницы, столярный клей, катушечные нитки сорокового или шестидесятого номера, иглу, шило, папиросную бумагу, марлю или канву, картофельный или маисовый крахмал, бумагу газетной толщины, картон, коленкор или ледерин (в магазинах продается № 5 и 7), фанеру (8—10 мм), нож, сделанный из полотна пилы и заточенный с одной стороны (рисунок 1), и косточку (рисунок 2).

Каждая книга делается по определенному стандарту. Мы остановимся на некоторых из них, наиболее часто встречающихся в домашних библиотечках. Стандарт 5 (рисунок 3): обложка (папка) покрыта бумагой, а корешок — коленкором или ледерином.

Стандарт 7 (рисунок 4): папка целиком покрыта коленкором или ледерином.

Книги-брошюры имеют бумажный переплет и сшиты из одной или нескольких тетрадей металлическими скобками сверху и внизу.

Книги, относящиеся к 5 и 7-му стандартам, состоят из блока (собственно книги) и папки (обложки). В блок входят тетради (1, 2, 3 и т. д.), сшитые нитками. Начало каждой тетради обозначено номером, названием издания и фамилией автора. К первой тетради приклеен фальцованный форзац — лист плотной бумаги в долевом направлении волокон.

Если слегка помять края бумаги, то та, где волокна долевые, останется прямой, а где продольные — будет слегка топорщиться. Вдоль волокон бумага будет рваться легко и ровно.

От длительного пользования блок может оторваться от папки. Если он хорошо шит, то нужно к первой и последней тетрадам приклеить форзац. Фальцеум (перегибаем пополам) лист бумаги размером с развернутую книгу, смазываем края на 5 мм клеем и фальцованной стороной приклеиваем. Так как трудно точно выдержать размер, то лучше при фальцовке сделать припуск на 10 мм, а после приклеивания аккуратно срезать ножом или ножницами (рисунок 5).

Прежде чем вставить блок в папку, постукайте его головкой и передком о стол. От этого он выровняется. Затем промажьте корешок клеем. Когда клей просохнет, легкими ударами молоточка закруглите корешок (рисунок 6) и приклейте каптал (рисунок 7). Каптал делают так. Возьмите кусок материи (цвета обложки) шириной 30 мм, смажьте клеем, на середину положите бечевку диаметром 1,5—2 мм (рисунок 8), согните пополам и проведите несколько раз косточкой (рисунок 9). На крахмаленной марлей или коленкором оклейте корешок. Затем приклейте полоску бумаги вровень с краями.

Теперь блок и правую сторону форзаца смажьте крахмалом или жидко сваренным столярным клеем и положите блок на правую сторону папки. Следите, чтобы с головы и хвоста были одинаковые зазоры — по 3 мм. Спереди допускается увеличение зазора еще на один-два миллиметра. Затем переверните блок левой стороной вверх и проделайте те же самые операции (рисунок 10). В завершение выровняйте концы.

Готовую работу положите под фанеру с грузом в 5—8 кг. Под прессом книга должна находиться часов пять.

Ремонт блока. Разберите его по номерам тетрадей. Если лист или вся тетрадь разорваны пополам, склейте их полоской бумаги шириной 15—20 мм и сфальцуйте. Бумагу нарежьте в долевом направлении. Второй лист, если он не очень оторван, приклейте к среднему листу крахмалом, промазывая поле в 4—5 мм. Обветшалые края обрежьте и укрепите полосками бумаги.

Страницы с порванным набором подложите папиросной бумагой. Каждую тетрадь оклейте газетной бумагой и положите под пресс. Готовые тетради подрежьте по картонному шаблону и сшейте блок.

Блок шьют с левой (нижней) стороны книги головной и себе (рисунок 11). Разверните нижнюю (последнюю) тетрадь и поставьте грузик в 150—300 г, чтобы она не двигалась. Когда приобретете навык, груз можно не ставить. Мысленно разделите корешок на семь частей и положите в третью часть, отступая от краев, две узкие полоски марли. Длина полоски равна ширине корешка плюс 20—25 мм на каждую сторону.

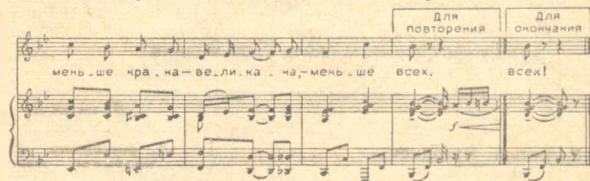
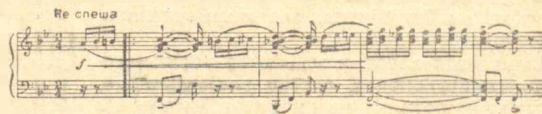
Возьмите иглу с двойной ниткой, сделайте прокол в хвостовой части, отступая от края на 20—25 мм, и протяните нитку вовнутрь, оставляя хвост в 50—60 мм. Затем через 20—25 мм у края марли (не захватывая ее) протяните нитку и у другого конца марли снова сделайте стежок. Изнутри иголка выходит у поля второго нуска марли. Повторяем операцию; на расстоянии 20—25 мм от края головной иголка должна выйти наружу. Теперь положите вторую тетрадь и шейте в обратном порядке. Дойдя до конца, свяжите оставленный хвост с ниткой. Затем положите следующую тетрадь. Провшив ее, как и предыдущую, захлестните петлей между собой вторую, третью тетради и т. д. Завершив работу, сделайте 2—3 закрепляющих петли. Готовый блок столкните на передок и головной постучите об стол.

Корешок отремонтируйте так, как было описано выше.

Ремонт папки (обложки). Измерьте длину и ширину блока, к длине прибавьте 6 мм, возьмите точно по блоку и вырежьте картонки. Затем установите размер шпации (расстояние) между картонками. Для этого возьмите блок, измерьте корешок от первой тетради до последней и вырежьте полоску бумаги (отстав). К полученному размеру прибавьте 12—13 мм (это и будет шпация) и подготовьте полоску коленкора для корешка шириной шпация плюс 30 мм, длиной по картону плюс 30 мм. Шпацик-трафарет сделайте из картона.

Музыка Ильи ГОРИНА

Слова Михаила ВЛАДИМОВА

Выше всех

Папа с мамой год назад
Привели меня в детсад.
Мне не все легко и просто,
Невелик пока я ростом:

Выше крыши,
Выше крана —
Великана —
Выше всех!

Меньше Миши,
Меньше Бори,
Меньше дома
И забора,
Меньше крана —
Великана —
Меньше всех.

Будет мне побольше лет —
Купят мне велосипед.
Но сильнее всего на свете
Я мечтаю о ракете.

Дни идут — и я расту,
Набираю высоту.
До сих пор мне был забор,
А теперь он — до сих пор.

Скоро буду
Выше Миши,
Скоро буду

Полечу я
Выше Миши,
Полечу я
Выше крыши,
Выше крана —
Великана —
Выше всех!

Когда все заготовки выполнены (рисунок 12), смажьте корешок (коленкор) клеем и положите на середину трафарет-шпацию с отступом сверху на 15 мм (рисунок 13). В стык к нему и к коленкору приклейте картонки (рисунок 14), а трафарет быстро снимите и на его место приклейте отстав (рисунок 15). Край коленкора загните. С обратной стороны корешок прогладьте косточкой.

Затем вырежьте из плотной бумаги обложку (рисунок 16). Длина: размер картонки плюс 30 мм. Ширина: отступите от внутреннего края картонки на 3—4 мм и дайте припуск 15 мм от внешнего края. Смажьте ее крахмалом или клеем, наложите на папку и наклейте так же, как делали заготовку. Уголки приклеенной бумаги обрежьте так, чтобы от угла картона до линии обреза было примерно 5—6 мм. Край обложки загните с головы и хвоста. Срезанные уголки немного заправьте вовнутрь. Затем загните передовый край обложки. Переверните работу и прогладьте ее косточкой или руками.

Чтоб закруглить корешок у папки, его следует подержать несколько секунд на теплой трубе с диаметром, примерно равным размеру отступа, или потереть по внутренней стороне о край стола (рисунок 17).

Ремонт книг 7-го стандарта отличается от ремонта книг 5-го стандарта только восстановлением обложки. На материал (коленкор или ледерин) положите 2 картонки со шпацией. Сделайте припуск по 15 мм со всех сторон, срежьте углы, как было уже описано. Затем смажьте весь материал столярным клеем средней густоты и положите на одну картонку с отступом на 15 мм с трех сторон, потом шпацию и вторую картонку. Все детали выравнивайте по одной линии. Теперь шпацию уберите и приклейте отстав. Концы материала приклейте к внутренней части картона.

В. ГЕРАСИМОВ

Рыболовный ноябрь

Месяц студёных ветров — переломная пора для рыбы. Прихваченные ночным морозом берега опустели. Но и в эту пору по омутам и глубоким затонам еще можно встретить рыболова-кружочника, с трудом пробившегося на лодке через береговые закраины.

Для рыболовов-удильщиков наступила «нелетная погода». Они готовят к зимнему сезону блесны, морышки, сторожки, зимние жерлицы, поплавочные удочки, затачивают стальные пешни, ножи скоростных ледобуров, намечают маршруты и планы подледной ловли.

А зима набирает силу. К середине месяца заканчивается ледостав на мелких прудах, заводях, опухляках. Открытие зимнего сезона на слабопроточных водоемах обычно происходит в третьей декаде.

Тонкий лед, запорошенный снегом, таит для рыболовов много опасностей, трудно различаемых глазом. Опасно передвигаться, подолгу сидеть на одном месте. Опытные рыболовы приступают к ловле, когда ледяной покров достигнет 5—7 сантиметров. Они избегают ловить в одиночку, а при ловле группой загасаются шестом, длинной веревкой и перед каждым шагом проверяют пешней надежность льда.

По перволедью хорошо ловятся поплавочными удочками лещ, язь, густера, плотва, подуст, елец, окунь, ерш, пескарь.

Отличная приманка — мотыль. Некоторые запасливые рыболовы с успехом ловят на червя и опарыш.

Любители ловли жерлицами пробираются к более глубоким местам, отыскивают закоряженные омуты, ямы. Днем на малька и живца ловится щука, судак, крупный окунь, а ночью — налим и судак.

Большее всех горячатся по перволедью сторонники активной ловли на блесну и мормышку. Они беспрерывно меняют места, пока не найдут стоянку рыбы. На крупные блесны в глубине и «крепях» ловятся щуки, судаки, большие окуни, а к вечеру и ночью — налимы. На менее глубоких местах, в коряжниках и под затонувшими водорослями идет массовый лов окуня на мелкие блесны.

Лучшие результаты дают блесны с крючком, замаскированным красной шерстинкой, а иногда с подсадкой на крючок окуневого глаза. Плотва, красноперые окуни и другие рыбы жадно берут на мормышку с подсадкой мотыля.

Большее других налавливают окуней рыболовы, освоившие новый способ ловли на безмотыльную мормышку.

Г. САЗОНОВ

Зимняя одежда

Пальто для девочки-подростка прилегающей формы, слегка расширенное книзу. Рукав цельнокроенный. Воротник и манжеты из натурального или искусственного меха без рисунка. Двубортная застежка отделана строчкой.

Пальто для девочки младшего школьного возраста двубортное, слегка расклешенной формы. Воротник из меха с рисунком. Карманы помещены в рельефах пальто.

Пальто стеганое для мальчиков младшего школьного возраста на ватиновой, ватной или поролоновой прокладке. Верх из недорогой непромокаемой ткани. Воротник из меха с коротким ворсом.

Костюм для девочек младшего школьного возраста из шерстяной или плотной штапельной ткани. Юбка прямая, заложена крупными складками. На кармане аппликация.

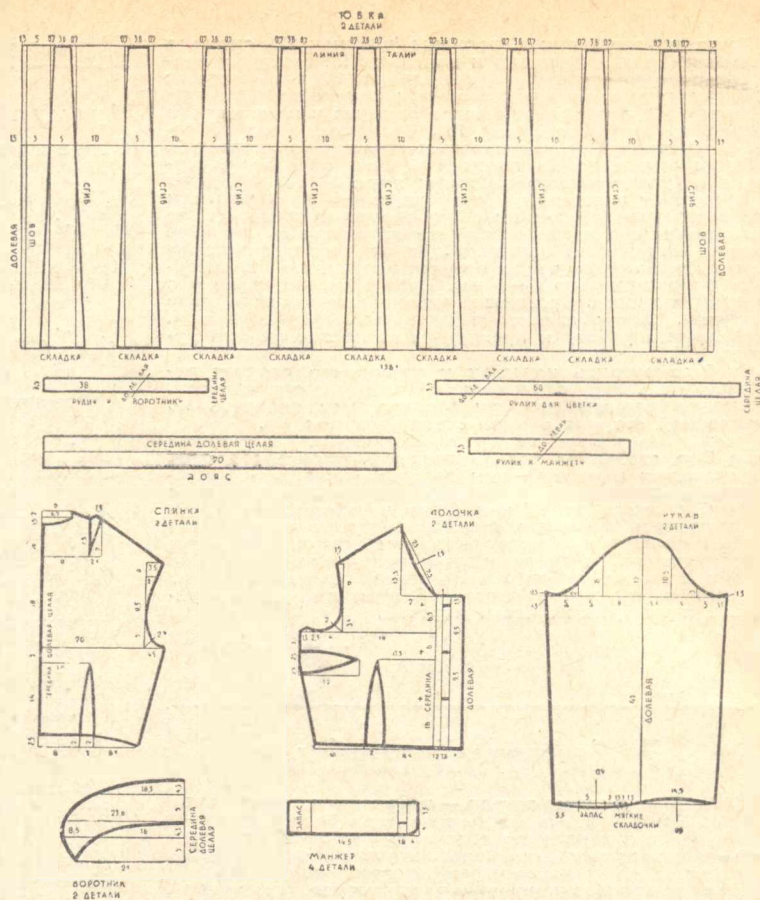
Костюм для мальчиков младшего школьного возраста состоит из рубашки, брюк и жилета. Отделкой служит аппликация на кармане.

Платье для девочки-подростка из шерсти или лавсана в мелкую клетку. Отделка по воротнику и манжетам — рулик в цвет клетки. Украшение — цветок из рулика того же цвета.

Юбка-колокол, заложена крупными складками.

Чертеж кроя этого платья дан для 44-го размера.

Э. ЧУРКИНА,
художник Общесоюзного дома моделей
одежды

Содержание

Встречаем праздник...	1
СЕМЬЯ И ДЕТИ	
Л. Подвойский. Примером всей жизни	2
Л. Гуськова. В семье всесоюзного старосты	5
Г. Окский. «Одни дела, одни мечты...»	7
В. Шумилин. Дом над откосом «Отдохните, легчайте, чем остатся...» (из «Трудной книги» Г. Медынского)	8
И. Кичина. Увлеченность	10
М. Микулинская. «Посмотри, как красиво!..»	14
Инна Гофф. Бумажные цветы (рассказ)	15
ШКОЛА И ОБЩЕСТВЕННОСТЬ	
Алиса Акимовна. Письма из Киева (окончание)	21
Георгий Саяченко. «Живые картины» Татьяны Терентьевны	24

Л. Москвина. Люди, которые не проходят мимо	26
Наши интервью: Н. Рыков. На пороге «века биологии»; Я. Кальницкий. Пульс современности	28
ПОЧТА «СЕМЬИ И ШКОЛЫ»	
Отвечаем родителям: М. Степанова. Мешают ли игрушки учиться?	29
Отвечаем детям: К. Бардин. Когда не хватает времени...	30
Письма на разные темы: Д. Машиуровский. На подоконнике Читатель откликается: Е. Вахтерова. От увлечения к привычке	31
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
О. Воронова. В поисках прекрасного	32
А. Наркевич. Зарубежная литература — детям	33
Н. Эйгес. Ключик к сердцу «трудного»	34

Коротко о книгах	36
А. Краковский. Диафильмы — в семью	—
В ЧАСЫ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА	
Н. Носов. Незнайка на Луне (продолжение)	37
Б. Александров. Снова о лимонах	41
Р. Котс. Построение кадра	—
Джеймс Тёрбер. Ночь с привидением	42
Е. Гельфан. Игра учит	43
Лоис Крайслер. Улыбка волка	44
В. Герасимов. Как лечить книгу	46
Выше всех. (Песня. Музыка Ильи Горина, слова Михаила Владимова)	47
Г. Сазонов. Рыболовный ноябрь	—
На 1-й странице обложки: Улыбка. Фотоэтой Б. Борисова. На 4-й странице обложки: На прогулке. Фотоэтой Б. Романова.	

Главный редактор А. Г. Орлов. Редакционная коллегия: Е. И. Волкова, П. И. Гелазония (ответственный секретарь), С. А. Гуревич, Б. В. Игрицкий (заместитель главного редактора), Р. А. Курбатова, Т. В. Матвеева, В. М. Померанцев, Р. М. Рогова, П. К. Холмогорцев, О. Э. Чкалова, М. Ф. Шабаетова, Л. А. Шнайдер.

Рукописи и фотоснимки не возвращаются. При перепечатке ссылки на «Семью и школу» обязательны.

Художественно-технический редактор Т. Н. Мухина

Адрес редакции: Москва, Г-117, Погодинская улица, 8
Телефоны редакции: Г 5-03-73, Г 5-12-14
Издательство «Просвещение»

Подписано к печати 21/X 1965 г. А10553. Тираж 1 071 100 (1—721 100) экз. Зак. № 1941. Бумага 84×108¹/₁₆. Уч.-изд. л. 9,46. Печ. л. 5,64. Бум. л. 1,63.

Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького Главполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров СССР по печати, Гатчинская, 26. Обложка и вкладка отпечатаны в Ленинградской типографии № 3 имени Ивана Федорова, Звенигородская, 11.

Зимняя одежда

